

Виталий ГУБАРЕВ МОНТИГОМО ЯСТРЕБИНЫЙ КОГОТЬ

Свыше пятидесяти пяти иллюстраций Игоря Ушакова
к повестям «Монтигомо — Ястребиный Коготь»,
«Северное лето», «Клад»

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Виталий Георгиевич Губарев
(1912–1981)*

Виталий ГУБАРЕВ

МОНТИГОМО – ЯСТРЕБИНЫЙ КОГОТЬ

ПОВЕСТИ

Иллюстрации
И. Ушакова

творческое объединение
Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплетной компании
ООО «Творческое объединение «Алькор»*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Г93

Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение «Алькор»

Классический переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшонирования
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение «Алькор»

Г93 **Виталий Губарев. Монтигомо — Ястребиный Коготь.** — Санкт-Петербург:
СЗКЭО, 2024. — 232 с.: ил.

Виталий Георгиевич Губарев (1912–1981) — советский детский писатель, журналист и драматург. Его наследие состоит из десятков сказок, повестей и пьес, пользовавшихся любовью многих поколений юных читателей. Оригинальные тексты Губарева, воплощающие идеалы его эпохи и отличающиеся особым авторским стилем, вызывают интерес и в наши дни. Данный сборник содержит повести «Монтигомо — ястребиный коготь», «Северное лето» и «Клад». Великолепные иллюстрации к ним выполнил выдающийся советский художник Игорь Леонидович Ушаков (1926–1989).

© СЗКЭО, 2024

© Губарев В. Г., наследник, 2024

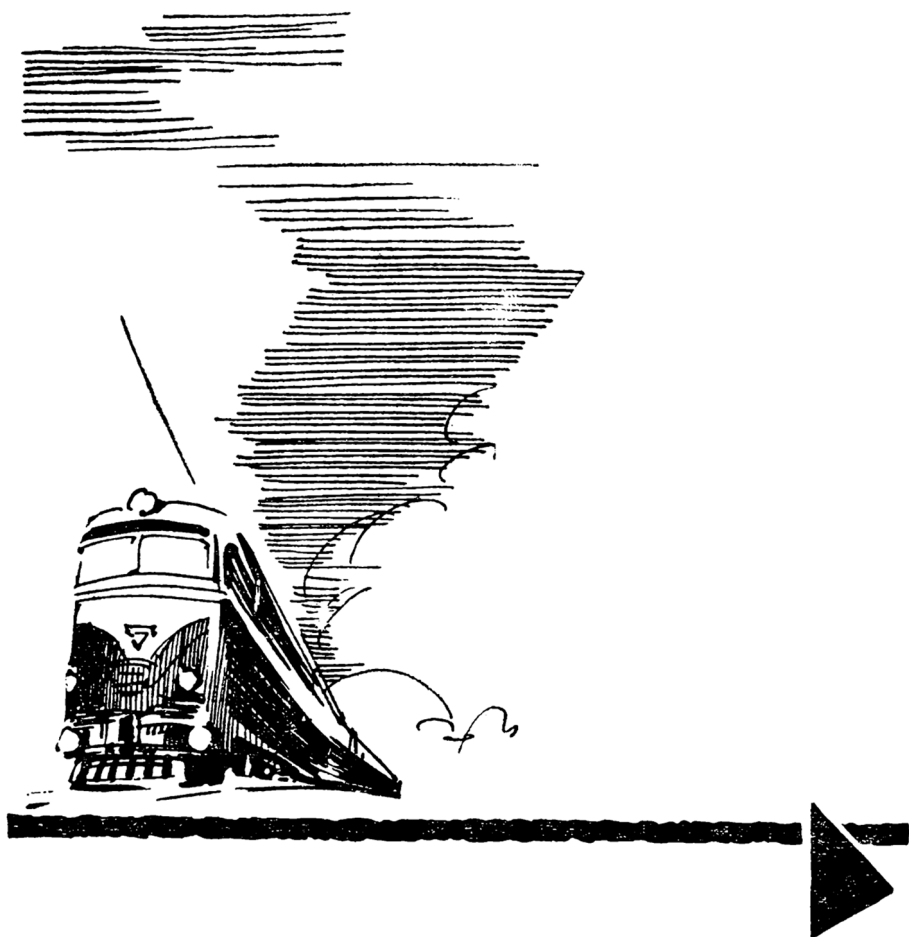
© Ушаков И. Л., наследники, 2024

© Дизайн кожаного переплета. ТО Алькор

ISBN 978-5-9603-1136-6 (7БЦ)

ISBN 978-5-9603-1137-3 (Кожаный переплет)

МОНТИГОМО- ЯСТРЕБИНЫЙ КОГОТЬ

Глава первая

Должно быть, и вправду беда не приходит одна.

В воскресенье вечером Сережа Назаров вышиб футбольным мячом стекло в окне соседнего дома. А в понедельник утром он «навечно» поссорился с лучшим закадычным другом Валеркой Котовым. В тот же день, съезжая верхом по перилам лестницы, Сережа располосовал новые штаны так сильно, что нельзя было и думать о какой-нибудь починке. В довершение всего во вторник его вызвали на совет дружины и утвердили вожатым октябрятской звездочки в первом классе.

Было от чего прийти в отчаяние! Столько несчастий за три дня!

Разумеется, Сережа Назаров не против октябрят. Но неужели в пятом классе «Б» нет другого, более подходящего человека? Побледнев от волнения, он сказал под хохот совета дружины:

— У меня нет призвания для работы с детьми...

— Сколько тебе лет, Назаров? — спросила старшая вожатая, поднимая руку, чтобы остановить смех. Однако ее большие голубые глаза тоже улыбались.

— Одиннадцать, — сердито ответил Сережа. — Не понимаю, что я сказал смешного?

— А с кем у тебя есть призвание работать? — спросил председатель совета Саша Рыбин; он учился уже в восьмом классе и говорил солидным баском. — Может, ты хочешь читать лекции в университете?

Все снова расхохотались.

Вожатая взглянула на Сашу и укоризненно покачала головой.

— Сережа, не обращай внимания на неумные остроты, — мягко сказала она. — Почему ты думаешь, что не сможешь работать с малышами? Скажи, у тебя есть сестричка или братик?

— Есть сестра, — пробормотал он, сраженный ее ласковым тоном.

— Ну, вот видишь, как хорошо! — обрадовалась вожатая. — Наверное, тебе не раз приходилось гулять с ней, рассказывать ей сказки...

— Анна Павловна, — перебил вожатую Саша Рыбин, — его сестра учится со мной в восьмом классе. Вы же ее знаете! Лиза Назарова...

— Ах, вот как! — покраснела вожатая. — Это несколько меняет дело... Но ты не унывай, Сережа! И я и все члены совета дружины всегда будем помогать тебе. Мы не можем оставлять звездочку без руководства. Ты же знаешь, что там была вожатой пионерка из вашего класса Оля Попова, но она уехала в Воронеж.

— Я не хочу... — угрюмо сказал Сережа.

— Странно, — пробасил Саша Рыбин, — как это ты можешь не хотеть, если тебя рекомендовал совет отряда!

Совет отряда! Вот, оказывается, в чем дело! Сережа даже задохнулся от негодования. Председатель совета отряда Валерка Котов — вот кто все подстроил! Только вчера поссорились, а сегодня он уже показывает свои когти! Какая мелкая душонка! И с этим человеком он дружил начиная с детского сада!

— Конечно, ты не должен отказываться, — сказала Анна Павловна, поправляя на лбу светлый, красивый локон. — Каждый пионер обязан иметь общественное поручение. Тем более что ты отличник, и это не будет тебе в тягость. Ты, Назаров, должен гордиться таким почетным поручением! Ты же будешь воспитывать пионерскую смену! Понимаешь?

— Понимаю... — вздохнул он.

— Вот и прекрасно! Голосуй, Рыбин!

Так Сережа стал октябрятским вожатым. Он шел домой в тот день в самых расстроенных чувствах, заломив на затылок ушанку и рассеянно размахивая своим стареньким портфелем. Справедливости ради надо заметить, что портфель был старенький не по возрасту, а только по внешнему виду: ежегодно отец покупал Сереже новый портфель к первому сентября, но уже к первому октября этот портфель почему-то становился старым.

Шел Сережа в пальто нараспашку, не замечая мелкого мартовского дождика, который вдруг заморосил сегодня в Ростове после продолжительных и довольно крепких морозов. Холодная зима редко удерживается в низовьях Дона так долго, и ростовчане оживленно сновали по улицам, радуясь наступающему теплу и весеннему дождику, который заполнил воздух, будто мокрая пыль. Удивительно приятно запахло рекой, оттаявшей землей. Влажные асфальтовые тротуары почернели и неясно отсвечивали, голые акации жадно подставляли под дождь свои ветки и веточки, таяли на глазах кое-где сохранившиеся грязные сугробы. Звонки трамваев, шум автомашин, смех и голоса прохожих — все это звучало в дождевой дымке как-то по-особенному задорно и весело. Только одного Сережу не радовало тепло. Отсюда, из Темерника (так называется одна из наиболее высоких частей Ростова, где жил Сережа), был далеко виден огромный многоэтажный город, вытянувшийся вдоль берега Дона. Неясно вырисовывались в тумане ажурные переплеты моста через реку. По мосту на юг шел пассажирский поезд. Сережа поднял глаза на уличные часы и заволновался: часы показывали, что по мосту сейчас движется поезд «Москва — Ереван», который до Ростова от станции Иловайская вел Сережин отец — машинист Константин Сергеевич Назаров. Еще это значит, что отцовский электровоз уже находится в депо. Примерно через час отец бу-

дет дома, и Сереже придется давать отчет и за выбитое окно в соседнем доме и за погубленные штаны.

— Беда, беда, — вслух подумал Сережа и сокрушенно вздохнул. Какой-то прохожий даже остановился, услышав Сережины слова, внимательно посмотрел на него и почему-то рассмеялся.

Дом Назаровых, белый, глинобитный, с розовой черепичной крышей, с маленьким двориком, который летом густо зарастает сиренью и диким виноградом, стоит на уютной улочке.

С каждым месяцем разрастается Ростов и в ширину и в высоту, а до этой улочки никак не доберутся строители. Совсем тихая она, и вырастают на ней не новые дома, а пышные лопухи да лебеда, и целыми днями парят над ней белые голуби.

Сережа подошел к дому и похолодел: в щелях соседнего забора он ясно различил синюю шинель участкового. Он хотел было пуститься наутек (лучше всего — за угол и по Профсоюзной улице под горку в Камышевахскую балку, а там — ищи ветра в поле), однако его осенила мысль, что рано или поздно домой придется возвращаться и неприятных разговоров о разбитом стекле все равно не избежать. Но неужели соседка позвала милиционера? Интересно, что она ему рассказывает?

Сережа — человек быстро меняющихся настроений. Охваченный уже не страхом, а любопытством, затаив дыхание он осторожно протиснулся в калитку, чтобы за кустами сирени незаметно подобраться к соседнему забору. Уже из калитки он увидел, что его опередили. Кусты были высокие и очень густые, но без листьев они просвечивали, как кружево. За сплетением веток Сережа различил прильнувшую к забору сестру. Лиза третий день болела ангиной и не ходила в школу. Набросив на плечи отцовскую куртку, в калошах на босу ногу, она зябко ежилась и пританцовывала, но ни на секунду не отрывала глаз от щели. Вероятно, по ту сторону забора происходило что-то интересное.

— Тсс... — зашипела она, услышав рядом с собой дыхание брата, и даже не посмотрела на него. — К Петушковым пришел милиционер, Сережка! Там такая обстановочка — ни в сказке сказать, ни пером описать! — продолжала сестра простуженным голосом — можно было подумать, что она чем-то подавилась.

— Дура, — беззлобно сказал Сережа. — А еще в восьмом классе учится. Иди сейчас же ложись в кровать! Вот папа придет!..

— Я тоже могу кое-что рассказать папе! — многозначительно прошипела Лиза и метнула на брата свирепый взгляд. Ее маленький остренький носик был багровым, как свекла, а губы совершенно синими.

— Очень я тебя боюсь! — сказал Сережа.

— Ты как разговариваешь со старшей сестрой, червяк! — выдохнула Лиза сквозь постукивающие зубы. Ей сделалось, наконец, так мучительно холодно, что она не стала ждать, что он ей ответит, и, прискакивая, побежала в дом.

Сережа ухмыльнулся и приложил глаз к щелке забора.

Худенькая соседка с бледным лицом куталась на крыльце в платок. У нее были испуганные глаза.

— Ваш сын, гражданин Петушкова, — неторопливо говорил участковый, — четвертый год нигде не работает после школы. Вы же сами делаете из него тунеядца.

— Я ему говорила, — слабо возражала соседка.

— Плохо говорили, гражданин Петушкова!

— Ну что я могу с ним поделать? — вдруг страдальчески вскрикнула она, и на ее глазах заблестели слезы. — Что я могу, товарищ лейтенант?

Участковый кашлянул, и его тон несколько смягчился.

— А где ваш сын в настоящее время?

— Да разве ж я могу знать? Разве ж он рассказывает мне, где он бывает, с кем гуляет? Это мой крест, товарищ лейтенант!

Она закрыла лицо руками, и Сереже стало вдруг очень жалко эту женщину и очень стыдно, когда он подумал о разбитом окне в ее доме. Его щекам и кончикам ушей сделалось горячо.

— Мы вызовем вашего сына в отделение... — донесся до Сережи голос участкового.

— Пожалуйста, вызовите, товарищ лейтенант! — ответила она чуть слышно. — У меня с ним больше никаких сил нету...

— Но вы со своей стороны предупредите сына, что, если он в месячный срок не начнет где-нибудь работать, мы его выселим из Ростова и заставим работать в принудительном порядке!

Тут на веранде закрипела дверь, и Сережа услышал сердитый бабушкин голос:

— Ты чего под дождем мокнешь, архаровец? Ступай домой сейчас же!

«Наверно, Лизка наябедничала», — подумал Сережа и заторопился на веранду.

Дом Назаровых перегороден на четыре комнаты. В центре дома — квадратная печь, срезающая в каждой комнате угол (эти углы отец аккуратно выложил белым кафелем). Прямо с веранды дверь ведет в столовую. Собственно, это кухня, но в этой светлой комнате так много цветов, такие нарядные занавески на окнах и такая белоснежная накрахмаленная скатерть всегда лежит на круглом столе, что называть эту комнату кухней язык не поворачивается.

Одна дверь из столовой ведет в самую большую комнату. Здесь обитают мужчины — Константин Сергеевич и Сережа. Другая дверь ведет к Лизе и бабушке. Их комнаты поменьше. Однако Лиза устроена лучше всех: у нее совсем отдельная комнатка, в которую можно попасть только, как говорит она, «через бабушку».

Конечно, приятно иметь отдельное жилье, но все-таки свою и папину комнату Сережа ни на какую другую не променял бы. Там, прежде чем заснуть, они ведут вполголоса мужские разговоры, в которых ничего не смыслит ни одна девчонка. Например, что такое подшивник? Или почему футболисты Росто-

ва выиграли у спартаковцев, а киевским динамовцам проиграли? Да мало ли о чем могут говорить мужчины! Кроме того, их комната самая просторная, в ней стоит телевизор «Рекорд».

Сережа снял у входной двери ботинки и надел комнатные тапочки. В доме пахло жареными пирожками. Бабушка сгибалась возле духовки и мурлыкала свою любимую песенку:

По Дону гуляет, по Дону гуляет,
По Дону гуляет казак молодой...

Лиза крикнула сдавленным голосом из своей комнаты:

— Ты ботинки снял? — и закашлялась.

Почему она считает необходимым каждую минуту делать ему всякие замечания? Он обиженно засопел и не ответил.

— Ты слышишь, Сережка?

За него ответила бабушка:

— Снял, снял, Лизонька.

Бабушка обожает Лизу. Не бывает такого желания у внучки, чтобы бабушка сказала «нельзя». Сережа знает, что бабушка не заругает ее даже за то, что она больная бегает по двору в калошах на босу ногу. А на него все шишки валятся. Он «архаровец». Удивительно, что бабушка до сих пор не пилит его за выбитое стекло. Ведь соседка, наверно, еще вчера все ей рассказала. А что его ожидает за растерзанные штаны, которые ему пока удастся незаметно скрывать под шкафом?

— Сережа, ты будешь обедать или подождешь папу? — спросила бабушка.

— Подожду, бабуся, — нежнейшим голосом ответил Сережа.

Бабушка подняла от печки раскрасневшееся лицо и подозрительно посмотрела на Сережу: такой голос у него бывает, когда он в чем-нибудь провинится.

— Небось есть-то хочешь?

— Самую чуточку, бабуся...

Она усмехнулась и притянула его к себе... От нее передавалось печное тепло и очень вкусно пахло топленым маслом. А от мягкой бабушкиной щеки просто исходил жар.

— Проголодался, постреленок! — она протянула ему пышный пирожок, ароматный, поджаристый и такой горячий, что в руке держать больно.

Нет, видно, несправедлив был Сережа, когда думал, что бабушка любит одну только Лизу...

Глава вторая

Когда легли спать, отец проговорил негромко:

— Ну, Сергей, рассказывай.

«Начинается», — подумал Сережа, сжимаясь под одеялом, но недрогнувшим голосом спросил:

— А что рассказывать, папа?

Отец потянулся в постели, зевнул.

— А разве тебе не о чем рассказывать? Что за странный вопрос?

Действительно странный вопрос! Всякий раз, когда они одни оставались в своей комнате, Сережке было о чем рассказывать. А сегодня, выходит, не о чем! Хорошо, что погашена лампа, а то отец увидел бы, как он покраснел.

На улице прямо против окон горел раскачиваемый ветром фонарь, и в комнате — колебались, убегали и снова появлялись какие-то непонятные тени. В полумраке Сереже был виден отцовский профиль. Он четко выделялся на белой подушке. Высокий лоб, мохнатые, сросшиеся на переносице брови, крупный нос с горбинкой и полные, добродушные, как у мальчика, губы. Тени и светлые блики скользят по его лицу. Подбородка не видно — закрыт кончиком одеяла, но Сережа и так хорошо представляет отцовский подбородок: округлый, жесткий, чуть раздвоенный посередине. После бритья он делается матово-фиолетовым — такая густая у отца борода. Соседи говорят, что Константин Сергеевич похож на Григория Мелехова. Но Сережа не согласен: он видел в летнем кино из-за забора одну серию «Тихого Дона», и Григорий Мелехов ему нисколько не понравился. Даже сравнивать нельзя! Мелехов на лошади, а отец на электровозе. И вообще Мелехов контрик, а отец коммунист. Что у них общего?

Отец молчал — ждал, что расскажет сын. Сережа лежал на кушетке, опираясь подбородком на ладонь, и мучительно думал: с чего начать?

— Пап, меня октябрятским вожатым назначили... — сказал, наконец, Сережа и прибавил жалобно: — Вот не было печали!

Отец повернул к сыну лицо.

— Слушай, Сережа, это же замечательно!

— Что, пап?

— То, что тебе дали такое ответственное поручение!

— Ответственное?

— Очень! Значит, тебя уважают в дружине. Ну, брат, ты меня обрадовал!

Очень я рад за тебя! Поздравляю!

— Но, пап, я же не могу воспитывать детей! — воскликнул Сережа.

— Научишься, брат... Вожатая поможет, да и сам ты парень смысленный.

— Я даже не знаю, с чего начинать...

— А ты вспомни, что любил сам, когда был октябренок.

— Играть... — подумав, сказал Сережа.

— Я думаю, что октябрята тоже любят играть. А уж играть-то ты умеешь!

Придется тебе, конечно, почитать кое-что, попроси литературу про октябрят.

— Вожатая сказала, что во Дворце пионеров будет семинар для нас.

— Это хорошо! Но знаешь, что самое главное для октябрятского вожатого?

Во всем быть примером для детишек. Иначе, брат, полный провал!

— Да...

— Вот в двадцать четвертом году я сам был октябренок, и дали нам одного шалопаю в вожатые. Так он, помню, пришел на сбор с папиросами «Наша марка»... А на следующий день двое наших мальчишек тоже «Нашу марку» купили!

— Папа, я же не курю! — искренне возмутился Сережа.

— Я для примера тебе говорю... Можно ли детишкам говорить — не кури, если сам куришь?

— Нельзя!

— Можно ли их научить честности, если сам врешь?

У Сережи над верхней губой выступили капельки пота.

— Пап, я не вру...

— Да кто же тебя обвиняет, милый ты мой!

Сережа облизнул пересохшие губы.

— Пап, я давно хочу сказать... — его голос задрожал. — Я новые штаны порвал...

— Это, брат, плохо, — кашлянул отец. — Сильно?

— Сильно... Нельзя починить...

— Гм... Но ты все-таки покажи бабушке, может, она и починит. В этом отношении она волшебница...

— И еще, пап, я сказать хотел...

— Еще? Ну, давай выкладывай!

— Я нечаянно, честное слово!

— Что?

— Стекло у Петушковых выбил...

Отец помедлил.

— Ну, то, что это безобразие, я тебе говорить не буду, потому что ты и сам знаешь...

— Да, — тихо прошептал Сережа.

— Завтра купишь стекло, а я вставляю... Что еще?

— Все! — с таким облегчением вырвалось у Сережи, что отец не выдержал и рассмеялся. — Ой, нет, пап! Еще не все!

— Ну?

— Я с Валеркой Котовым поссорился.

— Крепко?

— Навечно!

— Из-за чего же?

Сережа не успел ответить, потому что дверь распахнулась и на пороге появилась Лиза в длинной, до пят, ночной сорочке.

— Сережка! — гневно зашептала она своим сиплым голосом. — Где Рыжик?

Рыжик — это маленький пушистый котенок с желтой шерсткой на спине и белыми лапками. В эту минуту он лежал под Сережкиным одеялом и вдохновенно мурлыкал. Сережка чувствовал под мышкой его теплое дыхание.

— Сережка, отдай Рыжика!

Сережа молчал, так как знал, что никакие слова ему сейчас не помогут: Лиза будет непреклонна. Просить защиты у отца тоже бесполезно. Папа скажет: «Я в ваши дела не вмешиваюсь, неужели вы котенка разделить не можете?» Лучше всего не отвечать Лизе и еще полминутки понежить на груди мягкий комочек, чувствуя, как он содрогается от мурлыканья.

Раз! — с Сережиной кушетки слетело одеяло, и Рыжик коротко мяукнул, стиснутый Лизиними пальцами. Закачались над головой листья фикуса, задеваемые одеялом.

— Спокойной ночи, папа, — сказала сестра так спокойно, словно только и пришла для того, чтобы пожелать отцу доброго сна.

— Спокойной ночи, — ответил отец и как ни в чем не бывало продолжал, обращаясь к Сереже: — Так из-за чего же вы с Валеркой поссорились?

— Он со всеми ссорится, — с порога сказала Лиза, прижимая к груди котенка. — Совершенно невыносимый характер!

— Мы разбудим бабушку, Лиза, — чуть недовольно проговорил отец. — Закрой, пожалуйста, дверь.

— С той стороны! — быстро прибавил Сережа.

Лиза издала губами какой-то презрительный звук и закрыла дверь.

— Валерка мне не кажется задиристым парнем, — сказал отец.

— Ты его плохо знаешь, пап...

— Возможно, возможно...

— Понимаешь? В воскресенье мы хотели пойти в кино, и Валерка сказал, что купит билеты... На четырехчасовой сеанс... Ну вот, я прихожу, а его мать говорит, что он уже ушел, а мой билет отдал Алику. Разве так товарищи поступают?

— Погоди, но ведь Алик тоже ваш товарищ!

— Да, но билет-то Валерка брал для меня, а не для Алика.

— Тут мне не все ясно. Давай разберемся... В котором часу ты пришел к Валерке?

— Я совсем немножко опоздал... Мы с ребятами в футбол играли...

— В футбол? В такую погоду? Погоди, уж не футбольным ли мячом ты окно у Петушковых высадил?

— Да, — еле слышно сказал Сережа.

— Так... На сколько же минут ты опоздал к Валерке?

— Совсем немножко... — упавшим голосом повторил Сережа, начиная понимать, что разговор складывается не в его пользу.

— Вы когда условились встретиться?

— В половине четвертого...

— А когда ты пришел?

— Я не очень точно помню, пап...

— Ну все-таки?

— Ну... приблизительно... в начале пятого...

— А сеанс в четыре?

— Да...

— Я надеюсь, мне не нужно объяснять тебе, кто из вас прав?

— Нет...

— Спокойной ночи, сынок.

— Спокойной ночи, пап...

Однако уснуть после серьезного разговора не так просто. Сережа долго возился в постели.

— Пап...

— Что, сынок?

— Ты еще не спишь?

— Нет... А что?

— А ты мне про себя сегодня ничего не рассказал...

Такая уж у них давнишняя договоренность — рассказывать по вечерам друг другу все самое сокровенное.

— Я думал, ты устал и хочешь спать.

— Ну что ты!

— Ну, если так, у меня есть большая новость! Моей бригаде присвоено почетное звание, сынок! Звание бригады коммунистического труда!

— А ты бригадир?

— Да.

— Вот здорово! А на электровозе написано?

— Написано: «Электровоз обслуживает бригада коммунистического труда».

Сережа сбросил с кушетки ноги и сел, укутав колени одеялом.

— Значит, ты лучше всех работаешь? Да, пап?

— Почему же лучше всех? Бригад коммунистического труда, брат, много. В этом все и дело, чтобы их побольше было! Чем лучше все советские люди будут работать, тем лучше и лучше все будут жить и тем скорее мы построим коммунизм!

Сережа помолчал, размышляя.

— Пап, коммунизм — это когда всего-всего вдоволь и ты берешь все, что тебе нужно, и все задаром?

— Да, если ты, конечно, честно работаешь и вообще честно живешь.

— Пап, а что такое «тунеядец»?

— Это такой, который желает все брать задаром, а работать не хочет. Где ты слышал это слово?

— Сегодня участковый за Гришкой Петушковым приходил, говорил, что он тунеядец.

— Гришка? Да, это тунеядец высшей марки!

— Участковый сказал, что его из Ростова выселят.
— Надо бы... Только мать Гришкину жалко.
— И мне жалко... Она так плакала, так плакала!
— Честность, Сергей, — это главное в жизни. Навсегда запомни: бесчестному человеку лучше совсем на свете не жить!
— Все коммунисты честные, да, пап?
— Конечно! А если среди коммунистов попадается случайно какой-нибудь бесчестный человек, его из партии поганой метлой выгоняют! Тут уж никакие чины не помогут!
— Ты всегда был честным? Да, пап?
— Старался, сынок.
— И я буду честным!
— В этом не сомневаюсь. Думаю, что и ты и Елизавета у меня настоящими людьми вырастете. А теперь спи. Кажется, мы бабушку разбудили. Слышишь, кряхтит?..

Сережа натягивает на себя одеяло. За окном раскачиваются уличные фонари, и бегут, бегут по комнате странные тени и блики. Сережа сжимает веки, но тени и блики все равно скользят перед глазами. А может быть, это скользит сон? Так и есть! Спит Сережа, подложив под щеку ладонь, и уже посапывает. Отец смотрит на него из темноты и улыбается...

Но что это? Сквозь тяжкую дрему, сковавшую сознание, Сережа все-таки слышит, как, ступая на цыпочках, в комнату входит бабушка и садится в кресло рядом с отцовской кроватью.

— Костик, я давеча опять Надежду Андреевну встретила, — шепчет она, вздыхая.

— Ну так что ж, мама?
— Хорошая она.
— Я не спору.
— Не доживать же тебе век вдовцом? Женись, сынок.
— Сложно все это, мама, — помолчав, отвечает отец.
— Сам все усложняешь, Костик,
— Нет, нет, мама! Если бы дети были поменьше, можно было надеяться, что они привыкнут к мачехе. А теперь поздно.
— Да ведь любишь ты ее!

Он не отвечает.

— И она тебя очень уважает, Костик... Подумай, сынок...
— Хорошо, подумаю, мама. Но дети...
— Да что же дети? Детям только лучше будет. Я стара, а им присмотр нужен. Подумай, милый...

Бабушка поднимается, чтобы уйти. В стареньком кресле звякнули пружины. Одна из них звенит долго-долго и тоненько, будто комар.

Впрочем, все это, может, приснилось Сереже? Во всяком случае, утром, когда Сережа просыпается, он ничего не помнит.

Глава третья

После первого мартовского дождика в Ростове установилась такая чудесная погода, что ангина уже никак не могла удержать Лизу в постели.

Третий день в синем, совсем летнем небе сверкало солнце. Нежась в его лучах, над городом медленно проплывали редкие белые облака. На Дону гремел ледоход, и теплый ветер приносил с низовья реки, с Азовского моря, упительные запахи весны.

Осторожный врач все еще держал Лизу на постельном режиме, однако она часами грелась на солнышке — то сидела на скамеечке у веранды, то покачивалась на качелях, которые отец снова повесил во дворе (на зиму качели убрались на чердак).

После обеда навестить больную пришел Саша Рыбин. Лиза в летнем платье дремала на качелях, положив на колени книжку. Саша неловко потоптался у калитки, негромко кашлянул (с некоторых пор вдруг стал почему-то робеть в присутствии Лизы).

Она открыла один глаз и улыбнулась, увидев его высокую складную фигуру в голубоватом школьном кителе.

— Здравствуй, Сашок.

— Здравствуй, Лиза, — чуть заикаясь, сказал он, продолжая топтаться у калитки. — Ты все-таки напрасно в одном платье... Хотя и тепло, но все-таки еще март, а не май...

— Чепуха, Сашок. Ты посмотри, как у меня загорели руки! Правда, здорово?

— И лицо загорело, — помедлив, сказал Саша. — И веснушки появились... Масса веснушек!

— А вот это уж ни к чему, — она провела ладонью по лицу. — Терпеть не могу веснушки! Да подойди ты ко мне! Или тебя привязали к калитке? Что это у тебя на руках?

— Ежик, — сказал Саша, подходя к качелям. — Это тебе. Вчера дядя привез из Майкопа... А ты знаешь? На Кавказе весна уже в разгаре, говорит дядя. Трава зеленая и деревья распускаются.

— Сашок, ты прелесть! — вскрикнула Лиза и прыгнула с качелей. — Обожаю разных зверюшек! Ой, как он колет! А чем его кормить, Сашок?

— Я читал, что ежи любят молоко.

— Бабушка! — закричала Лиза, взбегая на веранду. — Дай мне блюдечко с молоком! А как мне его назвать, Сашок?

— А зачем его называть? — улыбнулся Саша, и его верхняя губа, над которой дымился пушок первых усов, растянулась и обнаружила ряд неровных, но крепких зубов. — Зови его просто ежик.

— Нет-нет! Его надо как-то называть, — ворковала Лиза, устанавливая на дорожке блюдечко с молоком. — Ты посмотри, какая у него восхитительная мордочка! Это типичный... Тимоша! Правда, подходит?

— Можно и Тимошей, — покорно согласился Саша.

Тимоша категорически отказался от молока. Он лежал возле блюдца неподвижным колючим коlobком, высунув кончик влажного, глянцевого носика.

— Ничего не выйдет, Лиза, — робко улыбнулся Саша. — В энциклопедии написано: еж — ночное животное.

— А я выработаю у него рефлекс, — уверенно сказала она. — Вот посмотришь, приучу его есть днем, по звонку! У Сережки есть маленький колокольчик... Позвоню колокольчиком, и будь любезен — пей молочко!

Из-за кустов нераспустившейся сирени, стукнув отодвигаемой в заборе доской, вышел молодой человек с усами в очень узеньких зеленых брюках и пестром пиджаке.

— А ну-ка, брысь с дороги, детский сад! — снисходительным тенорком сказал он и, шагнув через ежа, опрокинул каблуком блюдце с молоком. — Пардон, мадемуазель!

— Можете не извиняться! — сердито вскрикнула Лиза, поднимаясь. — Вы, Петушков, пожалуйста, не ходите через наш двор.

— Не груби взрослым, девочка! — процедил сквозь зубы молодой человек. Он вынул блокнот, вырвал листок и, поморщившись, вытер капельки молока со своего модного ботинка.

— А в самом деле, — сказал Саша, — почему бы вам не ходить через собственную калитку?

Петушков молча пошевелил усиками, неторопливо свернул листок в комочек и щелчком отбросил его за ворота. На его бледном лице отчетливо было написано презрение.

— Детский сад! — повторил он и скрылся за калиткой.

— Терпеть не могу этого пижона! — мрачно сказала Лиза. — Его скоро из Ростова как тунеядца выслыят!.. Слушай, Сашок, а где же Тимоша?

— Укатился под веранду...

— Ну, теперь без Сережки его не достать оттуда. — Она посмотрела на ручные часы. — Кстати, почему это он так долго из школы не возвращается?

— А он сегодня первый сбор с октябрятами проводит, — сказал Саша. — Ты знаешь, мы на совете дружины утвердили его вожатым октябратской звездочки.

— Знаю, — фыркнула Лиза. — Только какой он вожатый? Он же несерьезный мальчишка!

— А по-моему, он мировой парень! — улыбнулся Саша. — Сегодня на большой перемене все время канючил, чтобы я ему литературу про октябрат дал... К сожалению, у меня не было. Слушай, Лиза, становится прохладно. Идем в дом, я тебе покажу, что нам на завтра задали.

Они просидели в доме не меньше двух часов, решили задачи по физике и алгебре, а Сережа все не возвращался. Обеспокоенная бабушка заглянула в Лизину комнату.

— Лизонька, не случилось ли чего с Сережей?

— От этого сорванца всего можно ожидать! — с сердцем сказала Лиза. — Давай, Саша, сходим в школу.

— Но ведь ты больна!

— Что ты! Давно здорова!

Лиза надела пальто, и они отправились в школу.

Далеко за городом, за переплетами гигантской башни телевидения, садилось солнце, но улицы все еще были по-весеннему оживленны. Там и тут гуляли парочки... Мальчишки гоняли голубей. Девочки скакали на тротуарах через веревочку.

Весна широко плыла над городом. Вечернее сиреневое небо было бесконечно высоким и чистым. Стайка воробьев оглушительно скандалила на перекрестке двух улиц. С крыши какого-то дома доносился пронзительный, полный невыразимых чувств кошачий стон. Ласковый ветер дышал теплом, солоноватыми запахами недалекого моря.

— Так я и думала, — сказала Лиза, останавливаясь у ворот школы. — Здесь уже давно никого нет. Наверно, Сережка на Дону блукает, — прибавила она, подчеркивая это распространенное на юге России слово — «блукает», что означает — шатается без всякого смысла. — Ну, конечно, Саша, ведь на Дону ледоход! Где же еще быть Сережке?

— Пойдем все-таки посмотрим, что делается в пятом «Б».

Они прошли мимо задремавшей нянечки, поднялись на второй этаж и в пустом коридоре еще издали услышали ребячий визг, доносящийся из пятого «Б». Потом послышался глухой удар и резкий свисток.

— Сумасшедший дом, а не класс! — сказала Лиза и рванула ручку двери.

Они не сразу поняли, что происходит в классе. Сначала они увидели Сережу. Он стоял на стуле с засученными рукавами, со свистком в руке. Его волосы были взъерошены, а глаза на покрасневшем лице сверкали и излучали вдохновение.

— Пасуй направо! — запальчиво кричал он кому-то. — Я говорю, направо! Стой! Я говорю, стой!

Потом они увидели двух мальчиков и трех девочек, которые, толкаясь и размахивая руками, сновали между сдвинутыми партами. Они задыхались от усилий, посапывали и попискивали. Они были мокрыми, как мыши, от них поднимался пар, но на их пунцовых лицах был написан восторг.

— Что здесь происходит? — громко спросила Лиза.

Ее никто не услышал. Только теперь она разглядела: ребятишки что есть силы пинают ногами набитый какими-то тряпками Сережин портфель.

— Ой, не могу! — вдруг захохотал Саша Рыбин, срываясь с баса на дискант и хватаясь за живот. — Они ж играют в футбол! Ой, не могу! Первый раз вижу, чтобы в футбол играли девчонки!

— Червяк! — яростно закричала Лиза. — Сейчас же прекрати это безобразие!

Пятеро футболистов и судья на стуле застыли на месте, повернув к двери разгоряченные лица. В наступившей тишине стало слышно их дыхание. Самая маленькая девочка (ее почти не было видно из-за парты) спросила тоненьким голоском, приподнимаясь на цыпочках:

— А почему нельзя играть? — она не выговаривала «р».

— Можно! — вырвалось у стонущего от смеха Саши Рыбина. — Играйте, ребята... Играйте сколько влезет...

— Ты с ума сошел, Саша! — Лиза метнула на него негодующий взгляд. — Какой ты председатель совета дружины, если разрешаешь такое хулиганство?

— Где хулиганство? — вдруг завопил судья, прыгая со стула на пол. — Где хулиганство? Я тебя спрашиваю, где ты видишь хулиганство?

— Я все расскажу папе, червяк!

— Я тоже расскажу, как ты пришла срывать октябрятский сбор!

— Дурень, — уже несколько спокойней сказала Лиза, — может быть, ты мне скажешь, в каких командах девочки играют в футбол? В «Динамо»? Или в «Спартаке»?

— А нам интересно! — сказала все та же маленькая девочка, вытягиваясь на цыпочках.

Октябрята зашевелились и заговорили все сразу:

— Очень интересно!

— У нас еще никогда такого сбора не было!

— Мы очень любим Серёгу!

— Раньше было неинтересно.

— Пасуй направо! — запальчиво кричал он кому-то.
— Я говорю, направо! Стой! Я говорю, стой!

— Раньше мы всю зиму клеили книжные закладки.

— Наверно, тысячу штук склеили!

— Мы хотим играть в футбол!

— Мы любим Сережу!

Успокоившийся наконец Саша Рыбин поднял руки.

— Тише, ребята, — начал он тем солидным и спокойным тоном, с каким обычно обращаются к детям взрослые руководители. — Это очень хорошо, что вы любите Сережу, и я не против, чтобы вы играли в футбол. Но во-первых, играть в футбол надо во дворе, а не в классе; и во-вторых, почему вон то, что валяется у вас под ногами, вы называете футбольным мячом?

— А если у нас нет футбольного мяча? — задорно спросил худенький черноглазый мальчик.

— Это не значит, Леня, что вожатый вашей звездочки должен свой портфель превращать в футбольный мяч, — ответил ему Саша. — В общем, друзья, уже поздно, и тренировку вам придется перенести на следующий сбор. Ступайте домой, потому что вас уже давно, наверно, разыскивают мамы.

Натянув съехавшие чулки и оправив косички и платья, октябрята ушли. Сережа молча освободил портфель от тряпок и старательно вытер его локтем.

— Носом бы тебя в этот портфель! — сказала Лиза.

Он не ответил и даже не посмотрел на сестру.

— Ты не обижайся, старик, — сказал ему Саша. — Согласись, что Лиза права. Нельзя так варварски относиться к портфелю. И потом, если ты думаешь, что самое главное в жизни октябрят — футбол, то могу тебя заверить, что ты ошибаешься.

Сережа посмотрел на председателя совета дружины, иронически прищурившись.

— А что, я должен клеить с октябрятами закладки для книг?

— Ты советовался с вожатой октябрятской группы, прежде чем проводить сбор своей звездочки?

— А кто вожатая октябрятской группы?

— Ты даже не знаешь, кто вожатая?... Странно... Впрочем, это, пожалуй, моя вина. Я должен был тебя с ней познакомить. Ты, наверно, ее знаешь. Соня Завельская из восьмого «Б». Завтра я скажу ей, чтобы она снабдила тебя необходимыми материалами.

...И действительно, на другой день на большой перемене тихая, медлительная и задумчивая Соня Завельская разыскала в шумной толпе Сережу и сказала, протягивая ему бумажный лист:

— Возьми, Назаров. Я уверена, что тебе этого хватит до конца учебного года. Это лучше, чем играть в футбол.

Сережа развернул бумагу. Там была нарисована схема, как клеить закладки для книг.

Глава четвертая

Весна капризничала. После нескольких дней тепла и солнца на Ростов обрушился северный ветер, небо заволокло тучами, и на улицы повалил мокрый снег пополам с дождем. В ночь с субботы на воскресенье ударил мороз, и к утру на улицах города образовался гололед.

Сереза кончал завтракать, когда с рынка вернулась раскрасневшаяся на ветру бабушка. Из ее кошелки торчал серебристый хвост замороженного судака.

— Вот ведь как скользко на улице! Чуть ногу не сломала, — вздохнула она. — Там тебя, Сереза, какая-то барышня спрашивает.

Сереза удивился.

— Где?

— У калитки.

Сереза выскочил во двор.

У калитки, спрятав руки в маленькую муфту, стояла задумчивая Соня Завельская.

— Слушай, Назаров, — медленно проговорила она, — вчера, когда ты уже ушел из школы, ребята из твоей звездочки сказали, что вы сегодня идете на двенадцатичасовой сеанс в кино.

— Да... А что, разве нельзя?

— Нет, почему же... Но ты понимаешь, что получилось... Когда об этом узнали ребята из других звездочек, они прибежали ко мне и стали кричать, что тоже хотят в кино.

— Ну и пусть идут, — сказал Сережа.

— Я тоже так думаю. Но дело в том, что я не могу пойти с ними... Понимаешь, у меня дела... Я прошу тебя повести в кино всю группу...

— Так ведь в группе есть еще пять вожатых звездочек.

— Согласись, Назаров, что я не могу всех их разыскивать по городу. А на тебя я могу вполне положиться. Ведь правда? Ты только будь осторожен при переходах через улицу.

— Ладно, — согласился Сережа.

В одиннадцать часов Сережа пришел в школу. Десятка три октябрят с хохотом и визгом скользили посреди двора по замерзшей луже. Увидев Сережу, они все разом бросились к нему и умолкли. Тридцать пар глаз выжидательно уставились на него.

Сережа смутился. Ему еще никогда не доводилось руководить такой огромной оравой школьников. «Им надо что-то сказать», — подумал он, обводя глазами разбурьявшиеся лица мальчиков и девочек. Тридцать полуоткрытых ртов дышали шумно и порывисто.

— Здравствуйте, ребята! — вспомнил, наконец, Сережа, что нужно сказать.

— Здравствуй, Сережа! — хором, словно по команде, ответили октябрята.

Он покашлял, соображая, что делать дальше.

— Ну что ж, пошли, ребята, в кино?

— Пошли! — опять хором сказали октябрята и сразу задвигались и зашумели.

Сережа пошел впереди нестройной гурьбы малышей, стараясь ступать широко и неторопливо, по-взрослому. У ворот столкнулся со старшей вожатой.

— Назаров? — удивленно сказала Анна Павловна. — Куда ты ведешь ребят?

— В кино...

— А почему с вами нет Завельской?

— Не знаю... У нее какие-то дела.

— Ох, уж эта мне Завельская! — Анна Павловна помолчала, думая о чем-то.

Она стояла перед Сережей, невысокая, стройная, в голубой шубке, покачивая маленькой сумочкой. Сережа смотрел на сумочку и с тревогой думал, что старшая вожатая, вероятно, не разрешит ему вести октябрят в кино. А ему уже нравилось идти во главе этой большой группы мальчишек и девчонок!

Анна Павловна вдруг улыбнулась и спросила:

— Ребята, а вы меня с собой в кино возьмете?

— Возьмем! — хором сказали октябрята.

— Сережа, а ты не возражаешь?

Разумеется, Сережа понял этот хитрый ход. Она только делала вид, что ей хочется пойти в кино, а на самом деле просто не доверяла Сереже вести по улицам города тридцать мальчиков и девочек. Но разве мог он об этом сказать старшей вожатой?

— Пожалуйста, Анна Павловна, — вздохнул Сережа.

Она внимательно посмотрела на него и тихонько сказала:

— Ты только не подумай, Сережа, что я тебе не доверяю вести октябрят. Мне просто самой вдруг очень захотелось пойти в кино.

Удивительно хитра эта Анна Павловна!

По улице, круто убегаящей вниз, они спустились к железнодорожному полотну и прошли над рельсами по высокому мосту.

Под мостом маневрировал паровоз, и октябрят на несколько секунд заволокло дымом и паром. Они восторженно запищали.

Потом они вышли на Пушкинский бульвар и веселой стайкой покатались мимо покрытых инеем акаций.

Прохожие оглядывались на них и улыбались.

Неподалеку от кино Анна Павловна уронила сумочку, и все октябрята разом бросились ее поднимать. Образовалась куча мала, из которой смешно высовывались чьи-то калоши, ботинки и гамаши.

Анна Павловна расхохоталась.

— Сумасшедшие! — кричала она, вытирая выступившие от смеха слезинки. — Вы же сломаете себе шеи!

Но шеи себе никто не сломал, и все смеялись и долго отряхивались от снега. И громче всех смеялся Сережа. Теперь, пожалуй, он был даже доволен, что с ними пошла старшая вожатая, с которой так легко и весело и на которую заглядываются прохожие, потому что она очень красивая.

Анна Павловна работала в школе всего один год, после того как окончила педагогический техникум. Сережа знал: она учительница второго класса, а старшей вожатой райком комсомола утвердил ее недавно — месяца три назад.

У входа в кино Анна Павловна сказала:

— Ребята, по стойте здесь на тротуаре, пока я буду покупать билеты. А ты, Сережа, последи, чтобы никто не выбегал на дорогу.

Старшая вожатая скрылась. В эту минуту и произошло то, что до основания потрясло все существо Сережи.

Через улицу переходил старик. Никто не обратил бы на него внимания: мало ли стариков ходит по городу? Но он, поскользнувшись на обледенелой мостовой, остановился посреди улицы. Тут-то Сережа и увидел, что он очень стар, что его выцветшие, как тусклое осеннее небо, глаза видят плохо, а палочка, на которую он опирался, не может найти опоры, потому что скользит на камнях.

Вылетевший из-за угла грузовик заскрежетал тормозами и осторожно объехал старика. Высунувшийся из кабины шофер крикнул:

— Дед, завяжи шнурки!

Только теперь Сережа и толпившиеся вокруг него октябрята разглядели, что шнурки на ботинках старика развязались. Старик наступил на них и поэтому не мог двигаться.

— Дедушка, шнурки! — озабоченно крикнул Сережа. — Завяжите шнурки!

— Дедушка, завяжите шнурки! — разноголосо закричали октябрята.

Старик попытался согнуться, но покачнулся и, слабо застонав, схватился за поясницу.

На пороге кинотеатра показалась старшая вожатая,
— Что случилось, ребята? — спросила Анна Павловна. Девочки и мальчики наперебой объяснили: старик не может завязать шнурки.

Анна Павловна ничего не сказала. Она только как-то странно взглянула на Сережу.

Потом она подошла к старику, опустилась на колени, и притихшие ребята увидели, что она старательно завязывает шнурки на его ботинках.

Анна Павловна поднялась и отряхнула голубую шубку. Она взяла старика под руку и осторожно довела до тротуара.

— Спасибо, доченька, — глухо сказал старик.

Никогда в жизни Сереже не было так стыдно!

...Вечером, когда семья Назаровых ложилась спать и когда наступил час откровенных разговоров, взволнованный Сережа поведал отцу о своем позоре. Он так и сказал:

— Пап, ведь это позор, что я не догадался сам помочь дедушке?

— Ну, я бы не говорил так резко — позор, — улыбнулся в сумраке отец. — Но вообще-то получилось, брат, прямо скажем, некрасиво.

— Как же мне теперь?..

— А ты подойди к Анне Павловне и скажи, что я, мол, виноват, не сообразил сразу, как поступать надо.

— Стыдно...

— Ничего, — усмехнулся отец, — иногда и постыдиться полезно.

— А знаешь, пап, почему мне еще стыдно?

— Почему?

— Потому что все это видели октябрята! Шляпа я, а не октябрятский вожатый! Я же говорил на совете дружины, что не могу воспитывать детей!

— Гм... Ну, знаешь, Сережа, думается мне, что ты больше, чем надо, казнишь свою совесть. Важно, что ты понял свою ошибку и теперь всегда будешь помогать старикам. Ведь правда?

— Ага, — вздохнул Сережа.

— А вожатая, видно, у вас хорошая.

— Очень! Я раньше не думал, что она такая хорошая!

— Просто молодец у вас вожатая! — помолчав, проговорил отец. — Ни слова тебе не сказала, а душу перевернула! Это, брат, искусство! Ну, спи, сынок, утро вечера мудренее...

Глава пятая

Улетел, развеялся в бескрайних задонских степях северный ветер, и опять засияло над Ростовом весеннее солнце.

После уроков Лиза долго и упорно звенела во дворе колокольчиком, пытается приучить Тимошу пить молоко по звонку. «Условные рефлексы» не вырабатывались: ежик все время норовил убежать под веранду.

— Ну куда же ты? — кричала Лиза. — Вот чудак! Это же не молоко, а настоящие сливки!

За ее спиной стукнула калитка. Она оглянулась, продолжая сидеть на корточках у крыльца. Во двор вошли трое — отец и следом за ним молодой, аккуратно выбритый мужчина, в ладно сшитом пальто мышиного цвета и темно-глазая девочка лет четырнадцати-пятнадцати.

— Лизок! — громко сказал отец, увидев дочь, которой в эту минуту удалось вытащить ежа из-под крыльца. — Поди-ка сюда. Это же твоя двоюродная сестра! Катя! И двоюродный брат! Степа! Ну, целуйтесь, сестры! Что же вы?

— Очень милая у нас сестренка, дядя Костя, — снисходительно сказал мужчина, с улыбкой разглядывая Лизу и ежика. — Очень милая!

— Понимаешь, что случилось, Лизок? — продолжал отец возбужденно. — Выбежал я сегодня из депо папирос купить и вдруг вижу — идут по вокзальной площади вот эти двое! Ты понимаешь, Лизок? Степа, оказывается, уже целый год живет в Ростове вместе с Катей! Снимают полутемную комнату возле базара... Ах, Степан, Степан! И молчал, нахал эдакий! Нет, ты, братец, лучше не оправдывайся!

Мужчина развел руками.

— Да я и не знал, дядя Костя, что вы здесь живете. Честное слово! — У него был мягкий приятный баритон. — Вообще должен сказать, что в последние годы меня судьба по всей стране бросала.

— Чего это судьба так невзлюбила тебя?

— Да как сказать... Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше! А после смерти бабушки и Катюшу с собой вожу. Пришлось ее забрать из Тобольска.

— Да, да, — сказал отец. — Года три назад я писал в Тобольск. Мне ответили, что Катя выбыла в неизвестном направлении.

— Вот так и растеряли друг друга... Я почему-то думал, что вы в Таганроге живете.

— А я говорила, что в Ростове, — робко сказала Катя, — только я адреса не помнила.

— Ну, ничего, ничего, важно, что встретились наконец! — сказал отец и обнял Катю. — Значит, ты в магазине работаешь, Степа?

— Да, в магазине стройматериалов. По строительным материалам я ведь специалистом считаюсь, дядя Костя.

На крыльцо выскользнула бабушка и застыла, не сводя глаз с Кати.

— Да неужто... неужто... — забормотала она срывающимся голосом. — Степа? Господи! И Катюша?

— И Катюша, бабуся! Меня-то вы помните, а вот как вы Катюшу узнали? Ведь никогда не видали!

— Да как же мне не узнать ее! Как две капельки на покойную мать похожа! Кровинушка моя сердечная! Дай я тебя обниму, сиротиночку!

Бабушка долго обнимала гостей, всхлипывала и вытирала глаза. Наконец взрослые ушли в дом; у крыльца остались Лиза и Катя.

— Это у тебя... ежик? — спросила после неловкого молчания Катя.

— Ежик, — сказала Лиза, — Тимоша...

Катя снова помолчала. Обе они не знали, о чем вести разговор.

— Я тоже люблю ежей. Можно мне его подержать?

— Ну, конечно, — торопливо согласилась Лиза. — Бери, пожалуйста. Он уже совсем ручной.

За кустами сирени стукнула отодвигаемая доска в заборе. Лиза поморщилась и крикнула:

— Когда же вы, Петушков, перестанете через наш двор ходить?

Из-за кустов ответили:

— Детский... — по-видимому, Петушков хотел прибавить «сад», но вдруг запнулся и притаился за кустами, потому что на крыльцо вышли Степан и отец Лизы.

— Уютная квартирка, но маленькая, — говорил Степан, продолжая начатый в доме разговор.

— Маленькая? Разместимся, Степа! — сказал отец и, взглянув на девочек, неожиданно прибавил: — Лизок, а ведь ты из своего платья выросла... Степа, ты посмотри, на Кате платье как платье, а у Лизы все коленки наружу.

— Это теперь модно, дядя Костя, — улыбнулся Степан.

— Не признаю я такой моды, — покачал головой отец. — Напомни, пожалуйста, бабушке, Лизок, чтобы она тебе новое платье справила.

— Знаю, знаю! — раздался на веранде голос бабушки. — Она, Костик, уже из всех платьев выросла! Вот пошью ей скоро новое... Идите обедать, милые!

Все пошли в дом. Последним двинулся Степан — он докуривал сигарету.

— Степан Петрович! — негромко окликнули его из-за кустов. Степан повернулся на голос и удивленно приподнял брови.

— Петушков? Ты что здесь делаешь?

— Живу... тут рядом... — Он вышел на дорожку — руки в карманах — и остановился, картинно покачиваясь на носках.

— Значит, я, браток, буду твоим соседом, раз ты здесь живешь.

— Неужели родственники обнаружились? Или старые знакомые?

— Родственники... Ты почему ко мне в магазин не заходишь?

— А у меня, Степан Петрович, теперь есть работенка подоходнее.

— Какая же?

— На базаре работаю. В базаркоме! Контрамарки продаю колхозникам на право торговли.

— Устроился! То-то, я вижу, новый костюм на тебе. Пижоном стал!

— Люблю, Степан Петрович, красивые вещи!

— А ты все-таки старых друзей не забывай. Заходи.

— А что там у вас? Есть «малинка»?

— Заходи, узнаешь.

— Будет сделано, Степан Петрович! — Петушков козырнул двумя пальцами и скрылся.

Лиза, случайно оказавшаяся на крыльце и слышавшая весь этот разговор, смысл которого так и остался ей неясен, удивилась лишь тому, что ее двоюродный брат находится в таких дружеских отношениях с Петушковым. Она внимательно посмотрела на возвращающегося в дом Степана, но он не заметил ее пытливого взгляда.

...В доме стало тесно. В комнатке Лизы поставили раскладушку для Кати, а Степан занял проходную комнату бабушки. Сама бабушка переселилась в кухню. Теперь «через бабушку» ходила не одна Лиза, как раньше, а все живущие в доме. Бабушке значительно больше приходилось возиться у печки, но она по-прежнему была неустанной и по-прежнему напевала:

О чем, дева, плачешь?
О чем, дева, плачешь?
О чем, дева, плачешь?
О чем слезы льешь?

Лиза и Катя подружились. Они учились в разных школах (на семейном совете решили, что Кате переводиться в другую школу в конце учебного года не имеет смысла). Обе девочки были восьмиклассницами и часто вместе готовили уроки. Катя великолепно знала физику, которая до сих пор доставляла Лизе массу неприятностей. Совместное приготовление уроков быстро отразилось в Лизиним табеле: в нем появились хорошие отметки по физике. Меньше всего теснота жилья беспокоила Сережу. После школы он наскоро пообедал, потом

быстро готовил уроки и исчезал до вечера. Шел апрель — время весенних посадок. Дружина высаживала на улицах города вокруг школы саженцы акации. Пионерам помогали октябрята, и среди них, разумеется, была Сережина звездочка.

С удивительным азартом работали октябрята, и старшая вожатая ставила их в пример даже пионерам.

Пятеро октябрят очень привязались к Сереже. Все они жили неподалеку от своего вожатого и утром обычно поджидали его у калитки, чтобы вместе идти в школу. А после уроков они почти всегда провожали его домой.

Так было и в этот день, когда они посадили выданные им саженцы акаций. Толкаясь и забегая вперед, чтобы взглянуть в лицо вожатого, октябрята шумно двигались по улице.

— Сережа, — крикнул худенький черноглазый Леня Кац, — а кто такой Монтигомо — Ястребиный коготь?

Сережа от неожиданности остановился.

— Кто?

— Монтигомо — Ястребиный коготь.

Октябрята выжидательно подняли глаза на вожатого. Сереже нужно было бы сказать «не знаю». Но разве мог? Он в глазах этих малышей был самый умный человек на свете. Сережа помедлил с ответом, а потом осторожно спросил:

— А откуда ты знаешь про него?.. Про этого, как его?..

— Монтигомо — Ястребиный коготь, — поспешно подсказал Леня Кац.

— Я и говорю... Откуда ты знаешь про этого Когтя?

— Я читал рассказ... там два ученика хотели поехать в Америку... Один говорил, что его зовут Монтигомо — Ястребиный коготь.

— В Америке угнетают негров, — задумчиво проговорила крошечная Лена, не выговаривающая «р».

— Правильно, ребята! В Америке угнетают негров! — вдохновенно сказал Сережа. — А Монтигомо — Ястребиный коготь — борец за справедливость и честность!

Почему так сказал Сережа, он и сам не знал.

Октябрята смотрели на него с уважением.

— Пошли, ребята, — проговорил Сережа и, вспомнив слова отца и все больше увлекаясь, прибавил уже на ходу: — Честность — самое главное, ребята! Бесчестному человеку лучше совсем не жить на свете!

Лена сунула в Сережину руку свою измазанную землей ладошку (она очень любила ходить, держась за какой-нибудь его палец) и спросила:

— Сегежа, а ты тоже Монтигомо?

— Я? — растерялся он.

— Да, ты Монтигомо! — уверенно сказала девочка.

Он не стал возражать.

— Мон-ти-го-мо, Мон-ти-го-мо, — в такт шагам повторяла Лена необычное слово, держась за указательный палец вожатого.

— Ты что?... Ты что?... — хрипавато вскрикнул он и выплюнул папиросу.
— Ты что?

Навстречу октябрятам из-за угла вышел коренастый мальчишка с папироской в зубах. Дальнейшие события развернулись стремительно. Проходя мимо октябрат, парень с папироской молниеносным движением сбил с ног Леню Каца и как ни в чем не бывало отправился дальше. Нагловатую физиономию мальчишки кривила противная ухмылка. Ему было не меньше пятнадцати, а может быть, и шестнадцать лет, и он был почти на голову выше Сережи. И тем не менее Сережа, охваченный внезапным порывом ярости, которая жгучей волной захлестнула его, подскочил и с силой ударил этого мальчишку кулаком в нос. Кровь залила губы и прыщеватый подбородок мальчишки.

— Ты что?.. Ты что?.. — хриповато вскрикнул он и выплюнул папиросу. — Ты что?

Ярость все еще бушевала в Сереже.

— Гад, гад! — повторял Сережа, задыхаясь, и еще раз ударил мальчишку.

Конечно, мальчишка был выше и сильнее Сережи и мог бы исколотить его до полусмерти. Однако он пятился, хныча, и загоразживался от Сережи руками.

Мимо проходил пожилой прохожий.

— Дяденька, спасите! — прохныкал парень жалобно.

— А ведь ты не только гад, но еще и трус! — сказал прохожий.

— А чего он дерется, дяденька?

— Правильно дерется! Так тебе и надо! Ты за что этого малыша сбил с ног? — спросил прохожий, указывая на побледневшего Леню Каца, которому октябрята помогали подняться с земли.

— Так ведь я нечаянно, дяденька!

— Нечаянно? Я все видел, негодяй! Вот я в милицию тебя...

Парень скакнул в сторону и исчез за углом.

...В тот день октябрята решили, что их вожатый не только самый умный, но и самый сильный человек на свете.

Глава шестая

Леня Кац ушиб коленку, и Сереже пришлось провожать его до самого дома.

— Тебе очень больно, Леня?

— Нет, ничего, — кривясь от боли, сказал Леня. На его глазах блеснули слезинки.

— Ты держись покрепче за мою руку.

Сережа помог мальчику подняться на второй этаж и позвонил. Им открыл дверь пожилой морщинистый мужчина с седыми бровями.

— Дедушка, ты не пугайся, — слабо улыбнулся Леня, — я немножко упал.

— Нет, вы посмотрите на этого сорванца! — сипловатым баском сказал дедушка. — Он прыгает на одной ноге и говорит, что немножко упал! А ты, мальчик, помог ему добраться до дому? Спасибо, дорогой!

— Это наш вожатый — Сережа, — сказал Леня.

— Ах, так ты тот самый Сережа, руководитель октябрятского войска? — заулыбался дедушка. — Заходи, Сережа, я должен тебя угостить...

Сережа вошел в квартиру. В квадратной комнате за большим круглым столом сидел хорошо одетый темноволосый молодой человек. Сережа сразу заметил, что он носит не галстук, а «бабочку». Молодой человек нетерпеливо постукивал по столу мизинцем, украшенным массивным перстнем с черным камнем.

— Теперь мне некогда, — сухо сказал дедушка молодому человеку. — К нам пришел гость, и мне надо угостить его чаем.

— Но мы не кончили разговор, Илья Ильич, — постучал мизинцем молодой человек.

— Я ничего не смогу для вас сделать.

— Вы просто не хотите ничего сделать, Илья Ильич! Вы знатный кожевник Ростова и, если бы захотели, могли бы организовать для нашего джаза каких-то десять пар лакированной обуви.

— Лакированная обувь продается в универмаге.

— Но зачем же я буду переплачивать в универмаге?

— Послушайте, — сказал дедушка, — мне надоели эти разговоры. Что значит «переплачивать»? У обуви есть государственная цена!

— Я прошу вас оказать помощь самому популярному джазу в городе.

— А я терпеть не могу джазовой музыки. И вообще мне неприятен этот разговор.

Молодой человек нервно поднялся и заложил руки в карманы. Он стоял в нарядном костюме, слегка раскачиваясь на носках, и Сережа подумал, что он чем-то очень напоминает Петушкова.

— Илья Ильич, мне достоверно известно, когда к вам с такой просьбой обратился Ростовский театр имени Горького, вы для какого-то спектакля сделали этому театру не десять, а двадцать пар лакированной обуви.

— Было такое дело, — спокойно сказал Илья Ильич. — Так это же театр имени Горького! Настоящее искусство! И там был официальный заказ нашей фабрике... И заметьте, по государственной цене!

Илья Ильич хотел еще что-то прибавить, но в эту минуту его внук сделал неосторожный шаг и вскрикнул.

— Ах, Леня, — покачал головой дедушка, — у тебя, кажется, распухла коленка... Слушай, Сережа, расскажи, пожалуйста, что случилось с его коленкой?

— Мы шли по улице, и Леню толкнул какой-то хулиган...

— Петька Калюжный с Береговой улицы, — невесело прибавил Леня. — Ты его видел, дедушка. Он жуткий хулиган! Сережа дал ему по зубам!

— Ну, по зубам, может быть, и не надо было давать, — вздохнул дедушка, — для этого есть милиция... Покажи-ка мне свою ногу, Леня... Ну, конечно, у тебя растяжение.

Молодой человек раскачивался на носках.

— Ну, конечно, — криво усмехнулся он, — вашего внука истязают хулиганы, и вы спокойны, а вести разговор со своими людьми вам неприятно. Я же ваш сосед!

— А знаете, что я вам скажу? — вдруг проговорил Илья Ильич. — Вы не музыкант, а мелкий жулик, и еще хотите, чтобы я помогал вам!

— Ну, знаете, Илья Ильич, за такие слова...

— Я отвечаю за свои слова! «Свои» для меня все советские люди.

— Может быть, вы хотите сказать, что ногу вашему внуку тоже поломал свой человек?

— Нет! Ногу моему внуку поломал хулиган! Но этот Петька Калюжный еще дурак и молокосос, и надо думать, его еще можно воспитать. А вот можно ли воспитать вас, я не знаю! Зачем вы снова сели за стол? Наш разговор закончен, и вы можете уходить на все четыре стороны!

...Поздно вечером, уже в постели, Сережа рассказал отцу о Петьке Калюжном и молодом человеке с «бабочкой». В комнате было темно и тихо и только слышалось, как в кухне бабушка осторожно ставит в буфет вымытую посуду.

— Судя по всему, сынок, Илья Ильич очень порядочный человек, — сказал отец.

— Я тоже так думаю, пап. Самое главное — быть честным и справедливым. Да?

— Да, сынок.

Сережа хотел было рассказать отцу о том, что октябрюта придумали ему кличку Монтигомо — Ястребиный коготь, но почему-то постеснялся.

— А у тебя есть какие-нибудь новости, пап?

— Есть небольшая новость, Сережа.

— Важная?

— Я же тебе говорю, небольшая... Некоторое время я буду получать зарплату меньше, чем получал до сих пор.

— Почему?

— Потому что я перешел с пассажирского электровоза на маневровый паровоз.

Сережа подскочил на своем диване.

— Да зачем же, папа? — взволнованно заговорил он. — Это же так здорово — электровоз! Я всем ребятам в школе рассказал, что ты машинист электровоза. Ведь ты же был бригадир!

— Я был и остался бригадиром бригады коммунистического труда.

— А почему зарплата будет меньше? — совсем озабоченно спросил Сережа.

— Как бы тебе это объяснить... Понимаешь, я перехожу на отстающий участок в нашем паровозном депо.

— Зачем?

— Ну, я думал, что ты более догадлив, сынок.

Сережа задумчиво потербил пуговицу на подушке.

— Ага, понимаю... Для того чтобы сделать этот участок передовым?

— Правильно, сынок!

— Но почему же тебе будут меньше платить?

— А разве может зарплата на отсталом участке, сынок, быть такой же, как на передовом?

— Тогда это глупо!

— Что? — усмехнулся отец.

— То, что ты переходишь в отсталую бригаду!

— Но ведь я перехожу, как ты сам догадался, чтобы сделать ее передовой.

Видишь ли, если бы все советские люди рассуждали так, как рассуждаешь сейчас ты, у нас не было бы ни одной передовой бригады. И вообще ничего бы не было передового.

— Но ведь ты теряешь заработок, пап!

— Временно, временно, сынок.

Сережа снова потербил пуговицу на подушке.

— Я все понял, пап! Это очень здорово, что ты пошел в эту бригаду!

Он потянулся под одеялом. Сон все больше одолевал его.

— Пап, а знаешь, кто ты? — вдруг спросил Сережа сонно, подкладывая под щеку кулак и не открывая глаз. — Ты Монтигомо — Ястребиный коготь.

— Кто?

— Ты, папа, борец за честность и справедливость, — совсем сонно пробормотал Сережа и заснул.

Глава седьмая

Отец ушел на работу рано, когда все еще спали, и новость о том, что он перешел в отстающую бригаду, сообщил всем домашним за завтраком Сережа. Все замолчали и переглянулись.

— Ты что-нибудь не понял, червяк, — сказала Лиза, — ты вечно путаешь.

— Я ничего не путаю, — рассердился он и торжественно прибавил: — Папа будет получать на пятьдесят рублей меньше! -

Бабушка всплеснула руками:

— На пятьдесят рублей! Господи, мы же не сведем концы с концами!

— А мне кажется, что дядя Костя поступил очень благородно, — робко проговорила Катя и покраснела. (Она краснела очень часто, заливаясь краской до самых ушей.)

— Благородно? — покривилась Лиза. — Плакало мое новое платье!

— Не горюй, сестренка! — улыбнулся Степан и снисходительно потрепал ее по плечу. — Будет у тебя новое платье!

И действительно, в конце дня, когда девочки на веранде делали уроки, Степан принес два свертка. Лиза видела, как он вошел в калитку в своем хорошо сшитом голубом костюме, небрежно помахивая свертками. Он шел по дорожке мимо зазеленевших кустов сирени неторопливой, чуть ленивой походкой, элегантный, красивый и, как всегда, чисто выбритый.

— Вот вам, сестренки, — весело сказал Степан, поднимаясь на веранду и протягивая по свертку Лизе и Кате.

— Что это, Степа? — покраснела Катя.

— А ты разверни, разверни.

Лиза развернула сверток и тихонько взвизгнула.

— Поплин! Это же очень модно, Степа! Спасибо, милый! — Она повисла у него на шее и чмокнула в щеку. Потом она завертелась на веранде, набросив на плечо яркую материю, приговаривая: — Спасибо, милый! Спасибо, милый! Степа, ты просто прелесть! Катя, такое платье надо обязательно сшить с оборкой. Я видела такое платье на одной артистке. Степа, ты — прелесть!

— Погодите, это еще не все, — сказал Степан. — Берег я вам подарки к Первому мая, но да уж ладно, получайте сейчас.

Он ушел в свою комнату и вернулся на веранду с двумя коробками.

— Туфли! — ахнула Лиза.

Это действительно были туфли. Изящные, белые, с очень узкими носками, на маленьких каблучках.

Девочки завизжали на этот раз так громко и радостно, что из кухни вынула голову бабушка.

— Уж больно ты их балуешь, братец, — покачала бабушка головой, но, судя по ее улыбке, и она была довольна.

— Степа! — сказала Катя. — Но это же очень дорого стоит! Откуда у тебя столько денег?

— Премию от горторга получил, — сказал Степан рассеянно. — Мой магазин, сестренки, считается лучшим в городе: огромная прибыль за первый квартал. Вот мне в горторге и сказали: «Спасибо тебе, Степан Петрович, за хорошую работу!»

В тот же день бабушка отвезла девочек к портнихе. А накануне Первого мая сестры надели новые платья.

Первой от портнихи вернулась Лиза (Катя задержалась в школе, и у Лизы не хватило терпения дожидаться ее).

Увидев входящую в калитку внучку, бабушка на веранде тихонько ахнула. Портниха явно перестаралась, сшив не в меру модное платье.

— Принцесса! — вскрикнула бабушка. — Чистая принцесса! Только уж больно взрослой ты кажешься в этом платье, Лизонька.

Несколько потрясенная своим нарядом, Лиза прошла по двору, повертелась с поднятой рукой.

— Ты знаешь, бабунечка, на меня все на улице оглядываются! Я так рада! Так рада!

Она взбежала на крылечко и обняла бабушку.

— Ласточка ты моя ненаглядная! — забормотала бабушка. — Голубка моя нежная! Совсем на мать стала похожа... а?

— Ну что же ты плачешь, бабушка?!

— Да так... Глаза на мокром месте...

Лиза сияла.

— Бабушечка, а мама была очень красивая?

— Уж какая красивая! Вот бы посмотрела она сейчас на тебя! Вот бы сердечко ее забилося!

Вытирая глаза, бабушка ушла в дом, а Лиза долго кружилась по двору, придерживая пальцами юбку в оборках, и напевала: «Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!»

Во двор вошел Петушков и, восхищенный, застыл у калитки.

— Вот это стиль! — негромко воскликнул он, тронув пальцем свои усики. — Пардон...

— Опять, Петушков, вы здесь ходите! — рассердилась Лиза.

— Пардон...

Она хотела сказать еще что-то, но, заметив, как он любит ее, почему-то промолчала и покраснела.

— Что вы все «пардон» да «пардон»...

— От чувства! — на его лице блуждала глуповатая ухмылка. — У вас, Элиза, предельно роскошный наряд!

— Меня зовут Лиза, а не Элиза.

— Но ведь Элиза красивей! Я скажу знакомому художнику, чтобы он написал ваш портрет в этом платье... Скажите, сколько вам лет?

— Какое это имеет значение? — смутилась Лиза.

— Ну все-таки?

— Четыр... Почти пятнадцать. Я скоро в комсомол вступаю.

— В этом платье вам можно дать больше пятнадцати. Французы говорят: женщине столько лет, на сколько она выглядит. Во всяком случае, вечером вас пропустят в любой театр и в любой клуб.

— Не пропустят! — вздохнула Лиза. — В прошлом году в кино шла одна картина, и было написано: «Дети до шестнадцати лет не допускаются». Я хотела пройти, и меня не пустили.

— В прошлом году? Так это уже во мраке истории, Элиза! И вообще вас со мной пропустят куда угодно.

— С вами? — она покраснела еще больше. — Я никуда не собираюсь идти с вами.

— Но почему? — галантно ворковал Петушков. — Вы знаете, с какой молодежью я вас познакомлю? Манеры — шик! Танцуют, как боги! Между прочим, сегодня в одном местечке будет грандиозный бал...

Лиза посмотрела на Петушкова и вдруг подумала, что он совсем не такой уж противный, каким казался ей до сих пор.

— Я еще никогда не была на балах.

— Тем более, Элиза! — оживился он и сделал на дорожке какое-то сложное па. — Оркестр! Конфетти! Серпантин!

— Бабушка все равно не разрешит, качнула она головой.

— Вы достаточно взрослый человек, Элиза, чтобы решать такие вопросы самостоятельно.

— А можно с Катей и с Сашей Рыбиным?

На лице Петушкова заблуждала ухмылка.

— Саша — это ваш обоже?

— Обоже? Какая глупость! В общем... без Кати я не пойду.

— Как прикажете! — развел руками Петушков. — Я вас ожидаю в семь вечера на углу возле аптеки. И еще один вопрос... Мы больше никогда не ссоримся, Элиза? Соседи должны быть друзьями. Согласны?

Он протянул ей руку. После небольшого колебания Лиза ответила на его рукопожатие и сейчас же отдернула руку.

— Гуд бай! — щелкнул каблуками Петушков и исчез за кустами сирени.

С минуту Лиза стояла, растерянно глядя на свою руку, и вытерла ладонь носовым платком. Взгляд ее скользнул по дорожке и остановился на еже, который в эту минуту выскользнул из-под крылечка.

— Тра-ля-ля!.. — пропела Лиза. — Тра-ля-ля!.. Тимошка, как ты поживаешь? Иди-ка ко мне на руки! У, какой ты колючий! Ты мне ужасно надоел, Тимоша! Понимаешь, я уже взрослая! — шепнула она. — Взрос-ла-я! Я иду сегодня на бал! А ты, дурачок, думаешь, что я еще маленькая? Да? Ты мне больше не нужен, Тимоша! Я тебя подарю... в детский сад!

Стукнула калитка — во двор вошла Катя.

— Лиза! — всплеснула она руками.

— Правда, красиво, Котенька?

— Ой! Мне даже смотреть страшно! Неужели я тоже буду такая?

— Ну, конечно!.. — Лиза понизила голос. — Котенька, у меня есть такой секрет!

— Секрет? — удивилась Катя. — Какой секрет, Лиза?

— Мы идем сегодня с тобой на бал!

— На бал?! — в черных глазах Кати мелькнуло изумление.

— Тише... Я тебе потом все-все расскажу! — Она подхватила Катю и закружила ее по двору. — Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!

Бабушка смотрела на них с веранды и ласково бормотала:

— Вот озорницы! Вот озорницы!..

...Этот предпраздничный день был полон неожиданностей. После обеда Степан привел двух парней, одетых в форму связистов. Они торопливо протянули по двору проволоку и установили в доме телефон.

Телефонный аппарат был поставлен в кухне на подоконнике, возле того окна, что выходило на веранду. Это окно почти никогда не закрывалось, и очень довольная Лиза подумала, что она сможет болтать с приятельницами, лежа на диванчике, который отец вытащил на веранду, как только начались теплые дни.

Степан пошептался со связистами, сунул им какие-то деньги и угостил водкой. Связисты выпили, крикнули, съели по бабушкиному пирожку и ушли.

Лиза сидела на диванчике, поглаживая черную телефонную трубку.

— Ты просто гений, Степа, — сказала она. — Папа три года просил, чтобы ему установили телефон, и ничего не мог сделать.

Степан рассмеялся.

— Ловкость рук и никакого мошенства, Лизок. — Он собирался на праздничный вечер и теперь стоял перед зеркалом, повязывая галстук. — Деньги, Лизок, все могут сделать!

Лиза, занятая своими мыслями, пропустила мимо ушей эти слова Степана.

За калиткой зазвенел взволнованный голос Сережи:

— Бабушка, бабушка! Скорей сюда!

Бабушка заторопилась на улицу.

У калитки стоял высокий пожилой мужчина, а рядом топтались возбужденные октябрята из Сережиной звездочки.

— Позвольте познакомиться, — сказал бабушке мужчина. — Илья Ильич, дедушка вот этого вертявого. Впрочем, правильно сказать, не дедушка, а член октябрятской рыболовецкой бригады.

Бабушка ничего не поняла. Илья Ильич, усмехаясь, разъяснил:

— Сегодня мой внук сообщил, что его звездочка отправляется на Дон ловить бычков, и я решил записаться в помощники к Сереже. Ну, конечно, Сережа мог и без меня обойтись, но знаете, это все-таки Дон, и я подумал, что Сереже не так уж будет мешать еще один член бригады. Понимаете? Даже если этот член бригады давно вышел из октябрятского возраста...

— Отлично понимаю, — закивала бабушка. — Значит, вы с этими поросятами полдня провели на Дону? А я полдня не могу понять, почему мой архаровец не идет обедать.

— Так он же отличнейший рыбак, доложу я вам! Улов у нас грандиозный, и вам надлежит получить положенную Сереже часть добычи — двенадцать бычков!

— Спасибо, Илья Ильич, — сказала бабушка. — Ну что же, рыболов, бери свою добычу и иди мойся.

Сережа вынул из кошелки своих бычков, распрощался с Ильей Ильичом и октябрятами и горделиво поднялся на веранду. Он не обратил ни малейшего внимания ни на телефон, ни на новые платья Лизы и Кати и объявил, что собственноручно будет разделывать и жарить рыбу. Степан снисходительно похлопал Сережу по спине и протянул ему плитку шоколада.

— Вот тебе «Золотой ярлык», рыболов. Награда за путину. — Степан еще раз оглядел себя в зеркале и неторопливо пошел к калитке, нарядный и надушенный.

Сережа сразу забыл о бычках и занялся «Золотым ярлыком». Потом пришел отец и сказал:

— Скорей переодевайся, Сережа, пойдем на первомайский вечер во Дворец культуры. А вы пойдете, девочки?

Сестры переглянулись.

— У нас другие планы, папа, — сказала Лиза.

Сережа любил ходить с отцом во Дворец культуры. У Константина Сергеевича было много знакомых, которые сразу окружали их, едва они появлялись в вестибюле дворца.

— Мой наследник Сергей Константинович Назаров, — говорил отец, кивая на сына.

И Сереже, как равному, жали руку.

После доклада выступали артисты, а в заключение демонстрировалась какая-нибудь кинокартина. В перерывах Сережа ходил с отцом в буфет, ел мороженое и вволю пил газированную воду.

Девочки проводили до калитки Константина Сергеевича и Серёжу.

— А вы, собственно, что собираетесь делать? — спросил отец.

— Я же сказала, папа, у нас свои планы, — нетерпеливо поморщилась Лиза.
— Идите! А то там без вас начнется.

Отец критически оглядел новые платья сестер, улыбнулся и покачал головой.

— Небось танцевать собрались?

— Да, — созналась Катя, краснея.

— Ну что ж, танцуйте. В такой вечер можно... Когда-то и я любил танцевать.

Когда Константин Сергеевич и Сережа скрылись за углом, у калитки появился Петушков.

— Миледи, — сказал он, щелкая каблуками и одергивая пиджак, — я к вашим услугам! Нас уже призывают звуки джаза.

Бабушка осталась одна. Она сидела на веранде, чистила Сережиных бычков и тихонько мурлыкала: «По Дону гуляет казак молодой».

За этим занятием ее застал по-праздничному принарядившийся Саша Рыбин.

— С наступающим праздником, бабушка... А можно Катю с Лизой позвать?

— погоди, — удивилась бабушка, — да разве они не с тобой ушли?

— Ушли? — бабушке показалось, что Саша побледнел, и легкий пушок усов над его верхней губой обозначился совсем четко. — Да ведь они должны были со мной идти в город иллюминацию смотреть...

— Опоздал, милый! Опоздал... А знаешь что? Может, они и вернутся скоро. Садись вот сюда на диванчик, подожди. И мне не так скучно будет.

Саша сел на диванчик и с уважением посмотрел на телефонный аппарат.

— Хочешь, я тебе рыбки поджарю, Саша?

— Что вы, Прасковья Антоновна, я уже ужинал.

Ему было очень грустно.

— А хочешь, книжку почитай, — сказала бабушка, угадывая его настроение. — Вон на подоконнике лежит возле телефона. Катя говорила — очень интересная книжка.

Он полистал книжку. Во дворе стемнело, и на улице зажглись фонари.

— Я немножко погуляю, — сказал Саша. — И потом снова зайду... Можно?

— Заходи, милый, заходи...

Он бесцельно походил по улице — до угла и обратно — и снова появился на веранде.

— Не приходили, Прасковья Антоновна?..

— Да ты не томись, милый, — участливо проговорила бабушка. — А знаешь что, Саша? Давай мы с тобой в картишки сыграем! А? В дурачка подкидного?

— С удовольствием, Прасковья Антоновна, — быстро согласился Саша.

Бабушка посмотрела на него поверх очков и усмехнулась. Известно, что все бабушки, живущие на нашей планете, всегда все понимают, хотя и не подают виду. Она перетасовала карты и сдала.

— Ходи, Саша... Постой... Зачем же ты пиковую семерку бьешь бубновым валетом? Э, братец, да ведь ты и в карты играть не умеешь. Лучше почитай ты, Сашенька, книжку.

Бабушка ушла на кухню, а он долго рассеянно листал книгу, глядя не на страницы, а в окно. Стукнула калитка, и Саша вздрогнул так, словно за его спиной раздался нечаянный выстрел.

Глава восьмая

Он согнулся над книгой. Легко заскрипело крылечко под чьими-то шагами.

— Добрый вечер, Саша, — услышал он голос Кати.

— Что? — он оторвался от книги и поднял на нее глаза.

— Я говорю, добрый вечер. Ты давно здесь?

— Да нет, только что зашел...

— Читаешь?

— Очень интересная книга... Ты одна?

— А ты знаешь, где мы были?

— Откуда же я могу знать?

— Саша, мы были на балу... Ты не сердишься?

— Нет! За что же?

— Ну, за то, что мы без тебя пошли... А в общем не бал, а чепуха какая-то!

Он закрыл книгу и положил на подоконник.

— А где Лиза?

— Лиза? — Катя вздохнула. — Понимаешь, она еще танцует...

Саша обеспокоенно поднялся с дивана.

— Танцует? Где?

— В каком-то доме на Пушкинской.

— Почему же ты ее бросила?

— Я ее бросила? — рассердилась Катя. — Это она меня бросила! У нее такой кавалер, что ей не до меня...

Сашино лицо медленно заливал румянец.

— Кавалер? — передохнув, спросил он. — Какой кавалер?

— Петушков.

— Ты шутишь... — растерянно улыбнулся Саша. — Этого не может быть! Ведь он...

— Что он? Глуповат? Зато одет по-модному...

— Тише! — остановил ее движением руки Саша. — Идут!

На улице звучали чьи-то голоса, потом раздался девичий смех, и они ясно услышали, как Петушков сказал:

— Пардон, прошу в калитку.

Несколько фигур мелькнуло на дорожке. Дробно стуча каблучками, на веранду вбежала Лиза.

— Ах, ты уже здесь! — возмущенно зашептала она Кате, не замечая Саши.

— Ну, знаешь, этого я от тебя не ожидала! Почему ты ушла с бала?

Саша с гулко забившимся сердцем смотрел на Лизу. Как она была красива в своем новом «взрослом» платье! Он не сводил с нее полных восхищения глаз, но где-то в глубине души ему вдруг стало очень жаль, что исчезла та, бывшая Лиза, в простом ученическом платье, в котором он привык ее видеть каждый день. И в нем вдруг поднялось возмущение против этого яркого платья с какими-то сложными оборками, словно эти оборки стали преградой между ним и его давнишней приятельницей.

Он перевел глаза на Катю и только теперь заметил, что на ней было почти такое же платье, как и на сестре. Но странно — Катя была прежней Катей, а в Лизе появилось что-то новое и чужое. Значит, перемена произошла не из-за платья? Но тогда из-за чего же?

Что случилось с Лизой? Те же светлые вьющиеся локоны на висках, те же синие глаза, тот же румянец на щеках и так же, как и раньше, чуть подрагивает остренький капризный подбородок... И все-таки она другая!

— Катя, ну почему ты ушла? — раздраженным шепотом переспросила Лиза.

— Нечего мне было там делать... — пожала плечами Катя.

— Тебе просто было завидно, что тебя никто не приглашает танцевать!

— Вот еще!

— Завидно, завидно! Чудный бал! Так весело было! Все были такие вежливые со мной! Никогда еще взрослые так не разговаривали со мной... А тебе завидно!

— Просто мне надоело смотреть, как Петушков дрыгает ногами!

— Это не умно! Он танцует, а не дрыгает.

— Нет, дрыгает!

— Умоляю тебя, говори тише, — зашипела Лиза, скосив глаза на крыльцо, к которому в эту минуту подходили две неестественно яркие девицы, сопровождаемые Петушковым.

— Он дрыгает, даже когда по улице ходит! — нарочито громко сказала Катя.

— Да тише ты! — вскрикнула Лиза и, увидев, наконец, Сашу Рыбина, небрежно прибавила: — Ах, ты тоже, оказывается, здесь? — Она тут же повернула лицо к крыльцу, не дождавшись, что он ей ответит, и заулыбалась. — Заходите, пожалуйста...

Девичам было лет по семнадцати, хотя из-за густо накрашенных ресниц и губ на первый взгляд они выглядели старше. Саша Рыбин про себя отметил, что они были бы довольно миловидны, если бы не их парикмахерская красивость. И та и другая носили на голове высокие пучки волос необычного голубоватого цвета. Обе до удивления походили друг на друга.

— Познакомьтесь, пожалуйста, — сказала Лиза. — Это мой соученик Саша Рыбин...

— Очень приятно, — сверкнув зрачками, пропела одна из девиц, складывая губы сердечком. — Клара...

— Очень приятно, — пропела другая, складывая губы колечком. — Мирандолина...

Саше вдруг стало весело и захотелось сделать что-нибудь озорное. Он сложил губы колечком и в тон девицам пропел:

— Саша Рыбин... Весьма озадачен...

— Не дури, Сашка, — нахмурилась Лиза.

— Чем вы озадачены, сэр! — чуть запальчиво спросил Петушков, почувствовав иронию в голосе Саши.

— Цветом волос ваших дам, — усмехнулся Саша. — Интересно, с какой они планеты? Насколько мне известно, на планете Земля такие волосы не растут!

Мирандолина снисходительно улыбнулась:

— Мы с планеты Сириус.

— Разве? — серьезно спросил Саша. — Мне казалось, что такие волосы растут на планете Глупиус!

Катя фыркнула.

— Саша, перестань! — сердито проговорила Лиза.

— Потрясно! — сказала Клара. — Этот мальчик уверен, что он юморист!

Лиза прошла мимо Саши и больно ушибнула его. Однако она улыбалась, и ее улыбка показалась Саше такой же неестественной и манерной, как и улыбки девиц с голубоватыми волосами.

— Садитесь, пожалуйста, — говорила она, расставляя вокруг стола стулья, и голос ее тоже был неестественным и манерным. — Сейчас будем пить чай. Бабушка, чаю!

— Бабушка, чаю! — негромко повторил Петушков и постучал ладонью о ладонь.

Девушки рассмеялись.

— Лиза, — сказал Саша, — тобой, между прочим, сегодня интересовалась старшая вожатая.

— Зачем?

— Ты же староста драмкружка! Впрочем, общественная работа тебя больше не интересует, кажется.

Клара иронически покосилась на Сашу:

— Общественная работа! Общественный долг! Какие слова! Мальчик хочет прочесть нам лекцию по политграмоте. Не надо, молодой человек! Мы уже подкованы.

На пороге показалась бабушка.

— А я вздремнула чуток, — говорила она, позевывая.

— Это мои гости, бабуся, — заворковала Лиза, — познакомься, пожалуйста.

Мирандолина сложила губы колечком.

— Очень приятно... Мирандолина.

Бабушка смотрела на ее волосы во все глаза.

— Как, милая? Как?

— Мирандолина.

— Скажи на милость! Не имя, а музыкальный инструмент. — Она перевела глаза на голубую прическу Клары. — А тебя как же зовут? Гитара или балалайка?

Клара сложила губы колечком.

— Очень приятно. Клара. Вы любите музыку?

— Как тебе сказать, милая... Балалаек не терплю!

Почувствовав, что в бабушке закипает раздражение, Лиза поспешно обняла ее.

— Бабушка очень любит народные донские песни... Правда, бабулечка? Она с утра до вечера поет: «По Дону гуляет казак молодой».

Петушков переглянулся с девушками и громко проговорил:

— Поэзия?

— Потрясно! — сказала Клара.

— А все-таки вы мне скажите, как вас по-настоящему-то звать? — допытывалась бабушка. — Как в метриках записано?

— Вообще меня зовут Мария, — сказала Мирандолина.

— А как Клара по-русски будет?

— Скажи на милость! Не имя, а музыкальный инструмент. —
Она перевела глаза на голубую прическу Клары.
— А тебя как же зовут? Гитара или балалайка?

— Клава...

Петушков прищелкнул пальцами.

— Мирандолина и Клара — стильные имена, бабуся. А-ля франсе!

— Мария лен тре, Иван телят пасэ, — быстро проговорил Саша.

— Вы говорите по-французски?

— Потрясно! — сказал Саша.

Катя не выдержала и, закрыв лицо руками, затряслась от смеха.

— Он продолжает юморить, — пожала плечами Клара. Бабушка спросила:

— А зачем же вы, голубки, вместо своих-то имен взяли себе такие?..

— Бабушка, ну какое тебе дело? — возмутилась Лиза. — Каждый человек имеет право называться, как хочет.

— Оно понятно... Каждый по-своему с ума сходит... Ну, а чем же вы, голубки, занимаетесь? Учитесь или работаете?

— Это что, допрос? — обиженно спросила Мирандолина, приподнимая тонко нарисованные брови.

— Бабушка! — нетерпеливо вскрикнула Лиза. — Я же просила — дай нам чаю.

— Погодь, погодь, Лизонька... Ну так как же? Учитесь или работаете?

— Я, например, собираюсь быть киноактрисой, — сказала Мирандолина.

— Слава и деньги! — добавил Петушков.

— Главное, конечно, деньги! — усмехнулся Саша.

— Ну, а для чего же, собственно, человек живет? — снова приподняла свои красивые брови Мирандолина.

— Для денег? — настороженно спросил Саша.

Петушков ехидно посмеивался.

— А разве вы, сэр, собираетесь жить без денег?

— Нет, не собираюсь! — горячо сказал Саша. — Я за то, чтобы все люди хорошо зарабатывали! Только честным путем! И я за то... чтобы у нас не было паразитов!

— Может быть, вы думаете, что мы паразиты? — спросила Клара и многозначительно посмотрела на подругу.

— А что вы думаете, девоньки? — качнула головой бабушка. — Может, и паразиты? А?

Петушков пощелкал пальцами.

— Каждый человек, бабуся, живет только один раз.

— Ну и что же, милый?

— И каждый человек живет, как умеет... Жить надо красиво, бабуся! А без денег жить невозможно.

— А на какие же деньги вы живете сейчас, девоньки?

— Потрясно! — картинно развела руками Клара. — Что же, у нас родителей нет, что ли?

— Вот именно! — прибавила Мирандолина. — Мой папа, например, очень хочет, чтобы я красиво одевалась... И вообще пользовалась успехом.

— Попался бы мне твой папа! — тихо проворчала бабушка.

— Да что же это за бестактный разговор! — закипела Лиза. — Бабушка, дай нам, наконец, чаю!

— Чего?

— Чаю! Я несколько раз просила...

— Нету чаю, внучка.

— Как «нету»? Почему?

— Кончился! — развела руками бабушка, но глаза ее смеялись. — Вот так, значит...

— Но ты же в магазин ходила сегодня!

— А про чай забыла!

Бабушка повернулась и ушла в кухню.

— Сердитая старушенция! — прошептал Петушков.

— Нет, вы не подумайте чего-нибудь... — робко оправдывалась Лиза. — Она добрая... Просто у нас действительно кончился чай... Мы еще соберемся... в следующий раз.

— Здесь и потанцевать можно? — спросила Клара.

— Вполне, — тоном хозяина сказал Петушков. — Шедевральная веранда!

— Конечно! — воскликнула Лиза. — У меня хороший патефон!

— Я принесу заграничную пластинку, — сказала Клара. — Потрясный твист! — И, обращаясь к Петушкову, прибавила: — Гарри, вы нас проводите?

— Что за вопрос? — прищелкнул каблуками Петушков. — Миледи, я к вашим услугам.

— Пока! — сложила губы колечком Мирандолина.

— Гуд бай, — поклонился Петушков и следом за девицами спустился с крыльца.

О чем-то переговариваясь и посмеиваясь, они неторопливо шли по дорожке мимо кустов сирени. Когда стукнула калитка, Саша вздохнул и пожал плечами.

— Какие... «потрясные» пустышки!

Лиза не ответила.

— Ты слышишь, Лиза?

— Позволь мне иметь свое мнение о людях, — сказала она, не глядя на него.

— Нет, ты только подумай, какой вздор молот этот Гарри! «Каждый человек живет один раз, и каждый живет, как умеет!»

— Но ведь человек действительно живет один раз! — неуверенно проговорила Лиза, сидя на диване, меланхолично поглаживая пальцем телефонную трубку.

— Да, один раз! — взволнованно сказал он и помедлил, потому что начал заикаться. — Один раз! Но что значит «живет, как умеет»? Ведь так можно оправдать всякое жульничество, всякую подлость во имя денег! Да так рассуждать только капиталисты могут!

— Именно капиталисты! — прибавила Катя и села на диван рядом с сестрой. — Неужели ты их не раскусила?

Лиза рассмеялась.

— Что вы болтаете? Ну какие же они капиталисты?

— Я не утверждаю, что они капиталисты, — сказал Саша. — Они просто... ничтожества! Ты помнишь, во время весенних каникул комитет комсомола проводил в школе диспут о капиталистических пережитках?

— Я не была на диспуте... Терпеть не могу никаких собраний!

— Да, ты не была, и, кстати сказать, совсем напрасно — это был очень интересный диспут... Так вот я подумал сейчас: этих типов можно было бы во время диспута демонстрировать. Живые экспонаты!

Лиза посмотрела на Сашу, и он ясно увидел в синих глазах холодную отчужденность.

— Ты... очень много позволяешь себе, Саша! Они просто веселились... шутили...

— Шутили, веселились?... — подхватила Катя. — Да они всю свою душу показали!

Саша поднялся со стула. Он был очень бледен.

— Ты надоел мне, Рыбин, со своими нравоучениями! Понимаешь? Надоел! — Лиза тут же подумала, что не должна была говорить этих гадких, оскорбительных слов, но в запальчивости не могла остановиться.

— Лиза! — вскрикнула Катя, хватая ее за руку. — Саша — твой лучший друг!

Лиза вырвала руку.

— Не надо мне таких друзей!

Саша стоял, ошеломленный, посреди веранды, открыл рот, чтобы сказать что-то, но она предупредила его грубым окриком:

— Лучше не заикайся!

Саша повернулся и выскочил во двор. Умолкнувшие девочки долго слышали, как тихую улицу тревожат его быстрые удаляющиеся шаги.

— Как тебе не стыдно, Лиза! — прошептала Катя.

— Отстань!

На веранду вышла бабушка.

— Ушли гости-то? — иронически спросила она. — Ну что ж, девочки, давайте пить чай.

— Чай? — ахнула Лиза. — Да ведь ты сказала, что у нас нет чаю!

— Для синеволосых нету, Лизонька. Только для синеволосых...

— Ну, знаешь!.. Ну, знаешь!.. — Лиза задохнулась от негодования. — Я тебе этого никогда не прощу, Прасковья Антоновна! — и, хлопнув дверью, ушла в свою комнату.

— Сказилась! — сказала бабушка, употребляя очень распространенное в Ростове слово, означающее «сошла с ума». — Ей-богу, сказилась!..

В своей комнате обозленная Лиза ничком легла на кровать и, зарывшись в подушку лицом, заплакала. И ей было непонятно, на кого она злится — на Сашу, на бабушку или на себя.

Глава девятая

Отец и Сережа вернулись в одиннадцатом часу. Оба были веселые и возбужденные, и еще с крыльца отец громко крикнул:

— Эй! Кто здесь в тереме живет? Поскорее дайте нам заморить червячка, и мы ляжем спать! Мы рано уходим на демонстрацию.

Они быстро поужинали и легли. Сережа долго ворочался с боку на бок и никак не мог заснуть, взволнованный увиденной кинокартиной. Правда, картину эту он смотрел уже в четырнадцатый раз. Но ведь она была о Чапаеве! И, вспоминая подвиги легендарного полководца, Сережа почему-то всякий раз представлял самого себя на лихом коне, со сверкающей саблей в руке.

Сережа не спал даже тогда, когда погасли все огни в доме, и поэтому отчетливо слышал, как в их комнате скрипнула дверь, и сквозь прищуренные веки разглядел на пороге сестру в длинной ночной сорочке. «Наверно, Лизка опять за Рыжиком пришла», — подумал он, прижимая к груди котенка.

Однако на этот раз котенок ее не интересовал.

— Папа, ты спишь? — шепотом спросила она.

— Что? — сонно пробормотал отец.

— Я спрашиваю, ты спишь?

— Что тебе?

Она села в кресло и помедлила.

— Мне надо поговорить с тобой, папа... Можно?

— Ну что ж, давай поговорим.

Она снова помолчала.

— Ну, выкладывай, что там у тебя накипело, дочка.

— Папа, — задумчиво сказала Лиза, закладывая руки за голову, — скажи, пожалуйста, зачем человек живет на свете?

Отец удивленно приподнял голову с подушки.

— Гм... странный вопрос! Что это у тебя за мысли по ночам?

— Нет, ты скажи, зачем человек живет?

— Я даже не знаю, что тебе ответить, Лиза... Живет потому, что родился.

— А для чего он рождается?

— Гм... Ну, наверно, для того, чтобы жить!

— Абсурд! — Она дала щелчок нависающему над ее головой листу фикуса. — Рождается для того, чтобы жить, а живет потому, что рождается! Удивительный абсурд!

— Почему же абсурд?

— Потому что я не нахожу в этом никакого смысла. Родиться, чтобы в конце концов умереть! Кому это надо? — Она снова щелкнула по листу фикуса.

— Оставь в покое цветок, — сказал отец. — Видишь ли, дочка, я не такой уж большой философ, чтобы просто объяснить тебе этот сложный вопрос.

— Ты всегда отвечал на все мои вопросы.

— Давай попробуем разобраться и в этом. Честно говоря, когда я был мальчишкой, меня тоже интересовала загадка жизни и смерти... Вероятно, рано или поздно это начинает интересовать всякого мыслящего человека. Помнится, я даже разные книжки читал на эту тему...

— Ну и что же ты вычитал?

— Да оставь же ты в покое фикус, Лиза! Что я вычитал? Человек — это крохотная частичка природы. А природа — это нечто грандиозное, бесконечное! Это и солнце, и планеты, и обитающие на этих планетах животные, и самое разумное из живых существ — человек!... Ты понимаешь меня?

— Понимаю... — не очень уверенно сказала Лиза.

— Все в природе бесконечно развивается, все рождается, живет и умирает, чтобы дать начало новой жизни. Таким образом, в широком понимании смерти в природе не существует!

— Но человек-то умирает!

— В широком понимании не умирает. Любой физик и химик скажет тебе, что он так же, как и все живущее на планете, переходит из одного качества в другое, из одного состояния в другое.

— Это чепуха, папа! Я великолепно знаю, что, когда меня похоронят, потом из меня вырастут деревья и всякая там трава. Но какое мне дело до этой травы, если я уже ничего не буду чувствовать? В конце концов человек так же ничтожен, как любой червяк, потому что впереди и червяка и человека ожидает одно и то же — смерть!

Отец задумался. Сережа, который хотя и не все понимал, но с интересом слушал эту необычную беседу, решил про себя, что Лиза не права. Разве не интересно превратиться в дерево? Вот было бы здорово, если бы из тебя выросли ветки с листьями или даже с яблоками! Жаль только, что дерево не может говорить. Хорошо бы гаркнуть какому-нибудь мальчишке на ухо: «Эй, не рви моих зеленых яблок!» Можно представить, как этот мальчишка слетел бы с дерева! Но что же отец ответит Лизе?

И отец действительно сказал:

— Ты не права, Лиза.

— Почему?.. Разве червяк не умирает так же, как и человек?

— Но человек не ничтожен! Червяк существует, даже не подозревая о своем существовании. Не очень-то далеко от него ушли и более развитые животные, потому что ими движет не сознание, а инстинкт. А у человека есть сознание! Уж он-то отлично понимает, что незыблемый закон природы — это жизнь. А раз так, то мыслящее существо обязано совершенствовать эту жизнь, делать ее все лучше и лучше для будущих поколений. Ты вдумайся: человек — маленькая частичка вечной природы, но как много сама природа дала этой частичке — сознание! Маленькая частичка природы переделывает даже саму природу!

— Каким образом?

— Например, побеждает старость, ищет средства для обновления человеческого организма. Некоторые ученые даже утверждают, что наступит время, когда жизнь человека практически может стать бесконечной. Живи сколько влезет!

— Ну, до этого мы с тобой не доживем.

— Не знаю, не знаю. Наша наука, дочка, сейчас шагает такими семимильными шагами, что только диву даешься! Совсем недавно, когда я еще был мальчишкой, то роман Жюль Верна о полете на Луну казался несбыточной фантазией. А сейчас советские ракеты не только на Луну, но и на Марс и на Венеру летят!

— Значит, человек рождается для того, чтобы до самой смерти заботиться о том, как сделать жизнь лучше?

— А что ты думаешь! — оживился отец. — Помнишь, как писал Маяковский: «В этом мире умереть не ново, сделать жизнь значительно трудней!»

— Скучно, — передернула Лиза плечами. — Ужасно скучно заботиться о каких-то будущих поколениях! А если я не хочу? Если я хочу думать прежде всего о себе? Человек живет только один раз, и каждый живет так, как умеет...

— Где ты наслушалась этой ереси? — уже не шепотом, а довольно громко сказал отец, и Сережа понял, что он начинает сердиться. — Рассуждать так — значит уподобляться червяку! Даже заяц заботится о своих детях...

Тут Сережа не вытерпел, заворочался на своем диване и проговорил:

— Пап, она меня червяком называет, а на самом деле сама червяк...

— Спи, Сережа, — сказал отец, — а то проспичь демонстрацию. Иди и ты спать, Лиза, мы еще поговорим с тобой как-нибудь... У тебя какое-то завихрение мозгов!

Сережа повернулся лицом к стене, довольный, что на этот раз Лиза не вспомнила о Рыжике, и сейчас же заснул. Ему приснилось, что на его руках растут крупные, тяжелые яблоки.

Лиза на цыпочках вернулась в свою комнату. Катя сидела на раскладушке и вглядывалась в темное окно.

— Который час? — спросила она встревоженно.

— Кажется, начало первого, — зевнула Лиза, натягивая на себя одеяло. —

А ты чего не спишь?

— Так просто... Ты не заметила, вернулся домой Стёпа?

— Нет, не вернулся.

— Странно...

— Ничего странного, ведь он говорил, что собирается на праздничный вечер.

Катя молча надела халатик.

— Ты куда, Катя?

— Не спится... Посижу на веранде.

Она вышла на веранду и открыла дверь во двор. Ночной воздух был чист и холодноват и словно водой обдал ее лицо, шею и голые коленки. Пахло молодой зеленью. Было так тихо, что Катя отчетливо услышала, как где-то очень далеко внизу, на берегу Дона, работала лебедка и звонкий голос кричал: «Майна! Майна! Вира!...» Кусты сирени во дворе, густые и темные от распутившихся листьев, стояли неподвижно и будто прислушивались к далеким голосам. Бесчисленные звезды мерцали в небе и, казалось, дышали. Большая яркая бабочка влетела перед верандой в полосу света, ударилась несколько раз о стекло и села на перила крыльца. Можно было подумать, что ее бордовые крылья с изящными белыми разводами сделаны из бархата. Катя протянула к бабочке руку, та шевельнула крыльями, вспорхнула и исчезла во мраке.

...В третьем часу ночи улицу осветили фары автомобиля. У калитки они погасли, шумно хлопнула дверца такси, и во двор вошел Степан. Фары снова вспыхнули, и машина, неторопливо переваливаясь на ухабах, скрылась за углом.

Катя дремала на веранде, положив на стол голову.

— Ты здесь? — удивился Степан. — В чем дело?

От него пахло дорогими духами и вином.

— Я ждала тебя, Степа...

— Что за глупость! Я же не ребенок, Котенька.

Она подошла к нему и положила ладони на его грудь.

Степан увидел слезы в глазах сестры и спросил озабоченно:

— Да что случилось? Тебя кто-нибудь обидел?

— Нет, никто...

— Почему ты плачешь?

— Не знаю... так... — Она вытерла глаза согнутым пальцем.

— Ничего не понимаю, — сказал Степан и пожал плечами.

— Степа... можно тебе задать один вопрос?

— Конечно.
— Откуда у тебя столько денег?
Он снял шляпу и прошелся по веранде.
— Почему ты об этом спрашиваешь?
— А разве я не имею права спросить?
— Нет, разумеется, можешь... Ну хорошо, я отвечу... Я получил премию от горторга. Я уже говорил об этом.
— Все равно у тебя... очень много денег... Очень много, Степа! Я видела...
— Ну, знаешь, это уже не твое дело! Ступай спать!
Катя молча пошла в дом.

Глава десятая

На ростовских улицах зацвела белая акация. Кто жила в Ростове, тот на всю жизнь запомнил это похожее на чудо белое кипение. Бесконечные ряды деревьев походят на сугробы. Город заполнен нежными и пышными цветами. Пряный аромат наполняет улицы, мощно вливается в открытые окна домов, трамваев и троллейбусов. Он ни на что не похож, этот резкий и дурманящий аромат. Так пахнет только один цветок на нашей планете — белая акация.

Никто не продает и не покупает этих удивительных белых цветов, потому что они всюду: на улицах, во дворах, в скверах. Ростовчане ходят на заводы, в учреждения, в школы чуточку хмельные от этого всюду проникающего и обволакивающего запаха. У всех невольно начинают сверкать глаза, с лиц не сходят улыбки, и все словно молодеют. Мелькают на улицах летние платья и костюмы, звучит смех, и яркое южное солнце заливает город слепящим светом.

Десятки тысяч ростовчан уезжают на противоположный берег Дона на пляж. Песчаные отмели реки кишат полуголыми ростовчанами, похваляющимися друг перед другом первым летним загаром.

Особенно остро воспринимала это удивительное южное чудо Катя, которая родилась на севере, в тайге. Часами она просиживала в гамаке, запрокинув голову и глядя затуманенными глазами на белое кипение акаций.

Матери Кати и Лизы были родными сестрами, но еще в двадцатых годах мать Кати вышла замуж и уехала в Тобольск к родителям мужа. Там она родила Степана и Катю и вскоре умерла от воспаления легких. Отец, инвалид Отечественной войны, тяжело раненный в боях под Будапештом, был похоронен рядом с женой на тобольском кладбище. Несколько последних лет Катя жила в Тобольске вдвоем с бабушкой в небольшом деревянном доме на берегу Иртыша. Степан писал редко, а приезжал в Тобольск и еще реже. Судьба, как говорил он, «носила его по просторам России». Лишь после смерти бабушки он забрал Катю из Тобольска.

Брат и сестра, внешне похожие друг на друга, такие же, как отец, стройные, с красивыми темноглазыми лицами, на самом деле оказались совсем различными людьми. Их предки по отцу были сибирскими чалдонами, охот-

никами, звероловами и лесорубами. Катю с детства приучили трудиться и заботиться о доме. Степан после средней школы уехал продолжать образование в Омск, но институт не закончил. Его почему-то увлекала торговля. «Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше», — объяснял он с усмешкой. Степан кончил какие-то торговые курсы и, судя по его письмам, почти всегда возглавлял какие-то магазины. Станным было лишь то, что он нигде не работал больше одного-двух лет и без конца кочевал из города в город. Катя с удивлением открывала в нем незнакомые ей доселе в людях такие черты характера, как барство, небрежное отношение к тем, кто был чином ниже, и раболепие перед начальством. Она не всегда отдавала себе отчет, правильно или неправильно поступает ее брат. Ведь она любила его! Но со временем его жизнь (она и сама толком не знала почему) все больше и больше беспокоила Катю.

...В школах кончались экзамены. Утром, во время завтрака, Лиза со вздохом сказала:

— Папа, мне предстоит ужасный месяц!

— Объясни точнее, — отец положил вилку и внимательно посмотрел на Лизу.

— Наши восьмиклассники на четыре недели должны ехать куда-то полоть колхозную кукурузу.

— Трудовое воспитание, сестренка! — заулыбался Степан. — Так сказать, связь обучения с практикой. Это теперь модно в школах.

— А мы тоже едем в колхоз, — сказала Катя, — только в другой район.

— Но зачем же тебе ехать в другой район, Катюшка? — сказал Константин Сергеевич. — Если ты с осени будешь учиться с Лизой в одной школе, то я думаю, что и в колхоз тебе следовало бы ехать вместе с Лизой. Кстати сказать, Лиза, ничего ужасного в том, что ты освободишь бабушку от забот на четыре недели, я не нахожу.

— Костенька, — затревожилась бабушка, — как же Лизонька там одна будет?

— Ничего, ничего, мама! Ей полезно. А потом почему одна? Она будет с товарищами.

Сережа довольно потер ладонь о ладонь.

— Вот мозольки-то себе Лизка натрет!

— Помолчи, червяк! — буркнула сестра. — С тобой не разговаривают.

— Дядя Костя, — сказал Степан, — на мой взгляд, это правильная идея, чтобы Лиза и Катя ехали вместе. Я сегодня же зайду и в Катину и в Лизину школу и обо всем договорюсь.

— Сережа, — вдруг строго проговорила бабушка, — не вертись за столом!

— А я не верчусь, бабуся, я хочу уйти...

— Еще чай не пили.

— А я не хочу чаю... И вообще мне некогда...

— Что у тебя за дела? — спросил отец.
— Октябрытский сбор, пап...
— Да ведь в младших классах занятия кончились.
— Занятия кончились, а октябрыта остались, папа. Не могу же я их на лето без присмотра оставлять.

— А, в таком случае ты, конечно, прав.
— А чай? — спросила бабушка.
— Если он не хочет, пусть не пьет, мама. Дела прежде всего! Правда, Сергей?
— Ага, — сказал Сережа и вылез из-за стола.
— Пирожков заверни, — посоветовала бабушка. — Небось опять на целый день исчезнешь?

Сережа завернул в газету несколько пирожков и вышел на улицу. У калитки его уже ждали четверо октябрыт — три девочки и один мальчик.

— Эх, детство! — сказал Степан, глядя в окно. — Никаких забот! Неповторимое время!

— По-моему, забот у него хоть отбавляй, — улыбнулся отец.
— Ну и заботы! — поморщила Лиза нос. — С утра до вечера валяет дурака!
— Ты плохо относишься к своему брату, Лиза, — нахмурился отец. — А он значительно серьезней тебя!

Лиза обиделась.

— Еще бы! Он же твой любимчик!
— Уж ты не говори несправедливостей, Лизонька, — вмешалась бабушка.
— У папы любимчиков нет. Он отец справедливый! А что правда, то правда — ты погулять любишь, а Сережа делами увлекается.

— Значит, дела по сердцу пришлись, — сказал Степан. — Это важно, чтобы работа по сердцу была... Кстати, дядя Костя, я тоже хотел поговорить с вами насчет своей работы.

— Насчет твоей работы? — заулыбался отец. — Да что же я в торговле понимаю, Степа?

— В том-то и дело, дядя Костя, что торговля у меня вот здесь сидит, — Степан постучал ребром ладони по своему затылку. — Опротивела мне торговля до тошноты! Никакого размаха! А ведь я специалист по стройматериалам!

— Как же я могу помочь тебе, дорогой?

— У вас же колоссальные связи, дядя Костя! Замолвите словечко на железной дороге... Мне говорили, что на железнодорожном складе стройматериалов начальник умер...

— Так ты что ж, начальником склада решил стать?

— А почему бы и нет, дядя Костя? Не боги горшки лепят. Уж я вас не подвел бы!

Отец посмотрел на него долгим взглядом. Красивые черные глаза Степана были ясными и искренними.

— Не знаю, что тебе пообещать, Степан... Во всяком случае, сегодня же наведу справки.

— Большое спасибо, дядя Костя!

...Четверо октябрят, возглавляемые Сережей, по заранее разработанному плану явились на квартиру к Лене Кацу. Леня ждал их на лестнице.

— Дедушка и папа сейчас выйдут, — торжественно сказал Леня, — они уже одеваются.

И действительно, через минуту на лестнице показалась худощавая фигура Ильи Ильича в летнем полотняном костюме. Следом за ним шел моложавый, светлолицый, но уже с заметным брюшком и с мешочками под глазами мужчина. Он нес тесно набитую продуктами авоську. Сережа подумал, что крохотный Леня мало похож на своего большого отца.

— О! — сказал Илья Ильич. — Октябрятское войско уже выстроилось! Ну что ж, друзья, едем на лоно природы?

— Едем! — хором проговорили октябрята.

— Папаша, — сказал мужчина тонким сипловатым тенорком, который никак не вязался с его огромным ростом, — может быть, нам не брать детей? Для них это утомительная поездка.

— Нет, нет, Юра, — покачал головой Илья Ильич, — им эта поездка обещана еще неделю назад!

— Я не возражаю, папаша, но наш садовый участок все-таки далековато...

— Папа, — сказал Леня, — это же совсем не далековато! Полчаса на поезде и полчаса пешком! Я несколько раз ездил с мамой.

— Дядя Юра, не далековато, — задвигались октябрята, запрокидывая головы и просяще заглядывая в лицо дяде Юре, — он выглядел рядом с октябрятами, как Гулливер среди лилипутов.

— Вот видишь, Юра, — улыбнулся Илья Ильич. — Не далековато... Поехали, друзья!

Через четверть часа они уже ехали в пригородном поезде. Разумеется, октябрятское войско со своим командиром расположилось возле окна. Кто же не знает, как это интересно — смотреть из окна поезда на уносящиеся назад дома, деревья, извилину реки, зеленые поля и холмы?

Илья Ильич и дядя Юра сидели на скамейке. Зять что-то говорил тестю своим юношеским тенорком, но было видно, что Илья Ильич его плохо слушает. Грустные глаза Ильи Ильича неподвижно смотрели в одну точку.

...Садовые участки находились примерно в двух километрах от станции. Дорога шла сначала полем, потом вдоль густых насаждений орешника. Было очень тихо и жарко. Невидимый жаворонок звенел в небе. Какие-то птицы отвечали ему веселым посвистыванием в зарослях орешника. Очень приятно пахло землей и какими-то полевыми цветами.

Сережа видел, как Илья Ильич поскользнулся на влажной тропинке, и предупредительный зять поддержал его, ловко перекинув из руки в руку авоську с продуктами.

— Вот я и думаю, папаша, — продолжал зять начатый, по-видимому, в поезде разговор, — вам здесь очень великолепно для здоровья будет. Вы только

посмотрите, какая кругом грандиозная природа! — ворковал плечистый зять. — Такой роскоши во всем Задонье не сыщешь! Ведь правда, папаша?

— Да, — механически ответил Илья Ильич и почему-то вспомнил, как три дня назад цех провожал его, почетного кожевника, на пенсию. Говорили всякие ласковые слова, вспоминали его славный трудовой путь, а у него сжималось сердце и щекотало в горле. Но он все-таки улыбался и, прижимая к груди букет сирени, благодарил всех за дружбу и любовь. И только один из старых приятелей, шестидесятидвухлетний Федор Тихонович, посмотрел на него недобрыми колючими глазами и грубовато сказал на ухо: «Илюшка, неужели ты серьезно на пенсию захотел? Да ведь как раз про таких пенсионеров говорят, что они еще хвосты быкам крутить могут!»

В ту минуту Илья Ильич совсем растерялся, его лоб и щеки покрылись багряными пятнами, и он, с трудом находя слова, виновато ответил Федору Тихоновичу, что действительно чувствует себя еще хорошо, да вот дочь и зять очень просят его пойти на пенсию, потому что домик и посадки на их участке второй год без присмотра.

«Вон оно что, — ядовито сказал Федор Тихонович. — Клубничкой на ростовском базаре торговать будешь? Эх, ты! А свой цех бросать не жалко? Ты же классный мастер, Илюшка! Теперь тебе не скоро замену найдут... Эх, ты!» Это было очень обидно не только потому, что он не собирался торговать клубничкой (да в это не верил, конечно, и его приятель!), но и потому, что он сам подготовил себе достойную замену в цехе. И все-таки всем своим существом Илья Ильич понимал, что его приятель в чем-то прав, что он еще может быть полезным на фабрике и может еще много сделать. Он не переступил последний раз порога цеха, а уже тосковал о нем, о своих станках, о шумных цеховых собраниях, о друзьях и знакомых, с которыми сроднился за многие годы и которые стали каким-то образом частью его души, смыслом его жизни.

— Воздух здесь, папаша, как эликсир, — снова услышал он голос зятя. — Каждый врач вам скажет, что воздух — главный лечебный фактор в вопросах долголетия. — Он шумно подышал носом, достал носовой платок и высморкался. — Ведь правда, папаша, грандиозный воздух?

— Да, — сказал Илья Ильич печально.

— Не воздух, а бальзам для пенсионеров! — рассмеялся зять, довольный тем, что говорит так красиво и убедительно. — Как вы находите, папаша?

— Да...

Орешник кончился, потянулся луг, заросший высокой, мокрой от росы травой, и впереди заблестела под солнцем излучина Дона.

— А вот мы уже и пришли в наше поместье... — без причины засмеялся зять. — Позвольте я вас поддержу под ручку, а то здесь крутой спуск.

— Не надо! — вдруг сердито сказал Илья Ильич и вырвал руку. — Мне не сто лет! Послушайте, дети, зачем вы бегаєте по траве? Тут же есть тропинка! У вас же, наверно, мокрые платья и мокрые штаны!

Илья Ильич легко сбежал с горки и увидел за штакетным забором полную, темноволосую дочь Аню, которая неторопливо шла им навстречу мимо аккуратно выбеленных стволов молодых яблонь и вишен. По-видимому, дочь только что кончила их белить, ее фартук был забрызган известью, лицо покраснелось, на носу и на подбородке поблескивали капельки пота.

— Вот замечательно! — открывая калитку, певучим голосом сказала дочь; ее глаза, такие же большие и темные, как у Лени, светились довольством и радостью. — Сейчас будем завтракать. О, как много детей! Это хорошо, Леня не будет скучать... Папа, а у нас гость.

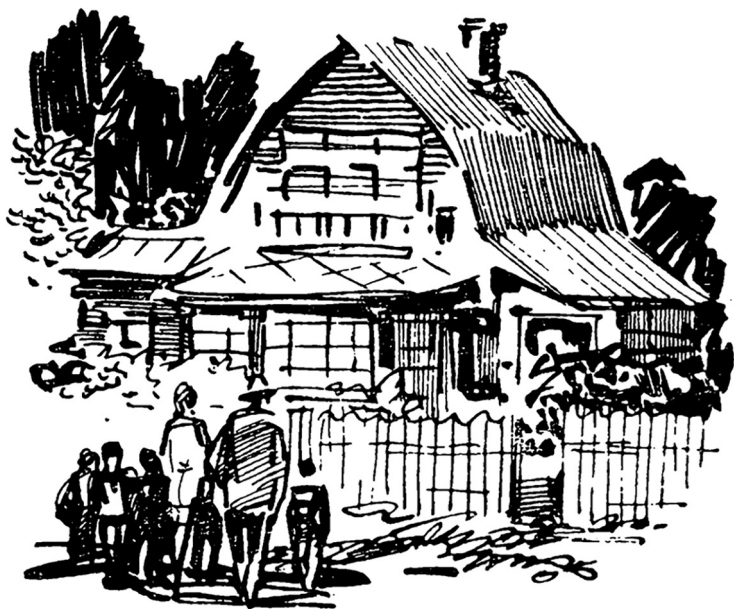
— Кто же? — удивленно спросил Илья Ильич.

— А вот иди в дом. Это к тебе.

— Нежданный сюрприз! — проворковал зять, передавая жене авоську. — Осторожно, Анечка, не разбей, там коньячок!

Илья Ильич не был на участке с прошлого года, когда дом еще не начинали строить, и теперь, несколько удивленный, рассматривал новое строение с террасой и мансардой под высокой черепичной крышей. Конечно, он слышал, что зять хочет строить дом обязательно с мансардой, но, занятый своими делами, не придавал тогда услышанному особого значения: дачи, сады, огороды никогда не занимали его мыслей. И этот садовый участок он взял на фабрике только потому, что его очень уговаривали дочь и зять.

— Да вы, друзья, с ума сошли! — сказал Илья Ильич мрачней. — Я не помню, что именно можно строить по закону на садовом участке, но только уж не такой терем!

— Так ведь не мы одни, папочка! — снисходительно улыбнулась дочь.

— Это не отговорка!

— Что касается дома, — сказал зять, — то все вопросы уже урегулированы по инстанциям. Вам, как почетному производственному, сделано исключение и в смысле планировки дома и в смысле строительных материалов.

Притихшие дети стояли у забора с букетиками цветов в руках. Сережа видел, как вдруг побледнел Илья Ильич. Конечно, Сережа не мог знать, о чем он сейчас думает. А Илья Ильич думал о том, как его зять, этот большой плечистый мужчина с наметившимся брюшком, ходил по разным инстанциям, спекулировал его именем старого, заслуженного работника, упрасивал, доказывал... Только этого позора ему не хватало на старости лет!

Он почти с ненавистью взглянул на зятя.

— Папочка, — очень ласково сказала дочь, — ты всегда из мухи делаешь слона... Иди же, тебя ждут. А я детям дам молока. Мне как раз сегодня принесли из колхоза целых три литра. Дети, хотите молока?

— Хотим! — дружно ответили октябрята.

Илья Ильич поднялся на застекленную террасу.

За круглым столом, склонившись над газетой, дремал Федор Тихонович. Поблекшее лицо его, с опущенными темными веками казалось усталым и грустным.

— Федя! — тихо ахнул Илья Ильич.

Федор Тихонович испуганно встрепенулся и замотал головой.

— Приехали? — невнятно пробормотал он поднимаясь, и провел ладонью по глазам, словно сияясь смахнуть дрему. — Вот и я приехал... Не ждал, Илья? — Он вдруг широко улыбнулся, и его лицо сразу посветлело и помолодело от этой мягкой улыбки. — Понимаешь, Илюша, я думал тебя дома застать. Звякнул по телефону, ну, а соседи говорят, что тебя уже нет дома... А тут как раз фабричный автобус подвернулся... Я и приехал... Как видишь, даже раньше тебя.

— Да что случилось, Федя?

— А ничего... — Федор Тихонович смущенно помолчал. — Идем погуляем, Илюша.

Они спустились с террасы и вышли за ограду.

— Дети, — крикнул Илья Ильич, — вы попили молока? Идемте купаться.

Повизгивая от счастья, октябрята скатились по траве к песчаному берегу. По Дону шел ослепительно белый пароход. Ребята загалдели и замахали ему руками. Кто-то помахал им с палубы в ответ белым платком. Октябрята загалдели еще громче.

— Раздевайтесь, дети, — сказал Илья Ильич, — и погрейте свои спины под этим благодатным солнышком. Здесь хорошее песчаное дно и совсем неглубоко. Но вы все равно без сигнала командира в воду не лезьте.

Илья Ильич и Федор Тихонович сели на песок.

— Чудесно! — вздохнул Федор Тихонович. — Хорошо тебе здесь будет, Илюша!

— Это я уже слышал, — сдержанно сказал Илья Ильич. — Зять все уши прогудел... Ты скажи, что случилось? Я же понимаю, что ты не просто так приехал.

— Да как тебе сказать... Понимаешь, Илюша, обидел я тебя тогда... На прощальном вечере... Три дня мучился, а потом так решил: поеду к тебе и попрошу прощения... Не имел я права укорять тебя. Заслужил ты свой, положенный тебе отдых! Вот, значит, и все... Прости ты меня, пожалуйста, и забудь про те мои слова...

— Милый ты мой, — растроганно сказал Илья Ильич, и мускул на его подбородке задрожал мелко-мелко. — Да если бы ты знал... Эй, командир! — вдруг закричал он Сереже. — Почему Леня нарушает правила? Кто ему разрешил лезть в воду? Или он думает, ему позволено больше, чем другим? Пойди-ка сюда, сорванец, я нахлопаю тебе одно место!.. Слушай, Федя, насколько я понимаю, в воду собирается лезть не один Леня, а все октябрятское войско... Может быть, и нам искупаться? А? Давай-ка размочим в Дону наши старые кости...

Глава одиннадцатая

Вы купались когда-нибудь в Дону? Ростовчане уверяют, что на нашей планете нет лучше реки для купания!

В жаркий летний день вы погружаете свое тело в прозрачные струи тихого Дона и тихонько взвизгиваете от прохладной воды. Но через тридцать секунд эта вода уже кажется вам парным молоком. Наплававшись и нанырившись, вы стоите и отдыхаете в воде. Она доходит вам до горла и просвечивает, как зеленое бутылочное стекло. Если смотреть вниз, можно увидеть твердое песчаное дно и пальцы собственных ног. Вон серебристо мелькнули какие-то рыбешки... А вон по дну неторопливо пятится, расставив клешни, большой черный рак. А над головой с пронзительным криком кружатся чайки. Но, разумеется, не вы интересуете чаек. С вышины они зорко рассматривают добычу в струях Дона. И вот то одна, то другая чайка, сложив крылья, падает на воду и снова взмывает в воздух со сверкающей рыбешкой в клюве.

Лениво плещется Дон о песчаные берега. А на другом берегу в мареве полуденного зноя зеленеют неподвижные камыши, а еще дальше за камышами медленно бредет на водопой колхозное стадо.

Накупавшись досыта, ребята вылезли из воды и разбежались по берегу. Илья Ильич и Федор Тихонович, разморенные водой и солнцем, сидели на траве и курили.

— Дедушка! — закричал откуда-то издалека Леня. — Иди посмотри, какая здесь яма!

— Посмотрим? — спросил приятеля Илья Ильич, отшвыривая в реку папиросу.

— Посмотрим, — улыбнулся Федор Тихонович.

Старики неторопливо побрели по берегу.

— Ау, где же вы? — крикнул Илья Ильич.

— Здесь мы! — раздалось откуда-то с холма из зарослей терновника.

Старики поднялись на холм. Октябрюта стояли возле огромной воронки.

— Орудийная воронка, — вздохнул Илья Ильич.

— Воронка, — подтвердил Федор Тихонович и тоже вздохнул. — Много, ребятки, в этих местах нашего люда полегло.

— Здесь шла страшная война с фашистами, — сказал Илья Ильич. — Вон там мы с Федором Тихоновичем окопы рыли... А кругом снаряды рвались. Да так рвались, что света не видно было! Пыль да комья земли в воздухе! И все тряслось и гудело от грохота! Фашисты на Ростов наступали.

— Мы фашистов победили, — сказала Лена. — Я знаю, мне папа рассказывал.

— Дорого нам эта победа досталась, детка! Много жизней закончилось в этих местах!

Воронка была очень глубокой. Ее отлогие склоны густо заросли белой ромашкой. Октябрюта молча смотрели на ромашку, и Сережа, как ни силился, никак не мог представить дым и пыль вместо этих белых цветов.

— А хотите, я вам расскажу одну историю, дети? — вдруг сказал Федор Тихонович.

— Расскажите! — хором ответили октябрюта и начали рассаживаться у воронки.

— Есть на Урале поселок под названием Теплый Ключ, — начал рассказ Федор Тихонович, усаживаясь рядом с октябрятами. — В этом поселке живет мой сын. Так вот, прошедшей зимой ездил я к сыну в гости... Ну, Урал — это не то, что наша степная полоса. Леса там, ребятки, ух какие! И горы!

— Там Хозяйка Медной горы живет, — сказала Лена, которая очень любила сказки.

— Ну, насчет Хозяйки не знаю... Так вот приехал я в Теплый Ключ. А мороз был страшнейший! Стоят кругом сосны да ели в белых шапках. Тишина такая, что за километр слышно, как снег под ногами скрипит. И мороз душу обжигает. Случись такой мороз в Ростове, небось все школы не работали бы. Ну, а там ребятки закаленные. И мороз им нипочем... Как-то утречком внучонок мне и говорит: «Дедуня, пойдем со мной на сбор дружины, у нас очень интересный сбор будет». Ну, вы сами понимаете, что пионером мне не довелось быть, поскольку мне уже идет седьмой десяток. Вот я и подумал, а почему бы мне на старости лет не попробовать этого самого пионерства?..

Октябрята расхохотались, и громче всех Сережа, который представил седоволосого Федора Тихоновича в красном галстуке.

— Смейтесь не смейтесь, — улыбнулся Федор Тихонович, — а на сбор я пошел. Построилась дружина в школьном дворе. У меня от мороза слезы выступили и веки смерзаться стали, а пионеры, смотрю, стоят да посмеиваются. Только носы да щеки у них красные, что твой бурак¹. Думал я, ребятки, что буду самым старым пионером на этом сборе. Ан нет! Смотрю, идет к пионерам еще один дед. Да такой старый, что я в сыновья ему гожусь! И встречают этого старика ребятки с полным уважением и почетом, и сама вожатая под ручку его берет.

«К нам на сбор, ребята, — сказала она, — пришел почетный колхозник Василий Степанович. А зачем он к нам пришел, вы сами знаете, но поскольку у нас гость из Ростова-на-Дону, то я скажу... Неподалеку от нашего поселка в лесу тихонечко выбивается из-под корней никогда не замерзающий родник. Рядом с родником находится братская могила бойцов Красной Армии. Пионеры нашей дружины захотели поподробней узнать о героях, погребенных в братской могиле. С этой целью мы и пригласили уважаемого Василия Степановича».

А у меня, ребятки, у южанина, уже душа к пяткам примерзла! Неужели, думаю, этот древний старик и рассказ свой на морозе поведет? Однако, к моей радости, все пошли в школу и расселись в зале. Поднялся старый колхозник на сцену и начал свой рассказ...

Федор Тихонович помедлил. Октябрята с интересом смотрели на него. Они сидели рядком в зарослях ромашки, свесив в воронку ноги.

— А знаете, к чему я вам все это рассказываю? — вдруг спросил Федор Тихонович. — Особенно трудно нашей стране приходилось в первые годы после революции. У нас на Дону зверствовал тогда царский генерал Деникин. Чуть не

¹ Бурак — свекла по-украински.

на каждом телеграфном столбе повешенные качались... А на Урале да в Сибири зверствовал генерал Колчак. А помогали царским генералам иностранные капиталисты. Четырнадцать держав в те тяжелые времена на Москву наступали! Вы только подумайте, ребята: четырнадцать держав! Только выдюжила наша Москва! Выстояла! Всех царских генералов и всех иностранных капиталистов прогнали мы с нашей земли.

Простите, отвлекся я малость, ребятки. Так вот про старого колхозника... Голос, помню, был у него слабый, тихий. Но все сидели, не шевелясь, и напрягали слух, чтобы не проронить какого-нибудь слова. Рассказывал он о том, как бежали с Урала войска генерала Колчака. Красные отряды преследовали их по пятам, не давали ни одного дня на задержку. Красноармейцы знали, что, если белые задерживаются, начинаются пожары, грабежи и убийства мирных людей.

Как-то раз ехали по лесу сорок два всадника. Это была красная разведка. Все сорок два бойца были молодые, смелые, веселые, в атаку бросались как ураган и всегда побеждали. И оттого, что бойцы были очень молодые и немножко беззаботные, они позабыли, что враг иной раз действует подло и коварно. У лесного родника, в котором никогда не замерзает вода, разведчики неожиданно встретили большой Красный отряд. «Наши!» — радостно закричали разведчики.

Только на самом деле это были колчаковцы. Они просто спрятали погоны и подняли красный флаг, чтобы обмануть наших бойцов. А когда разведчики поняли свою ошибку, было уже поздно. После неравного и жестокого боя белые скрутили разведчикам руки. А колчаковский офицер приказал согнать к роднику жителей окрестных уральских деревень. Офицер думал устроить всех казнью красных разведчиков.

Плакали собравшиеся у родника женщины и дети. Горько насупившись, стояли мужчины.

Ни один из разведчиков не попросил пощады. Измученные, истекающие кровью, с разбитыми лицами и связанными за спиной руками, гордо стояли красные бойцы перед своими палачами. И было в их взглядах столько презрения, что даже колчаковцы не выдерживали и опускали глаза. И в тишине кто-то из разведчиков вдруг крикнул:

«Товарищи крестьяне! Мы сейчас умрем, но наше великое дело никогда не умрет! Люди будут жить счастливо! Да здравствует Ленин!»

И все сорок два разведчика повторили громко:

«Да здравствует Ленин!»

Так и умерли они с именем Ленина.

Кончил старый колхозник свой рассказ. А потом вся дружина пошла в лес, к памятнику. Двигались все по снежной тропинке очень медленно, потому что впереди шел, опираясь на палочку, старый колхозник.

Ну, пришли мы в лес к незамерзающему роднику. Смотрю, высится среди сугробов над братской могилой высокий белый обелиск. В ограде вокруг па-

мятника снег прибран, зеленеют венки из хвои — видно, пионеры эти венки сплели. Стояли мы у братской могилы, смотрели на белый обелиск, и старался я представить сорока двух героев со звездами на красноармейских шлемах.

«Они были совсем молодые, — сказал в тишине старый колхозник, — но они думали о будущем, дети! Они думали о вас!»

Старый колхозник стянул с головы шапку, и следом за ним разом сняли шапки-ушанки все мальчишки-пионеры.

А мимо памятника медленно-медленно плыли над сугробами клубы пара. Поднимался этот пар от незамерзающего теплого ключа. И будто на часах стояли кругом тихие, покрытые снегом елки. А где-то наверху, укрытые хвойными ветками, дружно пищали маленькие птенцы. После я узнал, что это были птенцы клестов. Оказывается, эти красивые, яркие птицы выводят птенцов зимой! А их веселый писк в холодном замороженном лесу означает, ребятки, что жизнь никогда не прекращается! Означает, что после зимы придет весна и будет много-много тепла и солнца! Вот и весь мой рассказ...

— Хороший рассказ, — сказал Илья Ильич. — Я и не подозревал, что ты, Федор Тихонович, поэт.

— Только рифмы сочинять не умею, — засмеялся Федор Тихонович. — А не искупаться ли нам еще разок, дети?

Но купаться не пришлось, потому что за кустами терновника прозвенел голос дочери Ильи Ильича:

— Па-а-па! Де-сти! За-а-втра-кать!

Все вернулись на участок. Дочь Ильи Ильича сустилась на террасе у накрытого стола. Ее плечистый муж, расставив ноги, сидел на табуретке и неторопливо ввинчивал штопор в бутылочную пробку.

— От водки в нашем возрасте, папаша, надо воздерживаться, — солидно сказал он, — пить лучше всего коньяк. Грандиозный напиток.

— Нет, уж лучше всего ничего не пить, — улыбнулся Федор Тихонович, — не считая, конечно, чая или там молока... Скажите, товарищи, у вас есть расписание поездов?

— А разве ты не останешься, ну, хотя бы до вечера? — дрогнувшим голосом спросил Илья Ильич. — Оставайся, Федя...

— Что ты, Илюша! Я во вторую смену сегодня. И потом в три часа заседание цехового комитета.

Заседание цехового комитета!.. Илья Ильич сжал губы. Сколько раз он сам участвовал в таких заседаниях, решая большие и малые фабричные дела! Сколько раз! Как все это стало вдруг далеко!

Илья Ильич молча смотрел на приятеля, который листал расписание поездов, щурясь и отставив книжечку на вытянутую руку от глаз, как это делают обычно в пожилом возрасте дальнорюрые люди.

— Надо идти, — сказал Федор Тихонович и положил на стол расписание. — Поезд через пятьдесят минут.

— Да вы хоть позавтракайте! — воскликнула дочь Ильи Ильича.

— От водки в нашем возрасте, папаша, надо воздерживаться,
— солидно сказал он, — пить лучше всего коньяк. Грандиозный напиток.

— Нет, нет, Анечка! Я уже завтракал, спасибо... Мне ведь только Илюшу повидать надо было.

— Постой, — сказал Илья Ильич, — я... я, брат, тоже с тобой поеду.

— Куда? — Федор Тихонович внимательно посмотрел на друга.

Их взгляды встретились, и по вспыхнувшему на какое-то мгновение чуть заметным огонькам в глазах Федора Тихоновича Илья Ильич понял, что его другу все ясно.

— Папа, — озадаченно спросила дочь, — куда это ты собираешься?

— В партком... в отдел кадров...

— Зачем, папа?

— Работать, дочка. Работать.

— Илюша, — тихо сказал Федор Тихонович, — а ты все обдумал?

— Это безумие, папаша! — строго проговорил зять и осторожно поставил на стол бутылку.

— Никакого безумия! Мне не сто лет! — Илья Ильич усмехнулся и покопался в кармане. — Я еще хвосты бычкам крутить могу!

Зять пожал плечами.

— Я, понятно, слышал эти слова, папаша, уже не раз, но в данном случае это парадокс!

— Не надо, Юра, — вдруг поморщилась дочь. — Папочка, я тебя понимаю... Я ведь тебя очень-очень хорошо знаю, папочка! — Она обняла и поцеловала отца. — Вероятно, ты прав, папочка! Езжай!

Сережа, который молча стоял у порога и начал смутно понимать, что происходит на террасе, внезапно услышал, как рядом с ним всхлипывает Лена.

— И я хочу... с дедушкой... — пробормотал он сквозь слезы.

— Нет, уж ты-то никуда не поедешь, Лена! — сказала мать.

— По-о-еду! — во все горло заревел Лена.

— Пусть едет! Пусть едет! — покрякивал его отец. — Это не дача, а сумасшедший дом!

Он долго не мог успокоиться и, глядя вслед удаляющимся старикам, рядом с которыми вприпрыжку бежали октябрята, недоумевающе пожимал плечами и повторял:

— Парадокс! Парадокс!

Он любил необычные слова.

Глава двенадцатая

Июньским вечером, за двое суток до отъезда в колхоз, Петушков встретил у калитки Лизу.

— Элиза! — пораженно пропел он, помахивая коричневым портфелем. — Неужели вы в самом деле собираетесь возделывать кукурузу?

Лиза вздохнула.

— А что я могу сделать? Все восьмиклассники едут.

- Я могу вам помочь остаться в Ростове! Хотите?
- Каким образом?
- Скажите, Элиза, вы чем-нибудь больны?
- Я?... Нет! Я совершенно здорова...
- Но, может быть, у вас есть хоть какая-нибудь маленькая болезнь?
- Не знаю... Нет, я здорова.
- Может быть, у вас когда-нибудь что-нибудь болело?
- Не помню... Нет, вспомнила! Гланды болели.

Петушков потер ладонь о ладонь.

— Шедеврально! Завтра вы получаете медицинское свидетельство, что вам предстоит срочная операция! Удаление гланд! Кукуруза отошла в область предания.

— Операция? — испугалась Лиза. — Мне не нужно делать никакой операции!

— Но кто же вас заставляет делать операцию, Элиза? Вам необходим только маленький документ с круглой печатью, чтобы пустить дым в глаза директору школы, — рассмеялся Петушков. — Вы становитесь в школе героем дня! Все выражают вам сочувствие! Подруги горько плачут и уезжают на кукурузу! А вы остаетесь! И никто не заставляет вас делать операцию!

Она помолчала.

— Но это же... обман...

— Никакого обмана! Маленький житейский трюк. Или, как говорит ваш двоюродный брат и мой друг Степан, ловкость рук и никакого мошенства... Кстати, дома ли он?

— Дома.

— Я зайду к вам с вашего позволения? Он мне очень нужен. А вы далеко собрались?

— Бабушка в магазин за хлебом послала.

— Счастливого пути, Элиза. Завтра вы имеете документ с круглой печатью.

Петушков вошел во двор. За кустами цветущей сирени ему отчетливо была видна освещенная терраса. Степан, как всегда гладко выбритый, в нарядном костюме сидел на диване и держал возле уха телефонную трубку.

Петушков осторожно поднялся на крыльцо.

— Алло! — негромко говорил Степан в телефонную трубку. — Алло, коммутатор? Дайте сортировочную... Я прошу сортировочную!.. Сортировочная? Товарищ дежурный, говорит начальник склада стройматериалов... Совершенно правильно, новый начальник. Здравствуйте. Там должны для нас восемь вагонов пиломатериалов прибыть. Прибыли... Очень хорошо! У меня к вам просьба, товарищ дежурный: поставьте эти вагоны на запасной путь... Нет, нет, на склад вагоны не перегоняйте, у нас подъездные пути не в порядке... Мы подгоним свои машины и разгрузим вагоны прямо на запасном пути. Я думаю, диспетчер не будет возражать... Будьте спокойны, мы вас не задержим. Завтра же утром придут машины. Спасибо, товарищ дежурный.

Степан положил трубку на аппарат, снова поднял ее неторопливым жестом и набрал новый номер.

— Коммутатор? Дайте склад стройматериалов... Алло, склад? Это я... Слушайте, дорогуша, я звоню с сортировочной. Тут для нас состав с пиломатериалами прибыл. Дорога не может вагоны перегнать на склад. Оставьте записку моему заместителю, чтобы он приготовил машины к двенадцати дня и документы на мое имя... Да, я сам получу груз. Нет, на складе сегодня я уже не буду. Пока доберусь с сортировочной в город, московские куранты полночь пробьют. Спокойной ночи, дорогуша!

Степан положил трубку, посмотрел на наручные часы и заглянул в комнату. По его настороженным движениям Петушков понял: Степан проверяет, не подслушивает ли кто-нибудь его. Затем Степан опять потянулся к телефону.

— Алло, ресторан? Михеича прошу... Хорошо, я обожду. — Он помолчал с минуту. — Алло, Михеич? Приветствую тебя, шашлычный бог!.. Да, да, у телефона Степан Петрович... Слушай, Михеич, забронируй за мной тот же самый столик... Да-да, за колонной. Не люблю на глазах у народа сидеть. Ужин на две персоны! Коньяк «Юбилейный» и шампанское... И чтоб фрукты были! Я скоро буду!

Он положил трубку и, наконец, заметил на пороге Петушкова.

— А, пижон, здорово!

Петушков смотрел на него восхищенными глазами.

— Красиво живете, Степан Петрович! — вдохновенно воскликнул он.

— Завидуешь?

— Завидую, как художник художнику! С кем в ресторан собираетесь?

— Не твое дело... Ты вот что скажи, художник: поручение выполнил?

— Так точно!

— Давай!

Петушков быстро и ловко открыл на столе маленький коричневый портфель.

— Будьте любезны, Степан Петрович! — он извлек из портфеля пачку денег и передал Степану.

— Сколько себе оставил? — пряча деньги в карман, спросил Степан.

— Пардон, сто, как уговорено. А уговор дороже денег, Степан Петрович!

— Сто? — прищурился Степан. — А не больше?

Петушков прижал руку к сердцу.

— Степан Петрович, вы меня оскорбляете. Разве вы не знаете моей честности?

— Знаю, знаю, — усмехнулся Степан. — Вот что, Гриша, есть срочное дело. Немедленно лети к Райскому! Он у меня вагон леса просил. Завтра можно получить на сортировочной. Только скажи, чтобы не позже девяти утра: в двенадцать уже придут складские машины. В девять я сам на сортировочной буду.

Петушков пощелкал пальцами.

— Вагон леса! Это же колоссальные деньги, Степан Петрович!

— Беги, Гриша, беги.

— У вас, я думаю, уже лежит на ваших сберкнижках тыщенок двадцать!

Или поболее?

— А ты чужих денег не считай. Беги!

— По такому важному делу вам бы самому нужно Райского повидать.

— Ну да, буду я с этим спекулянтом в городе встречаться! Только скомпрометируешь себя.

— А что я буду иметь с этого, Степан Петрович? Пятьсот? А?

— Ладно, ладно... — Степан взял его за плечи и повернул лицом к двери.

— Лети!

— Лечу на крыльях, Степан Петрович!

Петушков спрыгнул с крыльца и исчез в сгущающемся сумраке. Несколько секунд Степан прислушивался к шуму удаляющихся шагов, сел к столу, вынул деньги. Он пересчитывал их долго и сосредоточенно и не слышал, как на террасу из дома выскользнула Катя с котенком на руках.

— Я так сладко задремала, — сказала она зевая.

Он вздрогнул и поспешно закрыл деньги руками. Она заметила это его испуганное движение и подошла к столу.

— У-у, деньжищ сколько!

Степан уже овладел собой и сказал равнодушно:

— Это казенные...

Она опустила на пол котенка и села на диване, подобрав ноги.

— Степа.

— Ну?

— Зачем ты носишь с собой казенные деньги? Это же опасно.

— Нужно, Котенька, нужно, — пробормотал он, не переставая считать шелестящие бумажки.

— Степа, — снова сказала Катя после минутного молчания.

— Ну что тебе? — раздраженно спросил он... — Я опять со счета сбился!

Она глубоко вздохнула.

— Не нравится мне твоя работа!

— Не выдумывай, пожалуйста!

— Все у тебя деньги да деньги... Как будто кассир...

— Ну и что же?

— Вот и в Семипалатинске когда мы жили... Знакомые какие-то странные у тебя были... Все вы шептались, вино пили...

— Перестань говорить глупости!

— Но это же правда, Степа!

— Да мало ли кто вино пьет?

— И уехали мы из Семипалатинска как-то неожиданно. Жили хорошо, а вдруг уехали.

Степан, наконец, пересчитал деньги и спрятал их в карман пиджака.

— Разве ты не знаешь, Котенька, что в Семипалатинске была провокация? Сами воры, а хотели меня вором изобразить. Опротивел мне Семипалатинск! Разве ты этого не знаешь?

— Знаю... — вздохнула Катя.

— Ну вот... — Степан вышел из-за стола и прошелся по террасе.

— Степа, я читала в «Пионерской правде», как брат и сестра — она даже младше меня была — уехали на целину... Давай и мы уедем?

— Ты с ума сошла! У тебя что, голова горячая? Температура?

— Как было бы хорошо, Степа! — Катя с мольбой взглянула на брата. — Поедем!

— Нет, ты действительно с ума сошла! Да я не позже чем в конце этого года квартиру в Ростове получу! — Степан подошел к сестре и сел рядом. — Ты что это, Котенька? Что с тобой делается? — участливо спросил он.

— Не знаю... Тяжело на сердце как-то.

— Ну перестань, перестань, Котенька! — он провел ладонью по ее волосам.

— Нервы у тебя ни к черту! Вот поедем в августе на море...

Она внезапно всхлипнула.

— С дедушкой в Тобольске... мне лучше жилось... Без всяких твоих подарков...

— Перестань!

— Зачем к тебе Петушков ходит, Степа? Ты же знаешь, что дядя Костя его терпеть не может!

— Петушков? — рассмеялся Степан. — Так... мелкие поручения выполня-ет. А вообще он шалопай, конечно.

— По-моему, он просто жулик. Ты знаешь, что мне бабушка про него рассказывала? Понимаешь, она вчера очень рано пошла на базар, когда ворота еще были закрыты... И возле ворот скопилось очень много колхозников. Кто птицу привез продавать, кто морковку. Ну и разные там продукты... Вдруг открыва-ется калитка, и появляется Петушков...

— Ну и что же? — пожал плечами Степан. — Петушков работает в базар-коме.

— Да ты слушай, что дальше было... Петушков начал пропускать в калитку колхозников и с каждого человека брал деньги!

— Правильно брал, Котенька. Это госпошлина за право торговли.

— Какая там госпошлина, Степа! Ведь он деньги себе в карман клал и ни-кому, никаких квитанций не выдавал! Все очень торопились занять в торговом ряду место и, наверно, позабыли про квитанции.

— Я думаю, Котенька, что бабушка чего-нибудь не разглядела.

— Уверю тебя, Степа, что он жулик!

На крылечко легко взбежала Лиза с булками в авоське.

— О каких жуликах идет речь? — весело спросила она, чуть задыхаясь от быстрой ходьбы.

— О Петушкове, — сказала Катя.

— Я не знаю, почему ты к нему так плохо относишься.

— Вот и я ей то же говорю, — сказал Степан.

Лиза отщипнула кусочек булки и села за стол.

— Кто хочет хлеба? Совсем горячий!.. Степа, я давно собиралась тебя спросить...

— Пожалуйста, Лизок... О чем?

— У нас был один спор, — быстро говорила Лиза, не переставая жевать. — Вот ответь, Степа: можно так считать, что человек живет один раз и поэтому каждый человек должен жить, как умеет?

— Ну, разумеется, — подумав, сказал он.

— Ересь! — воскликнула Катя. — Если рассуждать так, значит, можно плу-товать и жульничать.

— Не пойман — не вор! — улыбнулся Степан.

Лиза перестала жевать и вопросительно взглянула на двоюродного брата.

— Ты шутишь, Степа? Папа считает иначе...

— Ну, конечно, шучу, Лизок. — Он посмотрел на часы и поднялся. — А мо-жет быть, и не шучу... Зачем вы забиваете мозги всякой чепухой? В общем мне уже некогда, девочки.

Он помахал сестрам рукой и неторопливо спустился с крыльца.

...Утром во время завтрака отец спросил:

— Девочки, известно, в каком колхозе вы будете работать?

— Да, — сказала Катя, — в колхозе «Рассвет»...

— Ну?! Это же очень здорово! — обрадовался Константин Сергеевич. — Ведь в «Рассвете» председателем мой закадычный друг работает! Он три года назад по мобилизации обкома партии в «Рассвет» уехал! Иван Гаврилович Сердечнов! А знаете что, девочки? Мы всем домом как-нибудь в выходной день к вам в гости в колхоз приедем. Как думаешь, Степа?

— Я с великим удовольствием, дядя Костя. Люблю подышать деревенским воздухом.

— Но я, — сказала Лиза и порозовела, — в колхоз не поеду... У меня гланды... Доктор сказал, что мне будут делать операцию. После завтрака я иду к доктору.

И действительно, после завтрака Лиза ушла и вернулась с медицинским свидетельством, в котором было написано, что по состоянию здоровья ученица 8-го класса Елизавета Назарова не может уезжать из Ростова, так как находится под наблюдением врача.

Глава тринадцатая

Зеленая красавица уже пошла в рост, ее кинжальные листья поднимались до колен, и, когда набегал ветер, по бескрайнему, уходящему за горизонт кукурузному полю перекатами неслись длинные серебристо-изумрудные волны. Поле тогда походило на морской залив, и казалось, что школьники, бредущие по этому заливу в трусиках и майках, вот-вот поплывут, и цапки в их руках становились похожими на весла.

Они спали за станицей на колхозном сеновале. По ночам в открытых воротах сарая блестели голубоватые звезды, свежее сено пахло увядшим чабрецом; на недалекой речке в зарослях молодого камыша нескончаемо звучал тысячеголосый хор лягушек. Школьники спали очень крепко, хотя по вечерам классная руководительница восьмиклассников и прикомандированная к ним старшая вожатая никак не могли заставить их уgomониться: всех разбирало веселье, хотелось бросаться сеном. А утром они долго не могли проснуться. За сараем скрипела двуколка, фыркала лошадь — это означало, что местная школьница, такая же, как и они, восьмиклассница, стройная загорелая красавица Аня Галушка уже привезла для горожан бидон с парным молоком и хлеб.

Аня просовывала в сарай голову и робко окликала певучим грудным голоском:

— Ребята... девочки... завтракать... (Она говорила «завтрикать», а не «завтракать», как почему-то произносят это слово многие южане.)

Ей никто не отвечал. В это время обычно с речки возвращались пахнущие мылом и холодной водой классная руководительница и старшая вожатая. Размахивая махровым полотенцем, Анна Павловна кричала с напускной строгостью:

— Это что же за безобразие?!

Первым вскакивал Саша Рыбин, ударял себя по бедрам и пел петухом: «Ку-ка-ре-ку!...»

— Не строй из себя великого полководца, Сашок, — отвечал ему кто-нибудь из глубины сеновала, — Суворов поднимал солдат петушиным криком, когда сам раньше всех просыпался, а тебя самого будить надо орудийным залпом!

Все с хохотом бежали на речку, купались, оглашая камыши веселыми воплями, затем быстро завтракали и уходили в поле.

Прежде чем отвезти в станицу пустой бидон, Анюта Галушка наблюдала, как ростовские школьники пьют молоко из своих походных кружек. Она сидела неподалеку от них на траве и застенчиво молчала.

— Анюта, выпей с нами парного, — предложил Саша.

— Я уже давно попила, — улыбнулась она и, набравшись смелости, спросила: — Ребята, а знаете, что про вас Иван Гаврилович говорит?

— А кто он такой, Анюта?

— Да разве ж вы не знаете? — в ее певучем голосе прозвучала обида. — Его вся область знает! Иван Гаврилович Сердечнов!

— Знаем, Анюта, знаем! — быстро сказала Катя, вспомнив, что о Сердечнове говорил дядя Костя. — Это председатель вашего колхоза.

— Очень хороший председатель! У нас, можно сказать, почти никакого животноводства не было, а теперь наша ферма лучшая в районе! — торопливо говорила Анюта с тем горделивым жаром, по которому всегда можно распознать колхозного патриота.

Все школьники умолкли и с уважением посмотрели на Анюту.

— Да ведь мы тоже знаем его, — извиняющимся тоном сказал Саша. — Я только забыл, как его зовут.

— У нас с этой осени еще одна ферма в строй вступит, — волнуясь, продолжала она, — вот только кукуруза созреет...

— А что же он про нас говорит, Анюта?

— Говорит, что вы очень хорошо на прополке работаете и вам будет премия.

Саша допил молоко и, усмехаясь, поднялся с травы.

— А ты не знаешь, Анюта, он не говорил, что лучше всех на прополке действует Александр Рыбин? И какая ему, Рыбину, будет вручена премия персонально?

— Не паясничай, Саша, — улыбнулась классная руководительница. — Спасибо тебе, Анюта, за приятную новость!

Классная руководительница, уже немолодая учительница с добрыми серыми глазами, вела класс четвертый год. За неутомимость восьмиклассники прозвали ее «живчиком». Она знала свое прозвище и нисколько не обижалась, больше того, было похоже, что она втайне гордится им.

— Уж если кто и работает у нас лучше всех, — продолжала классная руководительница, — так это наша новенькая, сибирячка.

Все посмотрели на залившуюся краской черноглазую Катю.

— Постой, Катюша, что это у тебя?... Анна Павловна, — обратилась классная руководительница к старшей вожатой, — посмотрите на ее спину и плечи! Ведь у Катюши ожог!

— И ожог очень сильный, — подтвердила Анна Павловна.

— Милая, да ведь у тебя и температура! Что же ты молчала? Вот беда какая! Она северянка и не привыкла к нашему солнцу. Ей надо бы где-нибудь отлежаться в прохладном местечке дня три.

— Пожалуйста! — горячо сказала Анюта. — Садись в двуколку, я тебя к своей тетке завезу, к бабе Христе. У нее с дедом Тарасом большая хата, прохладная!

И Катя поехала к родственникам Анюты.

Дед Тарас и баба Христя были бездетными, жили вдвоем тихо и безбедно. Все стены в хате у Христи увешаны рушниками с вышивкой, в просторной и прохладной горнице земляной пол усыпан свежей травой. Возле окон стоят кадки с цветами, а на пышной кровати вздымаются холмы подушек. На эту кровать баба Христя и уложила Катю.

Старые супруги — дед Тарас с этой весны — уже не работали в колхозе; и ему и ей было за шестьдесят. Колхоз щедро одарил их и с почетом проводил на отдых. Анюта, несколько раз в день забегавшая в хату проведать Катю, приметила, будто загрузил дед Тарас...

Катя с любопытством наблюдала за не совсем понятной ей жизнью двух стариков.

Утром Катя проснулась от птичьего гомона. Солнце потоком вливалось в распахнутое окно. На столике перед ее кроватью баба Христя положила ва-

ренные яйца и хлеб, нарезанный большими ломтями, поставила кувшин с «закваской», как называют на Дону и на Кубани простоквашу.

Катя неподвижно лежала в постели, с наслаждением прислушиваясь к пению птиц. Анята рассказала ей, что это поют ласточки-касатки. Весной они склеили под стрехой сарая десятка полтора гнезд. К лету в этих гнездах оперились птенцы, скоро им стало тесно, и они выпорхнули из-под стрехи в вишневый садок.

Птенцы летали еще очень неуверенно и поэтому часами просиживали на ветках, густо осыпанных пунцовым вишеньем. А взрослые ласточки с прежним упорством носили птенцам мух и всяких букашек, и птенцы, завидев в воздухе родителей, разевали желтые клювики и поднимали на ветках восторженный галдеж.

С самого раннего утра ласточки запевали свои песенки. Известно, что касатки в отличие от других ласточек — большие певуны. И поют они удивительно проникновенно, запрокинув головки и жмуря от наслаждения глаза. Их рыжеватые грудки, круглые и пышные, трогательно подрагивают в такт руладам и трелям.

Какие это были рулады и трели! Ласточки выводили их с таким мастерством, с таким чувством, что даже мрачноватый и не словоохотливый Тарас светлел лицом и говорил Кате, косясь на верхушки вишен:

— Вы чувствуете, барышня, как они за душу берут! И кто их, сердечных, выучивает таким песням?

В то утро Тарас сидел на завалинке и курил, ожидая, когда Христя кончит доить корову и выгонит ее из сарая в стадо.

Прожили Тарас и Христя на белом свете немало, а выглядят не то что молодыми, но и не очень старыми. Тарас худощав и все еще строен, руки у него цепкие, жилистые, а мелкие морщинки на лице почти не видны под загаром. Он регулярно бреется. Волосы на его голове поредели, но седины нет. Только глаза Тараса, когда-то голубые и яркие, поблекли, стали почти бесцветными.

А Христя, низенькая, полнотелая, с быстрыми движениями, хотя и мучается иной раз одышкой и жалуется на боли в пояснице, может работать как заведенная, с утра до ночи. А по праздникам, если выпьет две-три стопки, покраснеет, и в глазах появятся огоньки, и запоет сильным и тонким голосом: «Як полола дивчина лободу», — прямо на молодицу тогда становится похожа Христя. Снимет с головы белый платок, тряхнет волосами и так запляшет, что диву даешься.

Все знали в станице, что молчаливый и безропотный Тарас сам никогда никаких решений не принимает и во всем полагается на свою супругу. Была она в доме строгим командиром, и по чьей-то шутке прозвали ее «полковником», а его «подполковником».

Катя слышала, как, гремя подойником, баба Христя вышла из сарая. Вслед хозяйке замычала корова — ей не терпелось на выгон.

Солнце поднималось все выше над станицей. Звонко горланили петухи, а в соседнем дворе отчаянно кудахтала курица — наверно, снесла яйцо. Где-то далеко за станицей гулко гудел трактор. А в садочке неумолчно звенели ласточки, радуясь вырастающим птенцам, тихому утру и яркому солнышку.

Катя поднялась с постели и оперлась на подоконник.

Тарас курил на завалинке и, слушая песни ласточек, шурился от удовольствия. Баба Христя отнесла подойник с молоком в погреб и крикнула:

— Тарас, иди ж завтракать! Или ты заснул там, старый?

Он загасил папиросу и послушно пошел в хату. Было слышно, как в соседней комнате супруги сели за стол. Они завтракали молча и неторопливо. Часы-ходики проторно стучали над ними на стене.

В сенях щелкнула щеколда, певуче заскрипела дверь, и кто-то вошел в хату.

— Здоровеньки булы, баба Христя и диду Тарас, — услышала Катя бойкий девичий голос. — Хлеб вам да соль.

— Спасибо, Настя, — ответила Христя, помедлив, — садись с нами, будь ласка.

— Ой, некогда, баба Христя, — бойко тараторила девушка. — Иван Гаврилович наказал обежать всю станицу и всех, кто есть свободный, послать на гору в колхозный сад.

— Что за дело, Настя?

— Вишни собирать, а то их горобцы¹ бить начали.

Христя вздохнула.

— Мы уже свое отработали, Настя.

— А Иван Гаврилович наказал и до вас забежать. Говорит, нехай наши пенсионеры тоже идут, если, конечно, не больные. Работа не трудная, всего на два дня, а колхоз вам вишен даст. Наши школяры и те, что из Ростова приехали, тоже придут.

— У нас своих вишен девать некуда, — сказала Христя. — Нехай там такие, как ты, девчата работают.

— Мы, баба Христя, зараз на прополке. Иван Гаврилович потому и собирает школяров да стариков.

— Нет, — сказала Христя, — у меня поясница болит, а дед Тарас будет сено косить для коровы... Люди мы, Настя, одинокие, если сами не накосим, никто не накосит.

— Э-э, баба Христя, — рассмеялась Настя, — вам колхоз помогал сено косить для вашей коровы... Я же знаю... А вот если колхоз не сдаст вишню в кооперацию, тогда мы какой убыток понесем? Сколько денег потеряем? Так как, пойдете, диду Тарас?

Тарас промычал что-то непонятное. За него ответила Христя:

— Ступай себе с богом, Настя...

Девушка вздохнула и ушла. Христя убрала со стола и сказала мужу, молчливо скручивающему папиросы:

¹ Горобцы — воробьи.

— Надо, Тарас, и нам в саду вишни оборвать.

Он помедлил, доклеил папиросу и ответил:

— Не к спеху...

— Дурень! — сказала она незлобиво. — Зараз все колхозы кругом начнут вишню сдавать. Понял, дурень? Почему тогда вишня будет на базаре в Ростове? Нам надо свою вишню вывезти на базар, пока цена есть! И за что, господи, наградил ты меня мужем-несмышленишем.

— А что про нас люди скажут, ты согласишься?

Кате было слышно, как дед Тарас сильной струей выдул табачный дым.

— Тарас! — неожиданно вскрикнула бабка Христя и распахнула дверцы шкафика. — И как я забыла? Вот память, не дай боже... Купила пол-литра, хотела еще вчера тебя угостить...

Катя невольно улыбнулась, поняв ее уловку. Вероятно, Христя отлично знала, с помощью какого средства можно повлиять на мужа. В щели двери Катя видела, как Христя поставила на стол бутылку, наложила в миску соленых огурцов и доверху наполнила водкой граненую стопку.

— Пей на здоровьечко.

Дед Тарас выпил подряд две стопки, крикнул, закусил огурцом и снова потянулся за бутылкой.

— Хватит! — строго сказала Христя, пряча бутылку в шкафик. — Потом допьешь, Тарас. Иди, любимый, а я корову выгоню и тоже приду. А утречком на поезд! И тебе гостинцев из Ростова привезу. Ты ж у меня как лялька махонькая, не можешь без гостинцев.

Повеселевший Тарас отнес в сад лестницу и плетенные из лозняка корзины. Испуганные ласточки переставали петь и вспархивали с деревьев.

Улыбающаяся Катя увидела через окно, как он поднялся на вишню. В эту минуту в хату вбежала запыхавшаяся Анюта.

— Как себя чувствуешь, Катюша?

— Хорошо, Анюта... только кожа на спине слезает... И на носу тоже! Смотри, какой у родинкой стала.

— Сказала тоже — уродина! Да ты красавица, Катюша! А я тебе вишен принесла.

— Что ты, Анюта! Я уже объелась вишнями.

— А где баба Христя и дед Тарас?

— Христя корову в поле погнала, а Тарас... вон он... — Катя кивнула в сад.

Тарас стоял на лестнице, почти скрытый красными от ягод ветками. Он не двигался, глядя на улицу. А по улице вдоль плетня шел в это время, прихрамывая, седой старик.

— Дед Максим идет, — весело прошептала Анюта. — Ну, если он сейчас деда Тараса увидит, смешной у них разговор произойдет! Понимаешь, Катюша, дед Максим тоже в пенсионерах числится, только стариком себя признавать не хочет. На все собрания ходит, советы бригадирам дает... А с дедом Тарасом они как кошка с собакой!..

Дед Тарас, видимо, надеялся, что Максим его не заметит. Так нет же, заметил! Остановился у плетня, постукивая палочкой о землю, и зашевелил усами, усмехаясь:

— Здорово, подполковник! — крикнул он.

— Здорово, хромой чертяга! — в тон ему ответил Тарас, не глядя на него и делая вид, что очень занят делом.

— Я чув, будто ты повышение получаешь?

— Это какое же повышение?

— Будто обжаловал ты свою судьбинушку горькую, что не пристало тебе при жинке-полковнике в подполковниках ходить.

— Чтoб ты галушкой подавился! — беззлобно сказал Тарас. — И кто тебе такой поганый язык сделал? Куды путь держишь?

— Я как все люди — на гору, колхозную вишню собирать. Понял? Как все люди! А тебя не иначе тут за ногу к дереву привязали.

— Кто привязал? — вскрикнул как ужаленный Тарас и даже переступил на лестнице с ноги на ногу. — Что я, собака?

— Небось твоя полковничиха привязала, — подмигнул Максим. — Небось сегодня на базар в Ростов махнешь! Я чув, чем у вас пахнет...

Хромой Максим ушел, посмеиваясь и постукивая палочкой. Тарас молча смотрел ему вслед.

В саду снова запели ласточки. И словно в ответ им, на улице запели школьники.

— Наши младшеклассники, — шепнула Аня.

Ребята шли вместе с учительницей на гору по тропинке, что вела в колхозный сад. Детские голоса звучали в тишине летнего утра удивительно чисто и звонко. Тарас перестал рвать вишни и, приоткрыв рот, слушал, как поют дети. Он стоял на лестнице неподвижный, прямой, как жердь, вытянув шею, и не почувствовал, что на его глазах выступили слезы. Скупые мужские слезы — просто повлажнили ресницы.

В саду появилась Христя, посмотрела в корзину и покачала головой.

— Ну, Тарас, если так рвать, мы и до утра не управимся.

Дед Тарас начал спускаться с лестницы.

— Ты что? — спросила удивленная Христя и отшатнулась, увидев его побледневшее и искаженное злобой лицо.

— Ты чего меня за ногу привязываешь? — громким шепотом заговорил он задыхаясь. — Я тебе что, собака? Скажи! Собака?

— Сказился! — вскрикнула Христя, всплескивая ладонями. — Люди добрые, гляньте на него! Две стопки выпил, а уже сказился!

— Ты скажи мне, для чего мы с тобой на свете живем? — размахивал Тарас рукой с зажатыми в кулаке вишнями. Между его пальцами, словно кровь, выступили капельки вишневого сока.

— Сказился... — бормотала Христя, отступая от мужа. Птицы в саду молчали, должно быть, потревоженные размолвкой супругов. Но вот где-то неподалеку зацокала, защелкала, заливисто зазвенела ласточка. И сразу ей откликнулись в разных концах сада другие.

— Даже птицы и те сообща... друг о дружке заботятся, друг дружку кормят... И живут и радуются... — глухо говорил Тарас.

Он переступил через плетень и широко зашагал в гору, сухопарый, прямой как жердь, по-солдатски размахивая руками. Он шел так быстро, что Анюта и Катя, объявившая себя здоровой, догнали его уже на самой горе.

Глава четырнадцатая

В воскресенье утром в станицу приехали провести Катю Константин Сергеевич, Степан и Сережа. Анюта, подружившаяся с Катей, отвела приезжих к Тарасу и Христе.

— Я бы к себе пригласила, — извиняющимся тоном сказала Анюта, — да только у нас не так просторно... И батя мой нехороший сегодня.

— Почему же он нехороший? — с улыбкой спросил Константин Сергеевич, разглядывая темнолицую Анюту.

— Пьяный... — вздохнула Анюта. — Раньше он редко выпивал, а как его назначили завхозом, пристрастился...

— А ты не огорчайся, девочка, — рассмеялся Степан. — Я слышал, что многие завхозы любят выпивать. А колхоз у вас, по-видимому, богатый.

— Один из первых...

— Ты познакомь меня со своим батей, — сказал Степан. — Я знаю, как его от водки отучить.

— Правда? — обрадовалась Анюта. — Научите, пожалуйста!

Катя, посмеиваясь, рассказала о размолвке Христи с Тарасом, и Сереже почему-то сразу вспомнился Илья Ильич.

— Папа, — сказал он тихонько, — все-таки много на свете хороших людей.

— Конечно, сынок! Куда больше, чем плохих!

— Но плохих тоже немало...

— Видишь ли, сынок, плохое иной раз на хорошее налипает, как ржавчина. Тут надо уметь вовремя от ржавчины очиститься.

— Философствуете? — улыбнулся Степан, услышав разговор отца с сыном.

— По-моему, плохое всегда рядом с хорошим уживается. Только кто знает, что именно называть плохим, а что хорошим?

— Ну, положим, — возразила Катя, — плохое от хорошего всегда отличить можно, Степа.

— А это уже зависит от точки зрения, сестренка. Скажем, Христя считает правой себя, а Тарас наоборот.

— Но ведь бывает еще мнение общества, Степа, — сказал Константин Сергеевич. — Общество и должно решать, кто из них прав.

— А если, дядя Костя, меня не интересует мнение общества?

— Нет, Степа, с мнением общества необходимо считаться! Ведь человек не живет на необитаемом острове, вне общества. А раз так, значит, общество свои законы устанавливает, с которыми надо считаться.

Со двора в вишневый садок торопился дед Тарас.

— Есть тут кто-нибудь из вас Константин Сергеевич? — взволнованно спросил старик. — Сам председатель интересуется! У ворот стоит!

Но председатель уже шагал в сад — высокий, худощавый, с обветренным, загорелым лицом.

— Ну, Костя, этого я от тебя не ожидал, — еще издалека заговорил он, разводя руками. — Приехал в станицу и глаз не кажешь!

Константин Сергеевич поднялся ему навстречу.

— Прости, Ваня, не хотел тебя с утра беспокоить. Ведь выходной день, может быть, тебе выспаться надо.

Они крепко обнялись.

— Нехорошо, нехорошо, брат, не по-товарищески, — глухим баском говорил председатель. — Тарас Григорьевич, у тебя бутылочки вина не найдется? Я, правда, сам не потребляю этого зелья, но ведь друг детства приехал!

— Найдется! — хитровато подмигнул дед Тарас.

Христя накрыла стол для гостей в саду под вишней. Завтрак затянулся. Долго пили чай с вишнями, вспоминали общих знакомых. Притихшие Сережа, Катя, Степан и дед Тарас не вмешивались в их разговор.

— Слушай, Костя, а ты помнишь Алешу Попова? — спросил председатель.

— Ну еще бы! Он, кажись, сейчас в Москве живет.

— В Подмоскowie. Домик там у него небольшой в лесном поселке. Так вот я и провел у него в Подмоскowie последние дни прошлого года. Любопытная история там у нас произошла. Вызвали меня в конце декабря в Министерство сельского хозяйства. Ну, я первым делом — к Алеше. Ведь он инвалид Отечественной войны...

— Знаю, Ваня...

— Сильно он под Курском был ранен... По вечерам мы допоздна засиживались в его домике, разговаривали, не зажигая света, смотрели в окно на белые от снега елки. Ну, сам знаешь, когда старые приятели встречаются, всегда прошлое вспоминать начинают. «Вот и опять Новый год! — сказал мне Алеша. — Черт знает, как эти годы быстро летят, когда становишься взрослым! А помнишь, какими длинными они бывают в детстве?»

Заговорили мы о детстве.

«Эх, детство, детство! — вздыхает Алеша и вдруг говорит: — Слушай, а елку ты помнишь? Самую нашу первую елку?»

Да как же мне не помнить ее! В конце голодного двадцать первого года на маленьком хуторе, где я учился тогда с Алешей в начальной школе, наша старая учительница где-то раздобыла это невидное деревцо с зелеными иголочками.

Это было почти чудо в нашем степном краю. Помню, девчонки и мальчишки, худые, бледные, не то что наши современные ребята, наряжали елку флажками, которые мы вырезали из старой газеты. Да, старые газеты были тогда для нас великой ценностью: в школе мы писали на них чернилами, изго-

товленными из печной сажи. Согревали непослушные пальцы дыханием и старательно выводили: «Ученье — свет, а неученье — тьма». Мы уже тогда знали, что живет на нашей земле великий человек, по имени Ленин, который сказал: «Задача состоит в том, чтобы учиться...»

Алеша расчувствовался и говорит мне:

«А ведь хорошо было! Голодно, холодно, а хорошо! Интересы у нас какие-то высокие были, о будущем мечтали! Помнишь, как мы заслушивались рассказами нашей учительницы? Коммунизм — есть Советская власть плюс электрификация всей страны! Плакаты, лозунги, сбор железного лома... Не знаю, может быть, я ошибаюсь, — говорит Алеша, — но мне кажется, что современные ребята как-то не так живут, как мы в свое время».

Тут мы с ним поспорили. Начал я защищать современных ребят. Только он остановил меня движением руки и продолжает:

«Погоди, может быть, ты современных детей и лучше меня знаешь, но что бы ты мне ни говорил, уж слишком много им дано сейчас... Избалованы они заботой и вниманием. Я не спорю, не все такие, но многие, очень многие. Не подумай, что я старею и стал ворчуном... Мы когда-то благоговели перед елкой с газетными флажками, а для них обычное явление — зеленая красавица, украшенная золотом и разноцветными огнями. Елка в Кремле! Елка в Колонном зале! Елка в каждой школе!»

Смотрю, разволновался мой Алеша. Походил по комнате, припадая на одну ногу, — это у него память о Курской битве, — и неожиданно предложил:

«Пойдем-ка погуляем перед сном».

Ну, оделись мы и вышли. Люблю я подмосковную зиму! Тишина, мороз, пахнет свежим снегом! Откуда-то подбежал и сунулся в наши ноги лохматый пес Пират, которого хозяин представил мне как кавказскую овчарку.

Пошли мы в лес. Идти пришлось гуськом по снежной тропинке — впереди Пират с выгнутым хвостом, затем Алеша и, наконец, я.

Вдруг, смотрю, Пират сделал стойку и легонько зарычал. Невдалеке стоял подросток с топором в руке.

«Смотри! — прошептал мне Алеша. — Вот тебе современные дети!»

А парнишка, увлеченный своим занятием, по колени в снегу, сосредоточенно примеривался топором к стройной елочке. Только не успел он размахнуться, как Алеша схватил его за воротник. Паренек страшно испугался, попытался вырваться, но не тут-то было.

«Пустите», — взмолился паренек.

Направились мы назад, к дому.

«Нет, братец, — говорит Алеша, — пойдем-ка со мной».

«Зоя, сбегай-ка за милиционером», — крикнул Алеша на крыльце, хотя мы оба отлично знали, что его дочка Зоя ушла в кино и никого, кроме меня да Пирата, дома нет.

Протянул Алеша мальчику веник и сердито сказал:

«Обметай, братец, ноги. Эх тебя снегом всего залепило». Вошли мы в дом. Парнишка стянул с головы ушанку и предстал перед нами трогательно белый: льняные волосы с чубиком, светлые брови, светлые реснички и белая от снега шубейка. Краснели только губы да щеки, накаленные морозом.

«Ишь ты какой! — не сдержал Алеша улыбки и незаметно подмигнул мне. — Пойдем-ка, братец, в кухню. Пока придет милиционер, мы попьем чайку и поговорим по душам».

А мальчик дрожащим голосом говорит:

«Отпустите, Алексей Алексеевич».

Алеша удивился, плечами пожал:

«А ты, собственно, откуда знаешь мое имя?»

«Знаю... — отвечает. — Вы инвалид Отечественной войны».

«Ну допустим, что это так, — говорит Алеша. — А известно ли тебе, что тех людей, которые рубят деревья в лесу, называют браконьерами и что уничтожение леса преследуется законом?»

«Да ведь это елка! — недоверчиво говорит он. — Их даже на елочных базарах продают!»

«Вот ты и купил бы на елочном базаре», — говорит Алеша. И разъясняет ему, что существуют специальные организации, которые заготавливают елки и знают, где можно рубить и где нельзя. А то, мол, если все начнут валить деревья где попало, в поселке совсем зелени не останется.

«На елочном базаре плохие елки, — огорченно говорит мальчишка. — Мятые и голые. А мы постановили, чтобы елки хорошие были!»

«А кто же это, разреши полюбопытствовать, постановил?» — спрашивает Алеша.

«Наше звено...»

Тут Алеша совсем возмутился.

«Нет, ты только подумай, что вытворяют эти сорванцы! — говорит он мне. — Не только он один, оказывается, хотел погубить дерево! У них целая компания! Торгуете вы елками, что ли?»

«Нет, что вы! — говорит. — У нас же тимуровское звено! Вот честное пионерское!»

«Это ты брось, братец! Тимуровцы благородными делами занимаются! Они о людях заботятся, а не лес рубят!»

«А мы тоже не для себя рубим».

«А для кого же? Например, ты для кого хотел срубить елку?»

Паренек чуть слышно:

«Для вас...»

Мой Алеша даже побледнел.

«Для меня? — спрашивает. — Да зачем же?... Зачем мне елка?»

«Мы постановили... всем инвалидам Отечественной войны срубить к Новому году елки... и положить ночью на крыльцо... Чтобы вы проснулись, а у вас елка...»

И как вы думаете, что было дальше? Заплакал мой Алеша. Честное слово, заплакал! Думал, поймал нарушителя, а этот нарушитель вон какой!

— Детишки зараз дюже хорошие, Иван Гаврилович, — кашлянул дед Тарас, который принес гостям бутылку вина. — Надысь я колхозную вишню ходил на гору собирать... Так боже ж мой! Одно ж удовольствие глядеть, как школяры работают!

Председатель с улыбкой взглянул на старика.

— Тарас Григорьевич, а что это твоей половины не видно?

— Христи? — дед Тарас покашлял. — Не серчай, Иван Гаврилович, немає дома... Час назад побегла на поезд.

— Вишню в Ростов повезла? — понимающе кивнул председатель.

— Так точно, Иван Гаврилович! — шумно вздохнул дед Тарас. — И ничего не могу я с ней поделаться... Частная у нее душа! Разрешите еще по одной налить?

— Хватит, — сказал председатель. — Да и тебе достаточно, Тарас Григорьевич. Кому-кому, а пенсионерам от этой жидкости особо надо воздерживаться...

Повеселевший дед Тарас ушел по своим делам, Степан отправился гулять по станице, разузнав предварительно, где живет колхозный завхоз, а Сережа, разомлевший от обильного завтрака и вишен, задремал на траве. Сквозь сон он слышал, как отец вполголоса говорил председателю:

— Понимаешь, Ваня, не найду я ключа к ней... С Сережкой у меня всегда есть общий язык, а вот Лиза трудный орешек. Какое-то у нее завихрение мозгов. А я плохой педагог.

— Педагогику мы с тобой не изучали, Костя, но детей воспитывать обязаны.

— В том-то и дело! А у меня что-то не получается... И очень это меня беспокоит, Ваня!..

...Ночевал Сережа вместе с восьмиклассниками на сеновале. Он лежал рядом с Сашей Рыбиным и слушал, как поют в камышах лягушки.

— Серега, — вдруг шепнул Саша, — была уже операция или нет?

— Какая операция? — удивился Сережа.

— Гланды.

— Какие железы?

— Да ты что, с луны свалился? — рассердился Саша. — Ведь Лиза в колхоз не поехала, потому что ей должны были операцию делать.

— Откуда я знаю! — зевнул Сережа.

— Ходит куда-нибудь Лиза? Танцует?

— Не знаю...

— А к ней в гости приходит кто-нибудь?

— Не знаю.

— Не любишь ты, Серега, свою сестру! Ты же мужчина и должен заботиться о ней! Эх, ты!

— Как же! Будет она меня слушаться...

— Странное дело... — помолчав, продолжал Саша. — Две сестры — Лиза и Катя, а совсем не похожи.

— Вот сказал! — усмехнулся Сережа. — Как же им походить, если одна беловолосая, а другая черная! А теперь и совсем не похожи — у Кати все лицо облупилось.

— Чудак, не понимаешь ты, о чем говорю, — вздохнул Саша. — Ладно уж, спи, Сережа, а то Аня ни свет ни заря завтрак нам привозит...

Глава пятнадцатая

Лиза осторожно поднялась на веранду, огляделась.

— Бабушка, ты дома?

— А где же мне быть? — ответила бабушка с кухни.

— Папа вернулся?

— Нет, Лизонька.

Лиза вошла в кухню.

— Ах, ты спишь... Ну, извини, пожалуйста, бабунечка.

— Что это ты больно ласковая? — подозрительно сказала бабушка, не поднимаясь с кровати.

— А когда я с тобой не ласковая? Ты несправедлива, бабунечка! — Лиза присела на кровать, расправив на коленях складки своего нового платья. — Бабушка, у меня к тебе есть большая-большая просьба... Скажи, исполнишь?

— Что тебе надо-то?

— Нет, ты скажи: исполнишь?

— Ох, не нравится мне, что ты такая ласковая!

- Бабунечка, миленькая...
- Кошка! — растроганно сказала бабушка... — Ну точно наш Рыжик... Только не мурлычет.
- Выполнишь? — Лиза заискивающе смотрела в ее глаза.
- Выполню... — сдалась бабушка.
- Твердое слово?
- Твердое... Ну говори, что тебе надо?
- Лиза помолчала, по-видимому не решаясь высказать свою просьбу.
- Бабунечка, — робко начала она. — Понимаешь, Гарри сегодня именинник...
- Это какой такой Гарри?
- Петушков...
- Господи, какой же он Гарри? Все на улице его Гришкой кличут.
- Ну, так то на улице... В общем он именинник.
- Так ты что хочешь? Чтобы я плясала от радости?
- Ты все шутишь, бабунечка... Можно... собраться у нас на веранде?
- А кто соберется-то?
- Мирандолина, Клара... Можно?
- Нельзя! — сурово сказала бабушка.
- Бабка! — Лиза вскочила и топнула ногой.
- А ты не топай, не топай! — сказала бабушка, поворачиваясь с боку на бок лицом к стене.
- Почему ты со мной, как с маленькой, разговариваешь?
- А хоть бы ты и большая была... Ну, чего вы соберетесь здесь? Зачем?
- Потанцуем... Чаю попьем...
- Бабушка снова повернулась с боку на бок.
- Да ты что, серьезно это?
- Ну, конечно, серьезно, бабунечка...
- Не компания они тебе!
- Да почему не компания? Очень милые люди! По-современному одеваются...
- Какое мне дело, как они одеваются! Разве это в человеке главное? Бездельники они! И Гришка и... девчонки эти! А Гришка еще и жулик!
- Не то ты говоришь, бабунечка... В конце концов я могу обидеться, что ты так плохо о моих друзьях говоришь.
- Бабушка спустила с кровати ноги.
- Ты губы не надувай, не надувай!.. Ты вчера опять с ними была?
- Была.
- Книжку бы лучше почитала! Ну, а что делали?
- По Садовой гуляли.
- Я смотрю, у них только и дела — гулять да гулять.
- Да ведь молодые они, бабунечка.
- Работать смолоду приучаться надо, а не камни на улицах обтирать. Делу — время, потехе — час. А у них вся жизнь потеха.

Обиженная Лиза ушла на веранду, стукнув дверью, и сейчас же вернулась.

— Если не позволишь у нас собраться, тогда я сама уйду.

— Это куда еще?

— К Мирандолине!

— А я отцу расскажу!

— Ну и рассказывай!

— Ох, горе мне с тобой! — вздохнула бабушка.

Лиза, услышав вздох, поняла: добилась своего. Она присела на кровать и потерлась щекой о плечо бабушки.

— Ну бабунечка, ну миленькая, ну пожалуйста!.. Ты же слово дала!

— Горе мне с тобой! — сказала бабушка. — Только я им чай подавать не стану. Так и знай.

— Да мы сами все сделаем! — Лиза вскочила и закружилась по комнате. — Бабунечка, родненькая! Какая ты хорошая! Какая ты добрая!

На веранде раздались шаги, и в комнату вошел Степан.

— Кто это здесь щебечет? — Он остановился у порога и, улыбаясь, склонил набок голову, давая понять, что любит сестрой.

— Степа! — воскликнула она. — Ты приехал? А папа?

— Я приехал... Лизок. — Он протянул ей большую яркую коробку. — Это тебе.

- Шоколадный набор? — зарделась она. — Вот кстати!..
- Балуешь ты ее, батюшка, — ворчливо сказала бабушка.
- Мы с Лизой большие друзья, бабуся.
- Степа... а ты уверен, что папа не вернется сегодня?
- Видишь ли, Лизок, я уехал из станции утренним поездом, потому что у меня дела, а Константину Сергеевичу два выходных полагается. Так что, я думаю, он вернется вместе с Сережей завтра утром.
- Ты думаешь, завтра? — настороженно спросила Лиза.
- Уверен! Ведь он встретился со старым другом.
- Степан ушел в свою комнату. Лиза нерешительно двигалась следом за ним.
- Степа... У меня есть к тебе одна просьба...
- Пожалуйста, сестренка.
- Понимаешь, папы нет дома... А мне нужны деньги.
- Пожалуйста! — с готовностью сказал он. — Сколько тебе?
- Я хотела купить пирожных...
- Степан вынул из кармана бумажку и протянул ей. Она замахала руками.
- Пять рублей? Зачем же так много, Степа!
- Останется на карманные расходы...
- Спасибо, Степа! Большое-большое спасибо!
- Не стоит благодарить за такую чепуху, сестренка. Ты куда-нибудь собираешься?
- Нет... Ко мне подруги придут.
- Небось танцевать будете?
- Ага...
- Степан улыбнулся, качнул головой.
- Удивительно, как вы не похожи с Катей! Она совсем ребенок, бегает по станции с облупленным носом. А ты... ты уже совсем барышня.
- А бабушка меня еще маленькой считает.
- Ну, для бабушки ты и в тридцать лет будешь маленькой. Ну прости, тороплюсь.
- У калитки Степан задержался, увидев в соседнем дворе Петушкова, и поманил его пальцем.
- Петушков торопливо вышел на улицу.
- Здравствуй, Гриша.
- Салют, Степан Петрович.
- Итак, услуга за услугу: я в станции познакомился, Гриша, с одним пьянчужкой, который может быть тебе, как работнику базарного комитета, весьма полезным.
- Что за человек, Степан Петрович?
- Колхозный завхоз, по фамилии Галушка. Учти, колхоз очень богатый.
- Понятно...
- Я Галушке твой адрес дал.
- Спасибо, Степан Петрович.

— А мое поручение можешь выполнить?
— К вашим услугам, Степан Петрович.
— Можешь сейчас со мной поехать?
— Сегодня не могу... Извините, Степан Петрович. Сегодня у меня танцевальный вечер.

— Уж не здесь ли? — нахмурился Степан.
— Здесь... А разве нельзя? Вы недовольны, Степан Петрович?
— Лучше тебе быть подальше от этого дома. Смотри, Константин Сергеевич голову оторвет.

Петушков прижал руку к груди.

— Я ж интеллигентный человек, Степан Петрович!
— Ладно, интеллигент, заходи ко мне завтра на склад.
— Слушаюсь.

Степан приветственно поднял руку и ушел.

...Отец и Сережа вернулись в Ростов из станицы в одиннадцать часов вечера. Накрапывал теплый летний дождь. Когда они подходили к дому, спящая молния осветила улицу волшебным фиолетовым светом, и ливень захлестал по акациям и кустам сирени.

Отец и Сережа сразу промокли до нитки. Смеясь и задыхаясь, они взбежали на веранду и, ошеломленные, остановились.

На подоконнике рядом с телефоном медленно вертелась черная пластинка патефона, рассыпая мяукающие звуки джаза. Петушков с Лизой и две яркие девицы танцевали на веранде. Сережа увидел на столе открытую коробку шоколадного набора, пирожные на блюде, расставленные фарфоровые чашки чайного сервиза. Того сервиза, который был куплен еще мамой и никогда не вынимался из буфета, потому что папа берег его, как память о своей молодости и маме. Но больше всего Сережу потрясла бутылка вина, которая стояла в центре стола. Сережа посмотрел на отца. Лицо Константина Сергеевича было бледным. Капельки дождя сверкали на его черных мохнатых бровях.

— Прекратить! — крикнул отец,

Лиза отшатнулась от Петушкова. Девицы замерли посреди веранды.

Отец подошел к столу, взял бутылку за горлышко и вышвырнул в темноту. Было слышно, как она ударилась о камень и разбилась.

— Прошу вас... — сказал отец, указывая на дверь.

Первой опомнилась Мирандолина.

— В такой дождь?.. Гарри, что же вы молчите?

— Константин Сергеевич, — глуповато посмеиваясь, начал Петушков, — тут... так сказать, недоразумение...

— Папа, дождь... — робко встала Лиза.

— Прошу вас! — повышая голос, повторил отец.

— Потрясно! — усмехнулась Клара.

— У меня новые туфли! — взвизгнула Мирандолина. — Вы не имеете права!

*Первым, смешно подтянув узенькие брюки, на крыльцо выскочил Петушков.
Следом за ним, повизгивая от страха, ринулись Мирандолина и Клара.*

— Вот именно, — заикаясь, сказал Петушков. — Вы не имеете права...

Отец вдруг с силой ударил кулаком по столу. Запрыгали и зазвенели фарфоровые чашки. Первым, смешно подтянув узенькие брюки, на крыльцо выскочил Петушков. Следом за ним, повизгивая от страха, ринулись Мирандолина и Клара. Из кухни высунула голову бабушка.

— Елизавета, — тихо сказал отец, — теперь объясни мне, как все это понимать. Молчишь! Вот тебе, бабушка, модное платье! На свою голову сшила!

— Виновата, милый, — сказала бабушка, покачивая головой. — Сама вижу, что виновата...

— Сейчас же сними это платье! — яростно крикнул отец и снова ударил кулаком по столу. — Порвать в клочки! Сжечь!

— Зачем же жечь, милый? — бормотала бабушка. — Его можно перекроить, перешить...

— Перекроить! Перешить! — кричал отец. — Елизавета, сейчас же переоденься! Марш!

Испуганная Лиза исчезла за дверью. Отец сел на диван и опустил голову на руки. Никогда еще Сережа не видел отца таким расстроенным.

Глава шестнадцатая

Поздним осенним вечером Иван Гаврилович Сердечнов вернулся в станцию из дальней поездки и сейчас же послал сынишку за колхозным завхозом Галушкой. Своего болезненного председателя (он страдал язвой желудка) колхозники любили, а иные и побаивались. Рачительный хозяин, он сам был безупречно честен и трудолюбив и строжайше требовал этого от других. Поэтому маленький коренастый завхоз Галушка очень беспокоился, услышав, что его вызывает в такой поздний час председатель.

«Не приведи бог, ежели узнал, что в кладовой кое-какие документы не оформлены! — натягивая сапоги, думал завхоз со смешанным чувством страха и злобы. — Засадит тогда, чертяка, в каталажку! Как пить дать, засадит! Вот вернулся, анафема, не в срок!»

Он уже двинулся было к двери, но, мельком взглянув в зеркало, вдруг застыл на месте и поморщился, словно у него заныл зуб. Смотрела на Галушку из зеркала небритая, одутловатая физиономия с темными мешками под узкими, мутными и заплывшими глазками, с синими жилками на толстом, красном, словно отполированном, носу.

— Ммм... — глухо простонал завхоз. — И как это меня разукрасило! Не надо было нонче пить с кумом... Слухай, мать, — нерешительно обратился он к жене, — ты того, пойди-ка сюда, понюхай, дюже ли от меня пахнет или нет? А то не любит этого Сердечнов, нехай ему грец!

Он старательно дохнул в лицо жене. Она отшатнулась и только покрутила головой, страдальчески скривившись.

— Пахнет, стало быть... — горестно вздохнул Галушка. — Дай-ка мне, мать, сухого чаю пожевать. Может, отобьет запах...

В соседней комнате заливчато рассмеялась Аня.

— Вы, батя, сухого сена пожуйте!

— Чего? — не сразу понял Галушка.

— Сена пожуйте... — давясь от смеха, с трудом выговорила Аня. Она уже легла спать, было слышно, как под ней весело поскрипывает кровать.

— Вот я тебя, негодница, ремнем! — сердито закричал Галушка. — Не иначе, вас в школе учат над родителем зубы скалить!

Он в сердцах лягнул сапогом дверь и вышел на крыльцо.

Теплый октябрьский вечер был тих и черен. В небе бескрайно дымился великий звездный путь. Из-за дома, от окутанного тьмою садочка, тянуло прелым вишневым листом. Где-то далеко, на краю станицы, басовито брехала собака.

Галушка рассеянно взглянул на звезды и, морщась, пожевал губами, ощущая во рту невообразимую гадость от обильного хмельного возлияния. Он шумно сплюнул и, завернув к бочке с дождевой водой, пополоскал рот. Мохнатый щенок Жучок потерял в темноте о его сапог.

— Пшел! — недовольно сказал завхоз и слегка пнул Жучка носком. — Тебе бы, дураку, в мою шкуру! Тогда бы не терся! Господи боже мой! И кто эту растреклятую водку выдумал?!

У дома председателя Галушка задержался, не сразу решаясь переступить порог. «Ежели на этот раз пронесет, — подумал он и перекрестился, — в жизнь ее, растреклятую, больше в рот не возьму!» С этой мыслью он прошел на цыпочках через темные сени и осторожно открыл дверь.

Председатель лежал в горнице на диване, исхудавший, с пепельным лицом, прикусив обескровленную губу и прикрыв ладонью глаза. Его испуганная жена сидела рядом и что-то шептала горячо и озабоченно. Он молча качал в ответ головой, не отнимая от глаз руки.

— Ах ты, горе какое! — зашептал с порога Галушка и помял в руках шапку. — Опять приступ?... С приездом, Иван Гаврилович!

— Здравствуй, Федор Трофимович, — слабым голосом проговорил председатель, открывая глаза. — Садись рядом... Зина, уступи ему место, пожалуйста...

«Кажись, все в порядке. Иначе бы не предложил сесть», — подумал ободренный Галушка и громко сказал:

— Это ж немыслимое дело, как ты мучаешься, Иван Гаврилович! А ежели резануть эту самую язву на операции? А? Теперь доктора все могут!

— Придется, Федор Трофимович, — улыбнулся председатель. — Мне мой дружок Назаров, машинист из Ростова, говорил, что у него есть знакомый хирург, крупный специалист по язвам.

— Опять же люди балакают, язву желудка можно спиртом лечить. Ей-богу, Иван Гаврилыч, не брешу! стакан-другойхватишь — и будь ласка, хоть лезгинку танцуй! — бодро продолжал Галушка.

— А ты сегодня не хватил стакан-другой? — подозрительно спросил председатель.

Завхоз попытался улыбнуться обидчиво и укоризненно, но улыбка на его припухшем лице получилась испуганной и виноватой.

— Иван Гаврилыч! — заговорил он, прикрывая ладонью рот и стараясь дышать в сторону. — Как же можно такую обиду человеку наносить?

— Ну ладно уж... Прости, брат, если понапрасну обидел. Я вот тебя по какому делу потревожил, Федор Трофимович... В станице Куцевской договорил я четыре десятка ульев с роями. Редкий случай подвернулся...

— Великое дело, Иван Гаврилович! Заведем пасеку, медок будет.

— Деньги я обещал внести в понедельник, а в наличности у нас нужной суммы нет. Вот что я надумал, Федор Трофимович. Зайди ты за шофером, нагрузите три тонны муки... Ну, ту, которую мы для продажи спланировали. И быстренько на базар в Азов. Завтра как раз воскресенье, базар будет хороший.

— Великое дело, Иван Гаврилович! Только я так рассуждаю. Муку надо везти не в Азов, а подале — в Ростов. Там и базар получше и цены повыше.

— Далековато до Ростова...

— На машине четыре часа туда, четыре обратно. Утречком в понедельник положу денежки на стол.

— Ну, в Ростов так в Ростов... Кого тебе в помощники дать?

Галушка пошурился, прикидывая что-то в уме.

— Дочку возьму. Анютку. Она завтра как раз от школы свободная. За кассира будет... Она по арифметике даже сильная, Иван Гаврилыч. Восемь классов кончила!

...Еще не рассвело, когда Галушка и рослый чернобровый шофер Даня нагрузили машину шестипудовыми мешками и присели покурить на приступках амбара.

— Анютка! — хриловато крикнул Галушка, сверкая огоньком папиросы и вытирая рукавом мокрый лоб. — Сбегай-ка до Ивана Гаврилыча, нехай документацию подпишет. А то мы как раз не на базар, а в милицию приедем.

От забора отделилась стройная тень, метнулась по улице и сейчас же пропала, растворившись во мраке. Было только слышно, как, удаляясь, дробно стучат по дорожке Анютины туфельки.

Анюта давно была готова к поездке. Ехать в Ростов, в большой, красивый и шумный город с нарядными витринами магазинов, с кинотеатрами, всевозможными киосками и мороженщицами, очень похожими на врачей в белых халатах, — это было событием в жизни Анюты.

Она представляла, как забежит к своей ростовской приятельнице Кате, постучит в дверь и, смеясь, скажет: «А вот и я!»

Анюта надела свое лучшее платье, оплела шею раскрашенными монистами из мелких ракушек, которые ей подарил в прошлом году двоюродный брат — черноморский моряк, красиво заплела свои косы и вдела в уши серебряные сережки — два маленьких полумесяца. И теперь Анюта бежала к председателю с единственной мыслью, как бы ее вдруг не оставили в станице, как бы не передумали сделать ее кассиром.

Несмотря на ранний час, окна в доме председателя уже светились. Сам председатель открыл ей дверь.

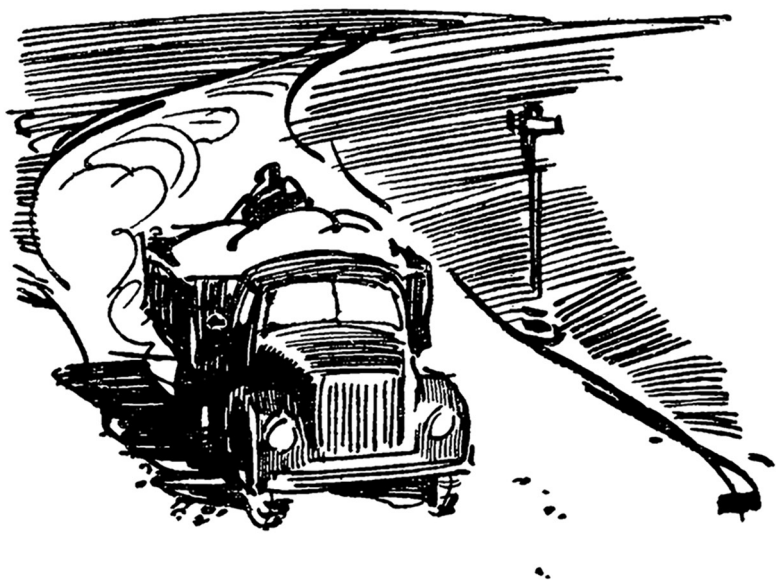
— Батюшки! Какая ты, Анюта, футы-нуты! — приветливо проговорил он, и его усталые после бессонной ночи глаза засветились улыбкой.

— Товарищ Сердечнов! — радостно сказала Анюта, тяжело дыша и щурясь от света. — Подпишите документацию.

— Нет, ты только посмотри, Зина, какая красавица! — говорил он жене, вытаскивая Анюту за руку на свет и отступая, чтобы полюбоваться.

Анюта и в самом деле была очень хороша. С узенькими плечиками, но уже по-девически изящная, с гибкой талией и высокими стройными ногами. На ее разгоревшемся от бега лице счастливо искрились темно-карие глаза, а на тонких крыльях носа бисером сверкали капельки пота. Красные, пухловатые губы Анюты чуть-чуть подрагивали: ей было и смешно, и приятно, и немножко неловко оттого, что председатель и его жена так внимательно смотрят на нее.

— Ты что же, в одном платье ехать собираешься? — спросила ее жена председателя. — Смотри, продует.

— Я жакетку возьму...

— Жакетки мало, Анюта, — серьезно сказал председатель. — Если в кабине поедешь — одно дело. А если в кузове на мешках... В общем передай отцу, чтобы тулуп прихватил... Да напомни ему, чтобы обязательно оформил продажу в базарном комитете. Зина, дай Аняте чемоданчик для денег...

Когда выехали из станицы, было все еще темно. Тяжело нагруженная машина шла быстро: совсем недавно она вышла из капитального ремонта. موتور гудел чуть натруженно лишь на подъемах, когда асфальтированное шоссе взлетало в качающемся свете фар куда-то в темноту. А когда начинался спуск, у Анюты щемило сердце и захватывало дыхание.

Она лежала на самом верху, между мешками, закутанная в тулуп, словно птица в мягком гнезде. Ветер, тугой и прохладный, с ровным шумом пронесся над Анютой, но ей было тепло и удобно. Только одна беспокоила мысль, платье помнется и пропахнет овчиной. « Попрошу батю купить в Ростове духи «Роза», какими душится Таиска из десятого класса», — подумала она.

Мысли летели и клубились в Анятиной голове. Сначала она думала о подругах и учителях. Потом вспомнила, как на прошлой неделе секретарь райкома комсомола вручал ей комсомольский билет и с улыбкой говорил: « Береги его, Анна!» Секретарь — хороший человек, очень хороший! А какой замечательный человек Иван Гаврилович! Ведь больной, а такой душевный! Даже про нее, про Анюту, подумал, как бы она не замерзла. Посоветовал тулуп прихватить. Говорят, что за всю свою жизнь он ни одной копейки из общественного добра не взял! Выходит, значит, можно всю жизнь честно прожить. А вот батя как

выпьет, всегда доказывает: все люди жулики, не обманешь — не проживешь. Язык у него дурной делается от вина...

Сладкая дрема мягко давила на веки. Шумел ветер, однотонно шелестели шины на асфальте. И Анята заснула.

Она проснулась оттого, что по ее лицу ползла какая-то букашка. Она вздрогнула, испуганно отмахнулась, открыла глаза. И сейчас же зажмурилась от слепящих, хотя еще и не горячих лучей солнца, которое высунулось из-за края чуть-чуть дымившейся степи. Было непривычно тихо, пахло землей и бензином. Машина стояла на обочине шоссе, неподалеку от белого здания дорожной станции. Длинная густая тень тянулась от нее по стерне. Шофер Даня сидел на мешке рядом с Анятой и, посмеиваясь, щекотал ее соломинкой.

— Не дури! — сказала Анята и рассмеялась.

— Ох, какие у вас, мамзель, ресницы! — шутливо проговорил Даня. — Ну прямо как крылья!

— Не дури, Данька... — Она отбросила полы тулупа и поднялась во весь рост. — А где батя?

— Заправляется, — усмехнулся он, кивая на станцию.

Анята спрыгнула на землю, расправила на коленях платье и торопливо зашагала к станции. В буфете было пусто, тепло и душновато, как бывает в помещениях, которые еще не проветрили после ночи. На беленых стенах спали мухи. Полная буфетчица с недовольным лицом вытирала на столиках клеенки. Отец, сняв шапку, стоял на пороге и жалобно упрашивал:

— Клабочка, один посошок только!.. Дай ты мне Христа ради, пожалуйста!

— Буфет еще закрыт, гражданин, — сердитым сонным голосом отвечала буфетчица, не глядя на него.

— Так ведь только сто грамм, Клабочка...

— Горе мне с вами! — Она отшвырнула тряпку и пошла за стойку. — Ни днем, ни ночью от вас покоя нет!

Аняте было мучительно стыдно, лицо ее ожег румянец, она вплотную подошла к отцу и горячо зашептала на ухо:

— Батя, да как же вам не совестно!

— Ступай, ступай, — негромко заворчал Галушка. — Мне поправиться надо...

Анята бесцельно брела по шуршащей под ногами стерне. Две короткохвостые перепелки быстро-быстро побежали впереди, нехотя вспорхнули и низко над землей полетели куда-то за бугор. Набежал свежий ветерок, принес от недалекого хутора горьковатый запах кизячного дыма.

— Э-гей-эй! Анята, поехали! — услышала она крик шофера и оглянулась.

Отец и Даня махали ей у машины шапками.

Анята вернулась к машине. У отца поблескивали повлажневшие глазки. Не глядя на нее, он сказал виновато:

— Ты того... не сердчай... — и протянул ей пару толстых конфет в красивых обертках.

— Да ну, батя... — покачала она головой. — Одно горе с вами!

— Ты девчонка, и, значит, не понять тебе, какая необходимость бывает человеку поправиться, ежели он с вечера выпил, — миролюбиво поучал дочь Галушка.

— Вы всю жизнь «поправляетесь»!

— А вот и не всю!

— Теперь небось в Ростове «поправляться» будете!

— А вот и не буду! — сказал Галушка и осекся. — Ну, самую что ни на есть малость, может, и выпью...

Утром стало ехать интересней. Мимо мелькали встречные машины, грузовые и легковые. Миновали какое-то селение с низенькими хатами и высоким, словно парящим над степью, элеватором. Пересекли полотно железной дороги и, не сбавляя хода, ворвались в Батайск с такими же приземистыми, аккуратно белеными хатами. Две мохнатые собаки с рычанием погнались за машиной и отстали.

Повсюду подле хат в маленьких палисадниках еще зеленели хвостатые петушки и пестрели какие-то осенние цветы.

Глава семнадцатая

Ростов приближался с каждой минутой, все отчетливей выступая на горе из лиловой дымки. Резко запахло рекой. Шоссе запетляло в камышовых зарослях, и вдруг машину вынесло к самому берегу Дона. Могучая река, мутноватоблеклая, широкая и спокойная, холодно заплескалась под настилом моста. А слева, по другому, очень высокому железнодорожному мосту, тянулся бесконечный товарный состав в металлических ажурных пролетах, звонко лязгали буфера.

Утренний Ростов, залитый осенним солнцем, был удивителен и наряден. Многоэтажные дома взбегали на гору, легкие и стройные. Машина обгоняла их, и они весело подмигивали Аняте солнечными зайчиками в бесчисленных окнах. Дворники в белых фартуках подметали брусчатую мостовую. На горе, на Верхней улице, словно приветствуя приезд Аняты, зазвенел трамвай. Откуда-то вкусно запахло горячими вафлями. За огромной витриной парикмахерской было видно, как две блондинки, готовясь к работе, надевают перед зеркалом халаты.

Машина свернула с широкого проспекта в узенький переулок, проехала ещё по одному мосту над железной дорогой и, наконец, остановилась на маленькой улочке, поросшей запыленными лопухами.

Галушка вылез из кабины, огляделся.

— Кажись, здесь...

Он постучал кулаком в калитку. Но прежде чем ему ответили на стук, Анята вдруг радостно вскрикнула, торопливо спустилась с мешков и бросилась к соседнему домику...

На веранде этого домика Анюта увидела темноволосую девочку с рыжим котенком на руках. Это была Катя!

— Ты куда, Анютка? — удивился отец.

— Сейчас, батя, сейчас...

— Катюша! Миленькая! — задыхаясь от счастья, кричала Анюта, вытягивая шею и подпрыгивая у штакетного забора. — Здравствуй, Катюша!

А Катя уже бежала ей навстречу с широко открытыми от радостного удивления глазами. Полы ее ситцевого халатика развевались.

— Анюта?! Ты?!

Следом за Катей шла светловолосая девочка в таком же халатике, а из окошка Кате энергично махнул рукой заспанный, улыбающийся Сережа.

— Познакомься, Анюта. Это моя сестра, — сказала Катя. — А это Сережка... Да ведь ты его знаешь... Помнишь, он с нами на сеновале ночевал?

— Заходите на веранду, — приветливо сказала Лиза.

— Я бы зашла, да вот батя... Мы ведь по делу... Муку на базар привезли.

Анюта посмотрела на отца. Галушка у соседней калитки о чем-то разговаривал с бледнолицым молодым человеком.

— Вы к Петушкову приехали? — удивилась Катя. — Откуда вы его знаете?

— А мы его и не знаем нисколько. Это же твой брат, Катюша, дал батю его адрес. Я только не знала, что он рядом с тобой живет.

— Странно, — пожала плечами Катя.

— Ничего странного, — сказала Лиза. — Ты же знаешь, Катя, что Петушков работник базарного комитета.

Петушков что-то написал на клочке бумаги и передал его Галушке.

— Анютка! — крикнул Галушка. — Поехали дальше.

— Но ты еще зайдешь к нам? — спросила Катя. — Слышишь? Обязательно заходи!

— Зайду, Катюша, — пообещала Анюта, забираясь на мешки. — Вот продадим муку, и я скажу батю, чтобы опять сюда приехали...

Машина минут двадцать петляла по ростовским улицам и въехала в крошечный дворик, со всех сторон стиснутый каменными домами. Железные наружные лестницы, как это часто можно видеть на юге, вились по стенам с балкона на балкон. По одной из таких лестниц Галушка и Анюта поднялись на самый верхний этаж. Она улыбалась, прислушиваясь, как позванивают под ногами железные ступени. Шофер Даня стоял внизу, возле машины, и, задрав голову, с усмешкой следил за ними.

Отец постучал в какую-то дверь, и ее тотчас же открыла пожилая женщина в клеенчатом фартуке, с веником в руках.

— Здоровеньки булы, — сказал он, стягивая с головы шапку. — Вас не Мария Николаевна зовут?

— Мария Николаевна,

— А муж ваш дома? Тут записочка ему.

— А вы мне записку давайте, — сказала женщина. Она быстро прочитала записку и весело заговорила:

— Так что же вы стоите? Заходите в дом! А это ваша дочь? Очень похожа! Такое же милое лицо. Заходи, детка! Не стесняйся. Ну, и вы, конечно же, заходите, Федор Трофимович... Кажется, так вас зовут? А Пети нет дома, как раз ушел на базар по делам. Сами понимаете: работник базаркома. Ответственность такая, что даже страшно... Но вы не беспокойтесь, Федор Трофимович, я сейчас пошлю за ним мальчика.

Женщина тараторила своим неповторимым речитативом, по которому почти всегда можно отличить коренных жителей наших южных городов. А смущенная Анюта тем временем исподлобья разглядывала большую комнату, заставленную, как ей показалось, очень необычными вещами. Старинные красноватые стулья с мягкими сиденьями матово отсвечивали своими отполированными изогнутыми спинками и подлокотниками. Тяжелый темно-бордовый занавес украшал широкое окно. В углу за шелковой ширмой стояла деревянная кровать невероятных размеров, покрытая чем-то кружевным, а над кроватью в огромной золоченой раме висела картина, изображающая полуобнаженную женщину, обнимающую лебедя. Больше всего Анюте понравился стеклянный шкафчик, наполненный белой посудой с какими-то замысловатыми рисунками и золотыми разводами.

Пока отец и дочь чинно сидели на мягких стульях в ожидании того, кого звали Петей, хозяйка хлопотала в кухне у газовой плиты. Оттуда пахло жареным луком. По временам хозяйка просовывала в открытую дверь разгоряченное лицо и говорила скороговоркой:

— Знаете, Федор Трофимович, очень трудно в одной комнате! Но что поделаешь? Мы не жалуемся...

— Да, да, — понимающе кивал Галушка. Он сидел, расставив ноги, чуть согнувшись, и сосредоточенно вертел в руках между колен свою шапку.

Красное лицо хозяйки исчезало и через минуту появлялось снова.

— Конечно, сейчас очень много строится прекрасных квартир. Но у нас в Ростове прежде всего квартиры получают рабочие Ростсельмаша. Ну, а такие, как мы, можем подождать.

Анюту почему-то раздражала эта болтливая женщина, и, ужасаясь собственной смелости и бледнея, она вдруг негромко сказала:

— Но у вас все-таки для двух человек большая комната. Метров тридцать, наверно...

Галушка пораженно скосил на дочь глаза, а краснолицая женщина обиженно всплеснула руками:

— Ах, детка, если бы ты видела, как живут настоящие люди! А у Пети застарелый радикулит...

Анюта так и не поняла, кого хозяйка назвала «настоящими людьми» и какая связь между квартирой и радикулитом.

Скоро пришел запыхавшийся Петя — громоздкий мужчина лет сорока, в шляпе и габардиновом плаще. На его мясистом потном лице с реденькими рыжеватыми бровями было написано возмущение.

— Вы понимаете, что вы делаете? — раздраженно спросил он с порога.

— Кто же привозит на квартиру к работнику базаркома
целую машину муки?

— Вы понимаете, что вы делаете? — раздраженно спросил он с порога, не здороваясь и вытирая затылок клетчатым носовым платком. — Нет, вы мне скажите, понимаете или нет? Кто же привозит на квартиру к работнику базаркома целую машину муки? Или вы хотите, чтобы мы оба попали в Обэхаэс?

— Так я... — заикаясь, начал Галушка, но Петя перебил его:

— Вам — так, а мне домзак¹! Если бы хоть наши соседи были, как люди. А то каждый думает, что он не меньше, чем Дзержинский, и считает своим долгом кого-нибудь разоблачить. Вы могли оставить машину на проспекте, а сами зайти, не привлекая внимания посторонних глаз. Скажите шоферу, чтобы он катился со двора к чертовой бабушке! Неужели Петушков не мог вам объяснить все по-человечески?

Растерявшийся Галушка послушно двинулся к двери. Анюта, которая ровно ничего не поняла из сказанного Петей и лишь смутно догадывалась, что отец и она попали в какую-то нехорошую историю, вскочила со стула и бросилась следом за Галушкой. Ей было обидно, что этот мужчина в нарядном плаще так грубо разговаривает с отцом. Однако Петя неожиданно переменял тон и задержал Галушку на самом пороге.

— Федор Трофимович, поставьте машину на углу Тургеневской, — сказал он совсем дружеским тоном, продолжая вытирать затылок носовым платком. — Я так думаю: через часик к вам подъедет человек, по фамилии Кислов. Запомните — Кислов... Сколько у вас муки?

— Три тонны... Крупчатка...

— Угу... — задумался Петя, помахивая платком. Он что-то прикидывал в уме, закатив зрачки к потолку, сосредоточенно почесал пальцем переносицу. Наконец он сказал:

— Кислов привезет вам справку базаркома о том, что мука продана по двадцать копеек за кило... Вот таким путем... Ничего, ничего. Не беспокойтесь. Лично вам он даст по тридцать копеек.

— На базаре крупчатка вроде бы сорок две копейки, — кашлянул Галушка.

Рыжеватые Петины брови полезли на лоб, и мясистое лицо засияло ласковой улыбкой.

— Боже мой! — развел он руками. — Что вы говорите? А я и не знал! Так езжайте, пожалуйста, на базар и продавайте по сорок две копейки! Кто возражает? Заходите в базарком, и мы вам дадим справку, что вы продали по сорок две копейки!

— Так ведь я...

— Давайте не будем эгоистами, Федор Трофимович! Вам хочется кушать, а другим нет? Да?

Только теперь Анюта начала понимать, что здесь происходит. У нее еще не было времени обдумать это, но она уже отчетливо сознавала, что это что-то страшное, непоправимое...

¹ Дом заключения.

Она, разумеется, знала, что на свете есть жулики и спекулянты, о которых пишут в газетах и которых отдают под суд за то, что они наживаются нечестным путем и воруют общественное добро. В позапрошлом году, например, в соседней станице из колхоза выгнали птичницу за то, что она таскала с фермы то яйца, то кур. Какой же это был позор! А вот в их колхозе несколько человек получили ордена. Но Анюта даже не надеялась, что когда-нибудь и ее отец получит орден. Уж слишком много он стал выпивать. Но в том, что отец честный человек, она никогда не сомневалась...

И вот теперь она поняла, что ее отец — жулик... Ее отец!

Анюта была оглушена. Все краски города, в который она так стремилась, вдруг померкли...

Машина остановилась на Тургеневской, тихой и пустынной улице, под старыми, уже начавшими желтеть акациями. Неподвижные листья свешивались к Анюте, словно усталые кисти рук. Она сидела на мешках и тихонько плакала. Редкие прохожие не обращали на нее внимания. Только совсем маленький светловолосый мальчуган в коротких штанишках, с палочкой эскимо в руке остановился на тротуаре и таращил на нее удивленные голубые глаза.

Отец и Даня о чем-то глухо переговаривались в кабине, посмеивались. Потом отец вышел из кабины и спросил Анюту:

— Поесть хочешь? — И, увидев, как сверкнули слезинки на ее ресницах, встревожился: — Ты что это, Анютка?

Она хотела что-то сказать и не смогла, только шмыгнула носом.

— Может, тебе кто обиду какую сделал? — допытывался отец.

— Батя, значит, вы говорите, что все люди жулики? Да?

— Ты чего это удумала, дуреха?

— Нет, вы скажите, скажите! — Анюта вытерла ладонью глаза и в упор посмотрела на отца. — Все жулики?

— А то как же... — усмехнулся Галушка.

— Батя, а вы жулик?

Галушка задохнулся от ярости, поперхнулся дымом и страшно закашлялся, наливаясь кровью.

— Гадюка! — наконец продохнул он. — Вот постой, приедем домой...

— На триста рублей колхоз обсчитать хотите! — продолжала она, посчитав по своей душевной простоте только те деньги, которые собирался присвоить отец, и не сообразив, что еще больше попадет в руки ростовских спекулянтов.

— Цыц! — крикнул отец, стукнув рукой по борту машины.

— Не кричите на меня, батя!

Он понизил голос и зашептал жалобно:

— Дура! Ты думаешь, три сотни одному мне? Я ведь и Даньке должен дать...

— Значит, и Данька жулик!

— Ну вот что я тебе скажу, Анна, яйца курицу не научат, как зерно клевать. Все! Будя дуру корчить! Чтобы я от тебя боле никаких слов не слышал! Понятно?

— Мне, батя, теперь все понятно...

— Будя, я сказал!.. Даня, дай Анютке пожевать, чего там у нас есть.

Из кабины вылез Даня со свертком, подмигнул ей, полез на мешки.

— Поругались? — шепотом спросил он, разворачивая сало и каравай хлеба. — Нельзя, мамзель, папашу расстраивать.

Анюта не ответила. Даня посмотрел на нее выжидательно, махнул рукой и спрыгнул на тротуар.

Она рассеянно ела хлеб и думала, думала... До разговора с отцом в ней теплилась надежда, правда, совсем маленькая, что она сумеет найти такие слова, которые пристыдят его, заставят одуматься. Теперь она понимала, что таких слов ей не найти. Что же делать? Что?

Было горько и стыдно. Особенно стыдно оттого, что отец вел переговоры с Петей, не стесняясь ее, словно она была его соучастницей.

К машине подошел худощавый человек в брезентовом плаще, с помятым портфелем под мышкой. Отец пригласил его в кабину, и они о чем-то тихо и недолго посоветовались.

— Анна! — позвал отец, высовываясь из кабины.

Она спустилась на тротуар.

— Положь гроши в чемоданчик, — сказал отец. — Где он у тебя? И седай сюда, в кабину. С Данькой будешь ехать...

Худощавый переложил из портфеля в чемоданчик пачку денег и справку о том, что мука продана по двадцать копеек за килограмм.

— А вы бы посчитали, барышня, — сказал он. — Деньги счет любят.

Анюта молча пересчитала деньги — было ровно девятьсот рублей.

Они приехали на какой-то склад. На камнях, на воротах, словно пыль, белела мука. И в воздухе пахло пшеничной мукой и еще почему-то соленой рыбой. Где-то недалеко шумел базар.

Отец, Даня и худощавый, кряхтя и посапывая, таскали в складское помещение мешки с мукой, а она сидела в кабине и печально смотрела, как в щелях ворот беспрестанно мелькают люди, идущие на базар и с базара.

— Побойстрой, братцы, побойстрой! — услышала Анюта задыхающийся голос худощавого. — Я литровку ставлю...

Анюта вздрогнула. Она представила, как через четверть часа к ней подойдет отец, откроет чемоданчик и заберет триста рублей. А затем будет пить... Нет! Батя не будет вором! Не будет!

Ей вдруг стало очень жарко, и она почувствовала, как у нее начинает гореть лицо. Надо нажать ручку дверцы, выйти из кабины, сделать три шага до ворот — и все. Ее никто не увидит, потому что она будет закрыта кузовом машины... Только надо торопиться, пока батя таскает муку.

Через десять минут будет поздно...

Она подняла руку и открыла дверцу...

Глава восемнадцатая

В то воскресное утро Сережа собирался покататься на отцовском паровозе. Константин Сергеевич должен был перегнать из Ростова в Батайск пустой товарный состав и обещал взять с собою сына.

Наскоро позавтракав, Сережа выбежал на улицу и совсем неожиданно на углу встретился с Валеркой Котовым.

— Здоров, Сережка.

— Здоров...

— Пошли на пристань.

— Зачем?

— А ты разве не знаешь? Сегодня наша улица против Береговой играет. Набьем им за милую душу! Идем! Сережка! У нас как раз вратаря не хватает.

— Не могу, Валерка.

— Пойдем. Ты же классный вратарь!

— Чтоб мне провалиться, не могу! — искренне воскликнул Сережа.

На круглолицем и толстощеком лице Валерки обозначилось любопытство.

— А что так, Сережка?

— Не могу, — уклончиво ответил Сережа, все более распаляя любопытство приятеля.

— Секрет? — допытывался Валерка.

— Секрет.

Валерка обиделся.

— Значит, от друзей тайны завел?

Собственно, секрета никакого не было, но Сережа очень хотел поразить воображение Валерки.

— Понимаешь, Валерка, какое дело?

— Какое? — любопытство мешало стоять Валерке на месте, он чуть-чуть подергивался, словно пританцовывая.

— Я с папой сейчас на паровозе в Батайск поеду! — наконец торжественно сообщил Сережа.

Валерка застыл на месте.

— Ух ты! Вот это здорово, Сережка! — Однако, подумав, он сказал: — Да... но паровоз не электровоз!

— Дурак ты, Валерка, — сказал Сережа беззлобно.

— От дурака слышу, — так же беззлобно ответил Валерка. — В Батайск можно и на автобусе поехать.

— Вот и езжай на автобусе... А я-то хотел тебя на паровоз позвать!

Валерка снова затанцевал.

— А можно, Сережка? — в его голосе послышалась мольба.

— Ну ясно, можно! Да ведь ты автобус любишь.

— Сережка, возьми! — от волнения Валерка начал заикаться.

— А футбол?

— Вместо меня Алик сыграет.

— Побежали, — сказал Сережа, — только скорее, а то опоздаем...

...Паровоз СУ 253-94 тяжело вздыхал возле депо на въездных путях. Он был могуч и черен. Молодой кочегар в замасленной спецовке ходил возле неподвижных колес, то и дело наклоняясь к начищенным до блеска спицам. В правой руке он держал большую масленку с длинным узким носом. Темное от копоти лицо кочегара казалось суровым и сосредоточенным.

Ребята робко остановились неподалеку от паровоза. Отца нигде не было видно, и Сережа с опаской подумал, что суровый кочегар, чего доброго, не разрешит ему и Валерке ехать на паровозе...

Кочегар кончил осматривать колеса, посмотрел на наручные часы и крикнул:

— Константин Сергеевич! Время!

Впереди на стрелке запел рожок. В окне паровозного тамбура мелькнуло лицо отца. Он подмигнул Сереже.

— Толя, — крикнул отец кочегару, — возьмем до Батайска двух безбилетных пассажиров?

Кочегар повернул к мальчикам лицо и улыбнулся. Две подковки белых как снег крепких зубов блеснули на его черном лице.

— Айда! — кивнул он приятелям.

Посапывая от возбуждения и подталкивая друг друга, мальчики поднялись в тамбур. Здесь все казалось волшебным — и какие-то непонятные приборы с подрагивающими стрелками, и отполированные рычаги, и пышущая жаром топка. В топку невозможно было смотреть, можно было подумать, что в ней ворочается живое, слепящее солнце, прикованное волшебником к паровозу. Солнце гудело, рвалось из топки, и от его усилий содрогался весь паровоз.

Отец поднял руку, и мальчики вздрогнули от внезапного паровозного вопля. Именно вопля, а не свистка! Кто бы мог подумать, что обыкновенный паровозный свисток может так оглушить.

— Садитесь, ребята, — сказал отец, указывая им на низкое металлическое сиденье.

Депо, вагоны, виадук неторопливо поползли назад. Потом паровоз остановился на несколько секунд, дал задний ход, и, словно переключаясь друг с другом, где-то звонко залязгали буфера. Сережа понял, что паровоз прицеплен к товарному составу.

Снова раздался вопль. Тяжело и все чаще вздыхая, паровоз начал набирать скорость. Глухо постукивали под колесами стрелки. Мимо окон паровозного тамбура, справа и слева, замелькали переплеты железнодорожного моста. Глубоко внизу под солнцем поблескивал Дон. По реке шел маленький катер, от его носа разбегались косые волны. Казалось, катер, будто парусину, вспарывает гладь воды.

Шум идущего состава — резкий лязг буферов, стук колес, шипение паровоза — повторяло в пролетах моста странное, торопливое эхо. Звуки эха набежали друг на друга, и, не успев заглухнуть, накрывались другими звуками. И вдруг

сразу стало тихо — паровоз миновал мост. Впрочем, тишины не было, это только показалось в первую секунду.

«Пффф, пффф, пфф, — непрестанно вздыхал паровоз, — трак-тарарак, трак-тарарак, трак-тарарак», — все бойчее и бойчее стучали колеса.

Отец сидел у окна и, чуть высунув наружу голову, внимательно смотрел вперед. В тамбур ворвался прохладный ветер заречья, даже жар топки и горьковатый привкус горящего угля не смогли заглушить необыкновенно приятных запахов травы и сырости.

Промелькнула мимо окна маленькая станция Заречная. На секунду в окне тамбура возникла одинокая фигура дежурного в красной фуражке с желтым флажком в руке. «Трак-тарарак», — стукнули колеса, и красная фуражка исчезла.

За станцией Заречная потянулась бескрайняя пойма Дона. По рассказам отца Сережа знал, что когда-то, до того как на Дону, у станицы Цимлянской, была построена плотина гидроэлектростанции, все пространство от Ростова до Батайска покрывалось в половодье водой. Дон тогда походил на море, волны бились в железнодорожную насыпь, и в сильный ветер на шпалы летели брызги. Теперь вода в половодье уходит в Цимлянское море, а на пути от Ростова до Батайска остались только частые озера.

Паровоз летел над этими озерами по длинным каменным мостам. Вода в озерах была неподвижной и просвечивала до самого дна. Сверху, из окна тамбура, были видны поросшие мхом валуны и густые изумрудные водоросли, устилавшие дно.

Это была восхитительная поездка! Но далеко ли от Ростова до Батайска? Всего каких-нибудь двенадцать километров... Не успели ребята насладиться путешествием, как зазвенели буфера и паровоз, недовольно шипя, словно нехотя, остановился. Можно было подумать, что паровозу тоже хотелось мчаться все вперед и вперед по задонским степям.

— Сережа, — сказал отец, — через тридцать пять минут мы поведем из Батайска в Ростов другой состав. Если хочешь, погуляй пока с товарищем где-нибудь недалеко от станции. А через полчаса приходите к этой водокачке. А чтобы не опоздать, возьми часы.

Он отстегнул часы и протянул сыну.

Мальчики вышли на привокзальную площадь. На ней было пустынно и тихо. Нежились в лучах осеннего солнца желтеющие акации. Пожилая мороженщица дремала на углу подле своей тележки. Приятели, не стовариваясь, посмотрели друг на друга.

— Купим? — спросил толстощекий Валерка и облизнулся.

— Купим! — решительно сказал Сережа.

Они порылись в карманах, посчитали свои медяки и купили по брикету шоколадного мороженого.

У площади начинался прямой, как стрела, бульвар с молодыми деревцами. Низенькие беленые дома теснились справа и слева от бульвара. Ребята молча и неторопливо шли по бульвару, занятые мороженым.

- Валерка, — сказал вдруг Сережа, — а кем ты будешь, когда вырастешь?
- Машинистом! — не задумываясь, ответил Валерка и лизнул мороженое.
- И я! — сказал Сережа и тоже лизнул мороженое.
- А я раньше хотел быть космонавтом.
- Космонавтом тоже ничего.
- Но машинистом все-таки лучше.
- Ага.
- В космосе все-таки невесомость... Плаваешь по кабине, как рыба.
- Ага.
- А на паровозе сиди и смотри в окно.
- Ага... Но невесомость, Валерка, — это тоже здорово.
- Чудак! На паровозе тоже можно невесомость устроить, — подумав, сказал Валерка.
- Как?
- Ну, я не знаю как, но, если захочешь, наверно, можно... Если тебе, например, нужно свисток дать — поплыви по тамбуру и дерни за сигнал.
- Вот загнул! Зачем же на паровозе невесомость?
- Ну, просто так, — нерешительно сказал Валерка. — Чтоб облегчить труд машиниста.
- Этого не будет, — покачал головой Сережа. — А знаешь, что будет? На Марс полетят огромные-преогромные ракеты. А в ракете паровоз!
- Прилетел на Марс — и езжай на паровозе! — обрадованно подхватил Валерка. — Это ты хорошо придумал! Давай напишем предложение правительству?
- Правительство это и без нас знает.
- А может, забыли?.. Только, я думаю, надо не про паровоз писать, а про развитие железных дорог на Марсе.
- А на Марсе нужны железные дороги?
- Еще как! Мы там разные рудники настроим, а кто будет руду перевозить? Неизвестно, чем кончились бы космические мечтания двух приятелей, если бы на бульвар не выскочила плачущая девчушка лет восьми. За ней гнался долговязый мальчишка с хворостиной в руке.
- Девчушка споткнулась и упала.
- Долговязый мальчишка, злорадно усмехаясь, хлестнул ее хворостиной. Однако второй раз он не успел этого сделать, потому что Сережа выхватил хворостину из его руки и отшвырнул в сторону.
- Долговязый ошалело посмотрел на Сережу.
- Тебе чего надо?
- А ты зачем на маленьких нападаешь? — гневно спросил Сережа.
- Девчушка вскочила и исчезла в какой-то подворотне. Долговязый задиристо подбоченился.
- Откуда ты такой взялся?
- От верблюда! — сказал Сережа, принимая на всякий случай боевую стойку.

— А хочешь, верблюд, по зубам получить?

— Хочу, — сказал Сережа. — Ну, давай бей! Чего же ты не бьешь?

Но долговязый уже понял, что с двумя противниками ему не справиться.

— Чего вы на нашу улицу ходите?

— А мы совсем и не батайские! — сжимая кулаки, сказал Валерка.

— Из Ростова?

— Из Ростова! — с гордостью за свой город сказал Сережа.

Долговязый сделал два шага назад и вдруг завопил на всю улицу:

— Ребята, наших бьют!

И в ту же минуту на бульвар, гогоча и улюлюкая, вылетела ватага мальчишек.

— Бежим! — крикнул Валерка.

Но дорога на станцию была уже отрезана.

— Держи ростовских жуликов! — вопила ватага.

Приятели неслись по каким-то улицам и переулкам. Погоня продолжалась долго, преследователи отстали, когда Сережа и Валерка очутились на окраине Батайска и увидели впереди вспаханное поле.

— Сколько времени? — тяжело дыша, вдруг спросил Валерка.

Сережа посмотрел на отцовские часы и похолодел.

— Пропали мы, Валерка!

— Опоздали? — дрогнувшим голосом спросил Валерка.

— Скорей, может, еще успеем!..

Окольными путями, изнемогая от усталости, они добрались до станции. У водокачки было безлюдно, одинокий стрелочник с двумя свернутыми флажками в руке — красным и желтым — курил в отдалении у переезда. На бесчисленных путях стояли товарные вагоны, маленький паровозик, весело попыхивая, катил впереди себя белую цистерну. Но отцовского паровоза нигде не было видно.

— Нужно тебе было ввязываться в эту историю! — зло сказал Валерка, вытирая рукавом мокрое от пота лицо. — Монтигома несчастный!

Сережа оторопел.

— Откуда ты про Монтигомо знаешь?

— Вся школа знает, — ворчал Валерка. — Несчастный борец за справедливость! Может, та девчонка и не нуждалась совсем в твоей помощи и теперь думает, что ты ненормальный!

— Ты тоже ввязался...

— Я же из-за тебя, дурень! Если бы не я, долговязый из тебя котлетку сделал бы!

— Это еще вопрос.

— Никаких вопросов! Сделал бы котлетку и закусил вместо завтрака...

— Я тоже закусывать умею, — обиженно сказал Сережа. — По-твоему, выходит, мы должны были спокойненько смотреть, как он девчонку лупит? А еще председатель совета отряда!

Валерка вздохнул, по-видимому, его председательское самолюбие было уязвлено.

— Вообще мы бы с долговязым справились, — сказал он.

— Еще как!

Мир был восстановлен. Ребята робко подошли к стрелочнику. Он держал во рту трубку, его седоватые усы желтели от табачного дыма.

— Дяденька, вы не видели паровоза СУ 253-94? — вежливо сказал Сережа.

— Видел, — проговорил стрелочник, не вынимая изо рта трубки.

— А где он, дяденька?

— Ушел.

— Куда? В Ростов?

— В Париж, — усмехнулся стрелочник и, вынув трубку, выплюнул желтую слюну. — А вы почему, голуби, такие мокрые?

— От бега... — сказал Сережа сдавленным голосом, всеми силами сдерживая подступавшие к горлу слезы. — Дяденька, а вы не знаете, как нам до Ростова добраться?

— Можно бегом, — серьезно сказал стрелочник. — А можно на поезде... А ну, отойдите-ка на минутку, голуби...

Он вскинул желтый флажок, и мимо них стремительно прогрохотал скорый поезд. Пахнуло ветром, ударили по щекам колющие песчинки. Сережа разглядел слова на мелькающих таблицах — «Киев — Баку». В окне одного из вагонов приятели увидели мальчика, который торопливо помахал им рукой, но они были так расстроены, что даже не ответили ему. Едва мелькнул последний вагон, как в обратном направлении загрохотал другой поезд: «Ленинград — Сочи».

Жизнь шла своим чередом, пассажиры ехали в разные концы страны по разным своим надобностям, и никому из них не было никакого дела до затевавшихся в этом огромном мире, на станции Батайск, двух ростовских мальчишек.

— А зачем вам, голуби, паровоз нужен? — услышали они голос стрелочника.

— В Ростов ехать, дяденька.

— А вам, что ж, вагонов не хватает?

— Мы, дяденька, на паровозе приехали, — сказал Валерка. — Вон его, Сережкин, отец — машинист...

Стрелочник с любопытством взглянул на Сережу.

— Значит, ты Назаров?

— Я, — сказал Сережа с надеждой в голосе. — А вы его знаете, дяденька?

— Да кто ж его не знает? Геройский машинист. Можно сказать, из первых на Северо-Кавказской дороге. Чуть не на каждом собрании у нас толкуют про него.

Сережа и Валерка одновременно посмотрели друг на друга. Сережа смущенно улыбнулся: он был горд, очень горд! Его лицо порозовело, а сердце застучало, как стучат на рельсах колеса паровоза: «трак-тарарак, трак-тарарак...» И Валерка улыбался, потому что тоже был горд. Почему — он и сам не ответил бы на этот вопрос.

— А я, дяденька, Сережкин друг... — сказал он.

— Вижу, что не подруга. — Стрелочник начал неторопливо набивать свою трубку табаком. — Вот что, голуби. Бегите на вокзал в кассу и покупайте билеты до Ростова. Да скорее, потому как пригородный поезд пойдет в Ростов через четверть часа.

Приятели посмотрели друг на друга, без всякого энтузиазма порылись в карманах. Как все было бы хорошо, если бы они не покупали мороженое! А теперь их совместный капитал составлял три копейки. Всего три копейки!

Словно угадав их мысли, стрелочник сказал с ухмылкой:

— Что, голуби? Пировали — веселились, подсчитали — прослезились? — и совсем неожиданно протянул им две белые монетки: — Летите, голуби!

Совершенно счастливые, ребята бросились к зданию батайского вокзала и, лишь когда оказались в вагоне и когда поезд уже тронулся, вспомнили, что забыли поблагодарить доброго стрелочника.

— Давай напишем ему письмо! — горячо предложил Сережа.

— Шляпа ты, Сережка!

— От шляпы слышу! Почему это я шляпа?

— Интересно, что ты на конверте напишешь? «Станция Батайск, стрелочнику возле водокачки». Так? Ты его адрес и фамилию знаешь? Ты лучше отцу скажи, он и поблагодарит. Небось он часто в Батайске бывает. И давай сразу, как приедем, разыщем его паровоз, а то, может, он волнуется...

Но разыскивать паровоз СУ 253-94 им не пришлось. Едва поезд остановился на ростовском вокзале и они выскочили из вагона, Сережа увидел Анюту.

Она стояла на перроне, прижимая к груди чемоданчик, и беззвучно плакала. Две серебряные сережки — два маленьких месяца покачивались в ее ушах.

— Анюта, — сказал удивленный Сережа, — ты отстала от своей машины? Да?

— Сережа! — очень обрадовалась она и крепко схватила его за руку. — Нет, я не отстала... Мне надо ехать домой на поезде, а поезд будет только вечером...

— А почему ты не пошла к нам? Ты же обещала Кате зайти.

Она достала из рукава крошечный кружевной платочек и высморкалась.

— Я забыла дорогу, Сережа...

— Пошли, Анюта!

Сережа попрощался с Валеркой и повел ее домой.

На веранде их встретили Катя и Лиза.

— Вот хорошо! — радостно вскрикнула Катя. — Сейчас будем обедать, бабушка уже велела накрывать на стол...

Но Анюта обняла Катю и разрыдалась. Испуганные сестры отвели ее в свою комнату и о чем-то долго разговаривали. Вечером сестры проводили Анюту на поезд, и она уехала из Ростова.

Глава девятнадцатая

После ужина по воскресным вечерам Назаровы обычно засиживались на веранде, играли в лото, что-нибудь весело обсуждали, а иной раз подшучивали над кем-нибудь. И в этот вечер, как только бабушка убрала чайную посуду, Сережа по знаку отца выложил на стол карты лото.

— Сынок, — добродушно поглядывая на Сережу, сказал отец, — ты все-таки Расскажи нам, сильно ли вы в Батайске перетрусили?

— А уж и ты, Костенька, хорош, — покачала головой бабушка. — Отец называется! Бросил ребенка на произвол судьбы и укатил.

— Да ведь я по расписанию укатил, мама, — рассмеялся Константин Сергеевич. — А что касается Сережи и Валерки, я за них очень и не беспокоился.

Бабушка всплеснула руками.

— Да что б они делали, если бы добрая душа не помогла?

— Двенадцать километров — небольшое расстояние... В детстве я не раз из Ростова в Батайск с приятелями путешествовал.

Сережа хотел было сказать, что он в следующее воскресенье тоже отправится в такое же путешествие, но, вспомнив о мальчишках на батайском бульваре, промолчал.

— Дядя Костя, — вдруг проговорила Катя, — а можно, я не буду играть в лото?

— Это почему же, Котенок? — спросил сестру Степан, раскладывая перед собой карты лото. — Можешь билет в кино выиграть.

— Не хочу... — она поднялась из-за стола. — Степа, у меня к тебе есть вопрос.

Степан почувствовал по ее тону, что она чем-то взволнована, и нахмурился.

— Погоди, потом задашь... Ты же видишь, люди сели поиграть...

— Нет! Я хочу сейчас, Степа... Зачем ты дал колхозному Галушке... ну, Анютину отцу, адрес Петушкова?

Константин Сергеевич вопросительно взглянул на Степана.

— Какой адрес? Я ничего не понимаю, Степа.

Степан продолжал раскладывать на столе карты лото, и только одна Катя заметила, как задрожали его тонкие длинные пальцы. Однако лицо Степана было совершенно спокойным.

— Когда мы были в станице, дядя Костя, — неторопливо заговорил он, глядя на Константина Сергеевича ясными глазами, — этот самый Галушка спросил меня, не могу ли я ему посодействовать, если колхоз будет продавать в Ростове какие-нибудь продукты... Ну, я и сказал ему, что мой сосед работает в базаркоме.

— Этот сосед, — сказала Катя и побледнела, — свел Галушку с жуликами, и они заключили жульническую сделку!

— Ты напрасно так волнуешься! — перебила сестру Лиза. — Может быть, Анюте все это показалось... И вообще эта Анюта какая-то странная особа... Весь день проплакала.

— Она очень порядочная девочка, Лиза! Ты не имеешь права так говорить, — Катя снова села за стол и затеребила пальцами бахрому скатерти. — Она очень честная! Понимаешь, дядя Костя? У нее в чемоданчике лежали все деньги за проданную муку... Часть из них Галушка хотел забрать себе... Галушка — это ее отец... Короче говоря, Анюта убежала с машины и все деньги повезла в колхоз на поезде!

— Если все действительно так, как ты говоришь, — сказал Степан, постукивая своими тонкими пальцами по столу, — Анюта — образец честности. Но я бы сказал, что это какая-то болезненная честность.

— Почему же болезненная, Степа? — спросил Константин Сергеевич.

Степан постукивал пальцами.

— Видите ли, дядя Костя, разумом я понимаю, что она поступила честно. Но внутренне я не могу понять, как дочь может топить своего отца. Вы представляете, что теперь будет в колхозе? Ведь этого Галушку Сердечнов отдаст под суд.

Все на веранде замолчали. Было слышно, как в кухне бабушка моет посуду.

— А ведь ты не прав, Степа, — наконец сказал Константин Сергеевич.

— Почему, дядя Костя? Семья есть семья. И зачем выносить грязь на улицу? Константин Сергеевич внимательно посмотрел на Степана.

— Ты это серьезно говоришь, Степа?

— Совершенно серьезно!

— Ну, а если то, что ты назвал грязью, мешает жить не только семье, но и обществу? Нет, Степа, ты не прав! — Константин Сергеевич поднялся из-за стола и прошелся по веранде. — Вот в наших газетах иногда появляются сообщения о разных там жуликах. Один потихоньку магазин обворовывает, в котором работает, другой спекуляцией занимается, третий на ворованные деньги машину

покупает, дачу строит... Ничего этого не было бы, если бы дети этих жуликов поступали, как Анюта!

Степан усмехнулся.

— Интересно, что бы вы сказали, дядя Костя, если бы на вашем паровозе случился пережог угля, а Сережа пошел бы в управление дороги вас разоблачать?

Константин Сергеевич молча покусывал губу. Он стоял посреди веранды, высокий, широкоплечий, заложив руки за спину, и о чем-то думал.

— Ты сказал глупость, Степа! Если бы на моем паровозе случился пережог угля, то прежде всего об этом сообщил бы кому надо я сам. А вот если бы я продавал на сторону отпускаемый моему паровозу уголь, а Сережа об этом знал бы и молчал, то я перестал бы уважать своего сына. Жуликов надо разоблачать, даже если они близкие родственники.

Степан перевел глаза на Сережу. «Трак-тарарак», — стукнуло Сережино сердце.

— Сережа, — усмехнулся Степан, — смог бы ты пойти в милицию с заявлением на своего отца?

— Не... знаю... — густо покраснев, сказал Сережа.

— Не задавай ему таких вопросов! — сердито крикнула из кухни бабушка. — Сережин отец не жулик!

...Игра в лото в тот вечер не состоялась. Когда все разошлись по своим комнатам и легли спать, Сережа сказал отцу:

— А ты правильно говорил, пап... Если б все-все пионеры, и комсомольцы, и вообще все школьники выступали против всякого обмана, все бы жулики перевелись!

— Конечно, сынок.

— А как ты думаешь, трудно Анюте будет разоблачать отца?

— Трудно, сынок. Но Анюта, по-моему, поступила правильно. Точно так, как Павлик Морозов. Правда?

— Ага...

Сережа снова вздохнул, повернулся лицом к стене и подложил под щеку кулак — это означало, что им начинает овладевать дрема.

— Пап, это очень хорошо, что ты честный человек, — сонно пробормотал он. — Настоящий борец за справедливость...

Тут ему очень захотелось рассказать отцу, что его самого в школе прозвали Монтигомо — Ястребиный коготь, и он уже набрал в легкие воздух и открыл рот, но почему-то застеснялся и промолчал. Засыпая, он думал о том, как много на свете живет людей, которых можно было бы назвать Монтигомо. Например, Анюта. Или старшая вожатая Анна Павловна... Председатель колхоза Сердечнов... И конечно, дедушка Лени Каца — Илья Ильич... И его друг Федор Тихонович... И кто еще? Бабушка! Конечно, бабушка! Странно, что он не вспомнил про нее сразу... Валерка Котов, пожалуй, тоже Монтигомо...

Но тут все образы больших и маленьких Монтигомо смешались в его голове, и Сережа заснул.

Глава двадцатая

Снова пришла зима. Южная зима с пронзительными северными ветрами, с гололедом, с мокрым снегом, который шел пополам с дождем.

Лиза заболела гриппом и пропустила занятия в школе, Встревоженная бабушка то и дело заглядывала к ней в комнату, носила горячий чай с лимоном. Среди дня она сказала:

— Я схожу в магазин, Лизонька. А ты, детка, не поднимайся, пожалуйста, а то совсем расхвораетесь.

— Ладно, бабуся, — пробормотала Лиза. — Я посплю... Мне очень хочется спать почему-то.

— Вот и хорошо, поспи, милая...

Бабушка заботливо укутала внучку одеялом и ушла.

В доме стало очень тихо, четко тикали в кухне ходики, громко мурлыкал Рыжик, свернувшийся клубочком на одеяле.

Лиза задремала и сквозь сон услышала, как стукнула наружная дверь.

— Есть кто-нибудь в доме? — раздался голос Степана. Ей так сладко дремалось под теплым одеялом, что она не ответила и даже не открыла глаз. Она только слышала, как Степан ходит по кухне, что-то невнятно напевает и, как ей показалось, что-то жует, — наверно, бабушкин пирожок с капустой.

Опять стукнула дверь, и Лиза подумала, что это вернулась бабушка. Но это была не бабушка.

— Степан Петрович! Степан Петрович! — донесся до ее слуха взволнованный, задышающийся голос.

Лиза открывала глаза и насторожилась: это был голос Петушкова.

— Ты что? — удивленно спросил Степан.

— Беда, Степан Петрович! Кошмар!..

— Что случилось?

— Кошмар, Степан Петрович!

— Да говори же, болван, в чем дело! — рассердился Степан. — И вообще я говорил тебе, чтобы ты не ходил сюда!

— Страшная вещь, Степан Петрович! Ревизия будет!

— Где?

— На вашем складе!

— Врешь!

— Клянусь, не вру!

— Откуда ты знаешь? — помедлив, спросил Степан.

— Райский просил вас предупредить... Завтра начнется...

В кухне наступило молчание. Лиза слышала, как заскрипел стул, — должно быть, Степан сел.

— Черт! — проговорил он каким-то странным, изменившимся голосом. — Что же делать?..

— Не знаю, Степан Петрович...

— Черт... На складе трех вагонов леса не хватает...

— Кошмар, Степан Петрович!

С тяжело забившимся сердцем Лиза спустила на пол ноги и села на кровати, кутаясь в одеяло.

В кухне долго молчали.

— Положение безвыходное, — наконец негромко заговорил Степан. — Впрочем... впрочем, есть один выход... Включить рубильник! Короткое замыкание... Огонь сразу в нескольких местах.

— Пожар?! — ахнул Петушков.

— Другого выхода нет... О черт, и как я ничего не успел сделать! А ведь знал же, что рано или поздно будет ревизия! Как они неожиданно!

— Райский сказал, что какой-то рабочий на вас заявление написал.

— Кто?

— Какой-то рабочий... А кто, не знаю...

Степан поднялся со стула.

— Придется все это проделать сегодня вечером... когда все уйдут со склада... Ты молчи только! Слышишь?

— Да ведь я, Степан Петрович...

— Уходи, — перебил его Степан.

— Может, надо что-нибудь?

— Уходи! — скрипнул зубами Степан.

Наружная дверь заскрипела и закрылась.

Лиза слышала, как Степан ходит по кухне из угла в угол. Его шаги были медленными и тяжелыми. Потом он постоял несколько секунд — и опять медленные тяжелые шаги. Шевельнулась занавеска на Лизиной двери, и она увидела Степана.

— Лиза?! — вскрикнул он. — Ты дома? Ты все слышала? Лиза!

Она смотрела на него испуганными глазами.

— Лиза! Ты слышала?

Она молчала.

— Лиза!

Она шевельнула губами чуть слышно:

— Слышала...

Он шагнул к ней и остановился, театрально заломив руки.

— Это все ужасно, Лиза... Я тебе сейчас объясню... Лиза! О, как все глупо!.. Боже мой, неужели ты не поймешь меня?!

Она молчала.

— Ты слушаешь меня?

— Да... — шепнула она и посмотрела в его посеревшее, ставшее почти незнакомым лицо. Он не выдержал ее взгляда и отвел глаза в сторону. Лиза только одну секунду видела его зрачки, которые всегда ей казались очень красивыми, бархатными, а теперь вдруг стали совсем бесцветными, будто задернутые туманом.

— Я тебе сейчас все объясню, Лиза... Понимаешь?.. Там, на складе, была страшная бесхозяйственность. Я много месяцев бьюсь и ничего не могу сделать... Не хватает трех вагонов леса... И вот теперь ревизия... Боже мой! Ты понимаешь, что это значит? Понимаешь?

— Нет...

— Как начальник склада, я пойду под суд! Я ни в чем не виновный человек, Лиза! Мне не пережить такого позора! Я буду вынужден... Я буду вынужден повеситься или броситься под поезд!

— Степа! — с ужасом вскрикнула она и почувствовала, как начинают дрожать ее руки, коленки, все тело.

— Что делать? Что делать, Лиза?! — продолжал бормотать он, заламывая руки. — Видишь, я почти схожу с ума... Единственный выход — все уничтожить... Лиза, ты ведь умная девочка!.. Ты понимаешь меня... правда? Иначе позор падет не только на меня! На весь наш дом! На дядю Костю... На всю нашу семью!

— Будет пожар? — тихо спросила она. — Но это же... преступление!..

Он опустил рядом с ней на кровать.

— А почему я должен страдать? Я честный человек, и вдруг — суд! Пойми, другого выхода нет! Я сам страшно мучаюсь... Только бога ради, Лиза, никому ни слова! Иначе я погиб! Я ведь твой брат!.. Двоюродный брат... Но мы всегда

*Он шагнул к ней и остановился, театрально заломив руки.
— Это все ужасно, Лиза... Я тебе сейчас объясню... Лиза!*

были как самые родные!.. Никому ни слова, Лиза! Ни дяде Косте, ни Кате! Катя истеричка. Ей нельзя этого знать! Ты слышишь, Лиза? Почему ты молчишь?

Она молчала потому, что не знала, что ответить, все слова вылетели из ее головы.

Он поднялся и трагически сжал голову ладонями.

— Ты молчишь?.. Значит, все! Петлю на шею и... конец!

— Степа, не смей! — закричала она, вскакивая с кровати, одеяло скользнуло с ее колен на пол. Она стояла перед ним в длинной ночной сорочке, всхлипывая и дрожа.

— Не смей, Степа! Слышишь, не смей!

— Выхода нет, Лиза, — закачал он головой, все еще не опуская рук.

— Степа, милый...

Он услышал ее слезы и опустил руки.

— Пойми, сестренка, единственное спасение — огонь... Пусть это будет нашей с тобой тайной... Ты обещаешь мне?

— Да... — чуть слышно шепнула она.

Он рывком обнял ее, торопливо погладил по голове.

— Спасибо, сестренка! Спасибо, родная!

Степан круто повернулся и прошагал в кухню. Через минуту он снова появился на пороге, уже в пальто, с меховой шапкой в руке. Лиза по-прежнему неподвижно стояла у кровати.

— Еще раз умоляю тебя, Лиза: никому ни слова... О боже мой, как все глупо!..

Он ушел. Лиза видела, как его фигура промелькнула во дворе мимо ее окна. Она подошла к подоконнику. Степан шел, сутулясь, позабыв застегнуть пальто. Ей показалось, что он стал ниже ростом. Она смотрела на его спину и вдруг пораженно подумала: «Каждый человек живет, как умеет... Это говорил он... Значит, это была не шутка».

Из магазина вернулась бабушка и, увидев стоящую у окна внучку, всплеснула руками.

— Да что же ты делаешь? Больная из кровати вылезла! Как же это можно?

— Бабунечка, милая... — тихо сказала Лиза, обнимая ее.

— Ты плачешь? — забеспокоилась бабушка. — Да что случилось?

— У меня просто... кружится голова.

— Ложись, милая, ложись...

Она уложила внучку в постель и занялась своим сложным хозяйством, позванивая и постукивая кухонной посудой. То и дело она заглядывала в Лизину комнату, вздыхая и встревоженно покачивая головой.

Лиза забылась во сне. А когда она открыла глаза, во дворе уже было темно. На маленьком столике горела лампа с зеленым абажуром, и редкие снежинки, порхавшие за оконным стеклом, тоже казались зелеными.

Над ней склонилась Катя.

— Ты проснулась?

Лиза слышала ее вопрос, но не поняла, о чем она спрашивает.

— Лиза!

— Что?

— Ты бредила.

— Что?

— Я говорю, ты бредила... У тебя жар.

— Не знаю... Кажется, нет.

Катя положила ладонь на ее лоб.

— Нет, у тебя жар... Поспи еще немножко.

— Не хочется...

Катя посмотрела в окно и вздохнула:

— Смотри, идет зеленый снег, — сказала она задумчиво. — Правда, красиво?

— Да...

— На улице мороз... Сережа пошел на каток.

— Я знаю.

— Мороз и снег... Представляю, какая зима сейчас у нас в Сибири. Ветер намечает сугробы под самую крышу! — Катя снова вздохнула. — Удивительно устроена природа: снег, снег, снег, а потом вдруг слякоть и лужи.

— Что?

— У природы все здорово! Правда? И зима и весна. Я очень любила весну в Тобольске. Раннюю весну... Вот тоже так — мороз, снег... и вдруг задует ветер с юга, запахнет в воздухе чем-то таким приятным-приятным... И снег начинает опадать с крыш и деревьев: бух, бух, бух!.. А потом начинает греметь Иртыш! Как будто гром! Это значит — ледоход начался! Ребята со всего города на берег бегут. А Иртыш у нас широкий-широкий! Шире Дона! Льдины плывут и шуршат так громко, что даже голоса на берегу не слышно... Люблю весну!

Катя пересела к столу и склонилась над тетрадкой. Через полминуты она опять повернула к Лизе лицо.

— Лиза, а ведь весной мы уже будем комсомолками! Страшновато немножко... Что, если не примут?

— Что? — спросила Лиза, упираясь руками в подушку и приподнимаясь. Ее неподвижный взгляд был устремлен в окно.

— Что, если нас в комсомол не примут? — повторила Катя, с удивлением глядя на сестру.

— Примут, — рассеянно сказала Лиза. — Мы уже Устав знаем.

Катя отодвинула тетрадь и поднялась.

— Разве дело только в Уставе? Лиза, почему ты такая странная сегодня?

— Я? — не отрывая от окна глаз, спросила Лиза.

— Да, ты!

— Нет, я ничего...

— Но я же вижу!

— Тебе кажется...

— Нет, не кажется!

Катя взяла сестру за локти и заглянула в ее глаза.

— Что с тобой, Лиза?

— Уверяю тебя, Котенька, ничего.

— Что ты там рассматриваешь?

— Так просто... Скажи, ты помнишь, где находится склад Степы? Кажется, вон там, под горой возле Дона.

— Да... Но разве можно увидеть что-нибудь в темноте?

Лиза откинулась на подушку.

— Котенька... можно тебе сказать? — медленно заговорила она.

— Что сказать?

Лиза помолчала.

— Одну... страшную тайну!

— Тайну?

— Да! Страшную!

— Ну, говори же! Не пугай меня...

— Только об этом ты не должна никому говорить! Никому! Ты понимаешь меня?

— Понимаю... Нет, я ничего не понимаю...

Лиза села на кровати.

— Если ты кому-нибудь скажешь хоть слово, Степа будет в тюрьме...

— Степа?! — вскрикнула Катя, отступая и садясь на стул.

— Тише!.. Сейчас будет пожар!

— Где пожар? — Катя приподнялась со стула и снова села. — Лиза, ты бре-дишь!

— Пойми, у Степы нет другого выхода... — быстро и горячо зашептала Лиза. — Он ужасно переживал, Котенька! Если бы ты видела, как он мучился... Он ужасно переживал!

— Что переживал? Что?

— На складе была бесхозяйственность... Не хватает трех вагонов леса... — продолжала шептать Лиза. — А завтра начинается ревизия.

— Но какой пожар? И при чем тут Степа?

— Он должен поджечь склад... — Лиза сбросила одеяло и выскочила из постели. — Молчи! Если бы ты видела, как он мучился! Он хотел... хотел даже броситься под поезд!

Катя сидела неподвижно.

— Ты только не волнуйся! Слышишь? Не волнуйся! — шептала Лиза, обнимая сестру.

Катя резко оттолкнула ее и поднялась. Лиза видела, как задергался ее подбородок. Катя силилась что-то сказать, но так и не сказала.

— Котенька... успокойся! Ну, успокойся, пожалуйста...

— Он все время кому-то звонил... — глухо проговорила Катя. — Продавал лес... Он продавал государственный лес!

Лиза передернула плечами.

— Как ты можешь, Котенька, думать об этом в такую минуту? Государственный лес! Какая-то... политграмота...

— Что ты говоришь? — вскрикнула Катя задыхаясь. — Ты подумай, что ты говоришь? Там огромный склад! Десятки людей! Понимаешь? Десятки людей!

— Молчи! — заражаясь ее волнением, прошептала Лиза. — Я не подумала об этом... Только молчи!

— Я не могу... Я не буду молчать! Может быть, им угрожает смерть!

Ее большие черные глаза, которые сейчас стали еще больше, были наполнены отчаянием.

В комнату заглянула испуганная бабушка.

— Что тут у вас? Поссорились?

Катя, не отвечая, рванулась с места и выскочила из комнаты. Легко скрипнули половицы в кухне под ее ногами. Было слышно, как она набирает номер телефона.

— Ноль один! — закричала Катя высоким, срывающимся голосом. — Это ноль один? Пожарная? Скорее! На железнодорожном складе стройматериалов пожар! Скорее!

Глава двадцать первая

Большое горе пришло в семью Назаровых. Просыпаясь иногда по ночам, Сережа слышал, как за стеной ворочается на своей раскладушке и глухо всхлипывает Катя. Лиза вскакивала с постели и что-то долго и горячо шептала сестре. Вероятно, она пыталась успокоить ее какими-то ласковыми словами. Но разве есть такие слова?

После того как был арестован Степан, отец однажды принес домой газету с заметкой о Кате. Он молча поманил Сережу пальцем и показал ему крупный заголовок:

«Школьница предупредила преступление!»

Сережа схватил газету и бросился к порогу, но отец удержал его.

— Погоди! Ты куда? — шепотом спросил он сына.

— Показать Кате, пап...

— Зачем?

— Чтобы она прочитала, — растерялся Сережа. — Пап, мне же ее очень жалко... Может, она прочитает и обрадуется!

— Дурень ты еще, Сережка! — вздохнул отец. — Какая же это радость? Ты ей напомнишь о Степане. А это называется посыпать рану солью. Уж лучше будь поласковой с Катей. Время — лучший лекарь...

Сережа задумался. Странная это штука — время. Говорят, нет ему ни начала, ни конца. Течет эта невидимая вечная река и несет в своем тихом, наполняющем всю вселенную потоке и неведомые звезды, и планеты, и людские радости и печали. Совсем недавно учился Сережа в пятом классе, а теперь ученик шестого «Б». Был он октябрятским вожатым, а стал председателем совета отряда. Год назад Сережа не стал бы размышлять о том, что такое время, и, если бы услышал это слово, невольно представил бы ходики, которые безостановочно отстукивают секунды в кухне на стене. А вот теперь он уже ясно представляет, что время — это нечто значительно большее, чем часы...

Время действительно оказалось лекарем. Катя постепенно обрела душевный покой, хотя улыбалась реже, чем раньше, и улыбка на ее лице мелькала неясно, как короткий лучик, прорвавшийся на мгновение из-за тучи. Темные глаза Кати теперь всегда были грустными. Однако училась она в девятом классе так же хорошо, как и раньше, и по-прежнему охотно помогала Лизе готовить уроки.

Пришло письмо от Анюты. Она подробно описала станичные школьные новости, приглашала летом приехать в гости — «на вишни» — и вскользь упомянула, что ее отец переведен на работу в полевую бригаду, а завхозом правление колхоза назначило деда Тараса, который принял это назначение с превеликой гордостью.

Потом как-то вечером отец торжественно сообщил всем, что часть домиков на их тихой улице будут скоро сносить и что семье машиниста Назарова уже выделена в новом доме на третьем этаже трехкомнатная квартира с ванной, газом и балконом. Бабушка ахнула и заплакала.

— Бабушка, да ведь с балконом! — ликующе крикнул Сережа.

— Это я просто так, Сереженька, — улыбнулась она сквозь слезы. — Понимаю, что хорошо, а все одно сердце ноет... Ведь под этой крышей, милый, вся жизнь моя прошла...

В новый дом Назаровы переселялись весной, когда на акациях лопнули почки и деревья стояли в зеленом тумане.

Почти вся улица провожала Назаровых. К воротам пришли даже октябрята-второклассники, у которых теперь был новый вожатый, но которые, как и раньше, трогательно любили Сережу.

— До свиданья, Монтигемо, — грустно улыбаясь, сказал Леня Кац.

— Не забывай нас, Сережа, — шевельнула дрогнувшими губами маленькая Лена.

И Сережа про себя отметил, что она начала совершенно отчетливо выговаривать букву «р». Вот что такое время!

— Я вас никогда не забуду, ребята! — с чувством сказал Сережа. — Вы же числитесь при нашем отряде. Я буду всегда приходить на ваши сборы, и мы поможем вам подготовиться вступить в пионеры...

В новой квартире, где еще не были расставлены вещи, голоса и шаги на паркетe отдавались неясным шелестящим эхом. Сережа стремительно исследовал все комнаты, открыл в ванной душ и замер в восхищении, глядя на веселый забурливший ливень. Лиза влетела в ванную, словно снаряд.

— Червяк! Перестань безобразничать!

— Отстань! — сказал Сережа с досадой. — Я буду купаться.

— Бабуся! — крикнула Лиза. — Последи за червяком! Мы с Катей уходим на комсомольское собрание, а он может устроить потоп!

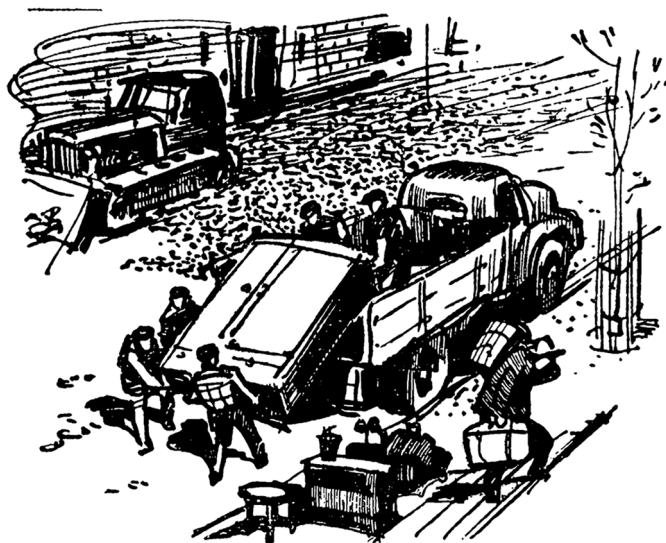
— Вот горе! — запричитала бабушка. — Отец ушел на работу, а вы на собрание! Да как же я вещи расставляю?

— Не ходили бы вы, Лизонька, сегодня куда.

— Что ты, бабушка! Нас сегодня в комсомол принимают! Ты полежи, отдохни, а вечером мы с папой все расставим.

Сережу выпроводили из ванной. Обиженный, он вышел на балкон и начал изучать незнакомую улицу. Она сплошь была застроена новыми многоэтажными домами, разноцветные балконы висели над улицей и походили на игрушечные кубики. Судя по всему, эта улица начала заселяться совсем недавно. Две молодые женщины в противоположном доме вешали на окно прозрачную занавеску. У соседнего подъезда несколько парней снимали с грузовика тяжелый зеркальный шкаф. Неподалеку гудел бульдозер, убирая с улицы остатки строительного мусора. Нежные молоденькие деревья зеленели на тротуаре. На углу Сережа разглядел большие витрины магазина и вывеску над ними — «Гастроном». Девочка вышла из магазина с полной авоськой и, запрокинув голову, посмотрела на открытое окно второго этажа, откуда неслись оглушающие звуки радиолы. Резкий голос какой-то певицы орал на всю улицу: «Ландыши, ландыши...» Из окна высовывался стриженный мальчишка, поглядывая то на девочку, то на Сережу и словно вопрошая: «Ну что, нравится вам моя музыка?»

Сережа безучастно отвернулся. Стриженный мальчишка, должно быть, обозлился, покопался в радиоле, которая стояла тут же, рядом с ним, на подоконнике, и голос певицы вдруг загремел, как пушечные раскаты. В окнах назаров-

ской квартиры тоненько задребезжали стекла. Девочка погрозила мальчишке кулаком и юркнула в подъезд. (Радиола сразу замолкла.)

«Ну и чудак!» — подумал Сережа, усмехаясь. Он походил по квартире, не зная чем заняться. Усталая бабушка дремала на диване посреди комнаты. Рядом с диваном стоял стол ножками вверх, а между ними торчала зеленая раскладушка. Сережа тихонько поднял раскладушку и вынес на балкон.

Но едва он, овеваемый ласковым весенним ветерком, улегся на раскладушке, радиола вновь исторгла мучительный, проникающий до самых внутренностей звериный рык: «Ландыши, ландыши...»

Это было невыносимо. Сережа подскочил на раскладушке, но рык внезапно оборвался, и он увидел, как в окне второго этажа мелькнуло разъяренное женское лицо. Стриженный мальчишка сжался на подоконнике и негромко взвыл, потому что получил увесистый подзатыльник.

— Поделом! — вслух проговорил Сережа и опять лег, подложив под голову руки.

Солнце скрылось за карнизом, на улицу упала легкая, прозрачная тень, и только крыша соседнего дома была ярко освещена. Подняв хвост, по крыше неторопливо шел пушистый кот, наверно, тоже новосел. В синем небе, в самом зените, застыло большое странное облако. Оно походило на уснувшего белого кота.

«Как смешно, — подумал Сережа, закрывая глаза, — два кота — один на крыше, а другой на небе...»

Он открыл глаза, чтобы еще раз взглянуть на облако, и очень удивился, увидев над собой звезды. На улице горели фонари, и некоторые окна в новых домах светились уютным светом — голубым, оранжевым, зеленоватым...

В комнате слышались негромкие голоса, и Сережа сразу понял, что, пока он спал, дома что-то произошло.

— Где Лиза, дядя Костя? — тревожно спрашивала Катя.

— Заперлась с бабушкой в кухне, — отвечал отец.

— Плачет?

— Да.

— Она убежала прямо с собрания... вся в слезах...

— Ну что ж, пусть поплачет... — вздохнул отец.

— Дядя Костя! — сдерживая возмущение, вскрикнула Катя. — Ну, как вы можете так говорить? Вы любите Лизу... или нет?

— Очень люблю, Катюша, — тихо сказал отец.

— Почему же вы... так?

— Что «так»? Так суров?

— Да...

— Я не суров, Катюша... Я просто хочу, чтобы она выплакалась и все передумала. Погоди! Ведь она, надо полагать, не только плачет, но и думает.

— Вы бы лучше поговорили с ней, дядя Костя! Вы же так хорошо все умеете объяснить!

— Я уже говорил с ней.

— Когда?

— Когда она, вся зареванная, прибежала с комсомольского собрания и сказала, что ее не приняли в комсомол.

Сережа вздрогнул. Не приняли в комсомол! А Лиза так мечтала о комсомольском значке! Почему же такая несправедливость?

И может быть впервые Сережа почувствовал, что он очень любит свою старшую сестру, которая не всегда бывала с ним справедлива и называла оскорбительно «червяком». От обиды за Лизу у него сжалось сердце и в горле защекотало.

— Дядя Костя, а что вы говорили Лизе? — услышал он озабоченный голос Кати.

— Мы попытались, Катюша, вместе разобраться, правильно ли, что комсомольская организация решила временно воздержаться от приема ее в комсомол.

— Я как-то чувствую себя страшно виноватой, дядя Костя...

— Почему?

— Я комсомолка, а Лиза...

— Ты абсолютно ни в чем не виновата, девочка. Я даже поставил тебя в пример Лизе.

— Ну вот!.. — вырвалось у Кати. — Я этого больше всего боялась!

— Напрасно... Понимаешь ли, в чем дело? Лиза за последний год очень изменилась. Так сказать, почувствовала себя взрослой. А что значит быть взрослым? Носить модное платье? Чепуха! Когда ты становишься взрослым человеком, к тебе предъявляются и требования новые! Повышенные требования! А советский человек, Катюша, это человек особенный! Это прежде всего человек труда! Понимаешь, труда? А этого как раз Лизе не доставало... И по-

— Где Лиза, дядя Костя? — тревожно спрашивала Катя.
— Заперлась с бабушкой в кухне, — отвечал отец.

том еще... — Отец понизил голос. — Советский человек должен понимать, что плохо и что хорошо, кто честен, а кто негодай. Ты помнишь, как она поступила в тот вечер, когда чуть не сгорел склад стройматериалов? Двоюродная сестра держала себя совсем не так, как держала себя ты, родная сестра Степана...

— Не надо об этом, дядя Костя! — быстро прошептала Катя. — Умоляю вас, не надо!

— Хорошо, Катюша, не буду... Ты куда идешь?

— Мне надо на улицу... Там Саша Рыбин ждет.

— Так зови его сюда! Люблю его. Хороший парень.

Катя стукнула дверь. Отец шумно вздохнул, поднялся со стула и медленно прошагал в кухню. Сережа лежал неподвижно, обдумывая услышанное. Да, конечно, отец прав. А все-таки жаль Лизу.

Снова стукнула наружная дверь. Вошли Катя и Саша.

— Лиза! — крикнула Катя.

Вышла Лиза с распухшим от слез лицом и остановилась посреди комнаты.

— Лиза... — тихо сказал Саша и запнулся.

— Что, Саша? — спросила она шепотом.

— Ты извини меня, Лиза... — помедлив, начал он. — Я хотел тебе сказать... Ты не переживай так сильно... Ведь ты все равно будешь комсомолкой.

— Обязательно! — быстро прибавила Катя.

— Я очень... Я очень хочу быть комсомолкой, ребята, — прошептала Лиза.

— В этом никто не сомневается, — сказала Катя подчеркнуто бодрым голосом. — А где дядя Костя? Давайте же, наконец, расставим мебель! Саша пришел нам помочь.

Она торопливо застучала каблучками. Сережа отлично понял, что она пошла в кухню только для того, чтобы Саша и Лиза остались одни.

— Я еще хотел сказать тебе, Лиза, — торопливо заговорил Саша, — хотел сказать, что... Ты считаешь меня своим другом?

— Да, Саша...

— Я всю жизнь буду твоим другом, Лиза!

— Спасибо, Саша, — сказала она и протянула ему руку. — Ты самый хороший и самый настоящий друг!

Снова раздались шаги.

— Здравствуй, Сашок! — прозвучал голос отца. — Ты пришел помочь нам? Ну что ж, мужчины, давайте приниматься за дело! Эй, Сережа, просыпайся! Хватит дрыхнуть, лежебока!

...Было совсем поздно, когда Сережа и отец остались одни в своей комнате. Их комната была теперь на третьем этаже.

— Ты не спишь, пап? — поворочавшись на кушетке, спросил Сережа.

— Нет, сынок. А что ты хочешь сказать мне?

— Я все слышал, пап...

— Что?

— Все, что ты говорил Кате.

— Подслушивал? — пошутил отец.

— Честное слово, нет! Я просто проснулся, а вы разговаривали...

— Ну, и что же ты думаешь об этом разговоре?

— Я думаю, папа, что Лиза сама во всем виновата... Но мне все равно ее жалко...

Отец молчал.

— Ты засыпаешь, пап?

— Я думаю, Сережа, — вздохнул отец.

— Про что?

— О том, кто больше всех виноват во всем...

— Кто?

— Я, сынок.

— Ты? — изумился Сережа, приподнимаясь на локте.

— Да, я, сынок. И Лизу проглядел... И в Степане не разобрался...

— Ну, при чем же тут ты, пап? — искренне воскликнул Сережа. — У тебя нет ведь рентгеновых лучей, чтобы всех людей насквозь просвечивать!

Отец приподнялся на локте, и Сережа не столько увидел в сумраке, сколько почувствовал, что отец внимательно смотрит на него.

— Это ты здорово сказал про рентгеновы лучи, сынок! А знаешь, что я тебе скажу? У каждого советского человека должны быть такие лучи!

— Это как?

— А вот так... Подумай сам. А теперь давай спать. У тебя-то, правда, завтра выходной, но у меня ответственный рейс: я возвратился на электровоз и веду утром из Ростова скорый «Тбилиси-Москва»...

Какая-то буйная сила подбросила Сережу с кушетки. Он заплясал посреди комнаты, зажег свет, выскочил за дверь и завопил на всю квартиру:

— Девчонки! Бабушка! Вставайте! Папа возвратился на электровоз! Вставайте!

Понадобились некоторые усилия домашних, чтобы успокоить и уложить Сережу в постель.

...Подходит к концу рассказ о милом сердцу автора ростовчанине Сереже Назарове. Может статься, иной читатель скажет, что рассказ, собственно, шел не столько о Сереже, сколько о юных и взрослых людях, с которыми он встречался в течение прошедшего года. Но разве в жизни на самом деле бывает не так? Разве не приходится вам каждый день сталкиваться с десятками самых разных людей? Одни мелькают мимо вас и сразу забываются. Другие врезаются в память, потому что задели какую-то струну вашей души. И звенит потом эта струна долго-долго, пробуждая разные мысли и желания. Как хочется, чтобы они, эти мысли и желания, всегда были честными и чистыми и чтобы все люди старались быть «монтигомами»!

Утром Сережа стремительно бежал по ростовским улицам и переулкам. Потный и задыхающийся, он ворвался в квартиру своего давнего приятеля и хрипло закричал:

- Скорей, Валерка, скорей!
- Куда? — изумился Валерка.
- Бежим! Потом узнаешь...

Много дней Сережа ждал этого победного часа. Все было именно так, как рисовалось Сереже в его мечтах.

Друзья прибегали на вокзал, когда на пути уже стоял пришедший с юга скорый поезд «Тбилиси Москва». Но Валерка не обратил на вагоны этого поезда никакого внимания.

— Опять в Батайск поедем? — спросил он, вытирая ладонью мокрое лицо и тяжело дыша. — А где же паровоз...

— Пойдем, — сказал Сережа, пробиваясь сквозь толпу пассажиров к головному вагону.

И тут они увидели новенький, изумрудного цвета электровоз с яркой надписью на борту: «Вперед к коммунизму!» А в окне электровоза виднелось сосредоточенное лицо машиниста Константина Сергеевича Назарова.

Как гордился Сережа отцом в эту минуту!

— Понял? — сказал Сережа Валерке.

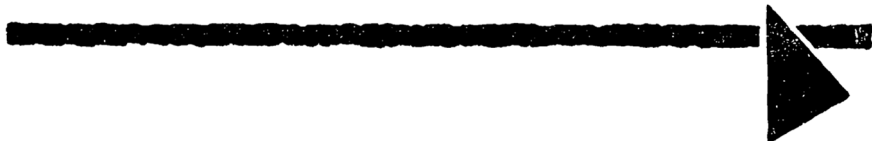
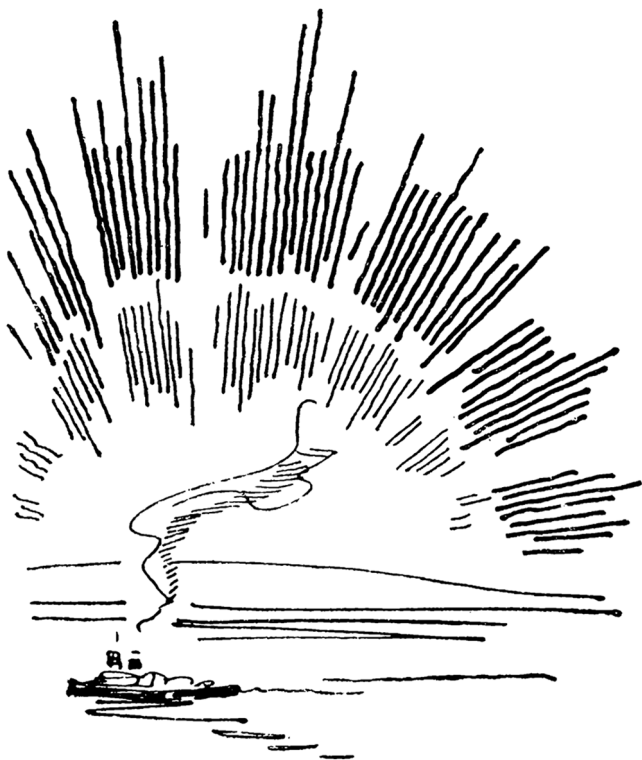
— Понял! — крикнул Валерка, зачарованно глядя на электровоз.

Поезд мягко, почти бесшумно тронулся. И когда мимо них проскользнул последний вагон, Сережа вздохнул и твердо сказал:

— Я буду машинистом, Валерка.

— И я, — не менее твердо сказал Валерка.

Северное лето

I

Если вы никогда не плавали на обласе, вам не понять удивительного чувства невесомости, которое испытывает человек на этом крохотном суденышке. Течение сразу подхватывает вас и несет с такой легкостью, словно облас не лодка, а потерянное птицей перышко. И право же, вы некоторое время чувствуете себя не человеком, а комаром, опустившимся на это перышко.

Впрочем, комар на перышке чувствует себя, наверное, уверенней, чем человек, впервые севший в облас. Одно неловкое движение, и ваше суденышко запляшет под вами так, будто вы сидите не в лодке, а на бешеной лошади. Если на одно мгновение вы не удержите равновесия, облас перевернется вверх дном.

Мы, жители севера, — и ханты и манси — с самого раннего детства учимся управлять обласом при помощи одного весла. В нашем тасжном краю нет числа рекам, протокам и озерам. В половодье ни проехать на машине, ни пройти пешком. А на быстроходном и легком обласе ты, как птица, пролетаешь по водной глади десятки километров, не испытывая никакой усталости, — только сердце чуть замирает от упоительной скорости и невесомости.

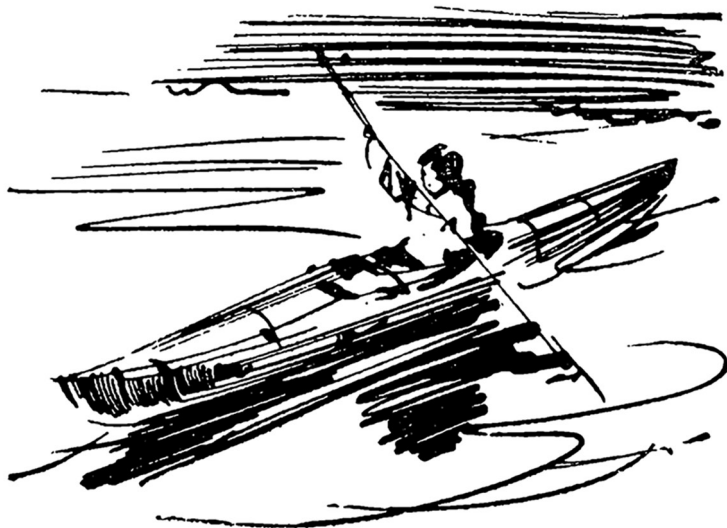
Третий час я плыла на обласе по Чуику. Этот неширокий и глубокий приток Оби то и дело стремительно петляет в тайге. Могучие кедры и сосны, подступающие к самой воде, протягивали ко мне неподвижные мохнатые лапы. Бесконечную лесную тишину нарушал только плеск моего весла.

Шел двенадцатый час ночи, но было совсем светло: наступило чудесное время белых ночей. В прозрачном небе, не сгорая, полыхала багровая заря: солнце всю ночь катилось где-то совсем близко, за линией горизонта.

Я торопилась к дедушке и брату, по которым очень сильно соскучилась. Целый год я жила у старшей сестры в центре нашего национального округа Ханты-Мансийске, славном городе, что стоит в том месте, где Обь сливается с Иртышом. Окончив восьмой класс, я возвращалась теперь домой на каникулы.

В родном поселке на Чуике я не застала дедушку и брата: они уехали с рыболовецкой бригадой на Обь, в летнее стойбище, которое мы, ханты, называем — пууль. В поселке я пересела с речного парохода на облас и отправилась в пууль.

Река сделала еще одну петлю, и моим глазам открылся бескрайний речной разлив. Здесь Чуик впадал в Обь.

Вдалеке я увидела длинный песчаный берег и неподалеку от него остроко-
нечные чумы.

В пууле было тихо, рыбаки уже, конечно, спали в этот поздний час. Одна-
ко на самом берегу, на темной коряге, выброшенной течением на песок, сидел
парень. От яркой ночной зари вся его неподвижная фигура казалась розовой.

— Здравствуй, Кирка! — радостно крикнула я и вздрогнула — таким гром-
ким показался мне собственный голос над тихой рекой.

Он что-то пробормотал в ответ и не пошевелился.

Я жадно смотрела на берег. На кольях, воткнутых в землю, висели сети. Ря-
дом с ними на траве дремала стая собак. Мохнатый пес поднялся, потягиваясь,
и лениво пролаял в мою сторону. Но остальные собаки, разжиревшие от дли-
тельного безделья, даже не пошевелились. А ведь зимой эти собаки, как вихрь,
несут по снегу легкие нарты...

Милые, славные собаки! Мне захотелось пощекотать им бока, потрепать
за уши!

Облас ткнулся носом в берег, но течение тотчас же начало относить его.

— Помоги мне, — попросила я Кирку.

Он продолжал сидеть, равнодушно глядя на меня.

— Ну же! — сказала я с сердцем. — Экий ты, право, Кирка.

Он не спеша поднялся и без труда вытянул облас на песок. Я вышла на бе-
рег со своим походным рюкзаком, отбросила за плечи косы и вытерла на вис-
ках пот.

— Почему ты не хочешь здороваться со мной, Кирка? Неужели ты, как
и раньше, когда мы вместе учились, не признаешь девочек?

— Здравствуй, Анэ, — мрачно ответил Кирка.

Он стоял передо мной в длинной светлой рубашке без пояса, заложив руки за спину и расставив босые ноги в закатанных брюках.

Я чутьчку обиделась на Кирку. Уж очень он равнодушно отнесся к моему возвращению и никак не оценил ни моего нового рюкзака, ни нарядного платья, которое я впервые надела перед отъездом из Ханты-Мансийска.

Мы помолчали.

— Дедушка в пууле, Кирка?

— В пууле. Вон в том чуме...

У меня забилося сердце, и я торопливо направилась к чуму.

— Надо облас перевернуть: пусть высыхает, — напомнил мне Кирка.

Он помог мне перевернуть облас вверх дном и воткнул в песок весло.

— Как ловится рыба, Кирка?

— Плохо! Еще вода высокая. Бригада перебралась в пууль еще в начале июня, только рыбакам делать нечего.

— Рыба ушла в соры, Кирка?

— Да, Анэ.

Соры — это бескрайние заливные луга, где рыба находит много корма и где ее не беспокоит бурное течение паводка. Я отлично знала, что добывать рыбу во время паводка трудно. Лишь когда вода начнет убывать, рыбы стаи устремятся по протокам в Обь. Тысячи, сотни тысяч рыб будут так торопиться, будто их подгоняет страх, что протоки пересохнут раньше, чем они доберутся до реки!

И я поняла, что в пууле жизнь течет скучно и тихо. Спасаясь от комаров, рыбаки, должно быть, сидят у костров перед своими чумами, курят трубки и, вздыхая, поглядывают на реку.

Я взглянула на Обь. Сейчас она не походила на реку. Разлившаяся до самых облаков на далеком горизонте, она казалась тихим морем, вылитым из голубовато-желтого стекла. Ни одной складочки не было заметно на пустынной зеркальной поверхности реки, только одинокие халей — крупные белые чайки, — резко вскрикивая, кружились вдали над водой.

— Ничего, Кирка! Наверно, вода начнет скоро убывать.

— Да, твой дедушка говорит, что, может, через день, а может, через два. Твой дедушка, Анэ, все знает... Мой отец считает, что план его бригада выполнит. Он в прошлом году получил почетную грамоту, — в голосе Кирки зазвучала гордость.

— Я очень рада, Кирка. Правда, очень рада. А почему ты до сих пор не спишь?

— Так просто, — зевнул он, — читал...

— Читал? Так поздно?

— Книга интересная...

Он поднял с коряги книгу. Я посмотрела на Кирку с некоторым уважением, хотя на пальцах, которыми он сжимал книгу, я заметила длинные и довольно неряшливые ногти. Их давно следовало бы укоротить...

— А ты, Анэ, не привезла каких-нибудь книг? — и Кирка внимательно оглядел мой рюкзак.

— Привезла, Кирка! Я дам тебе почитать.

— Вот хорошо! А то в пууле очень скучно. Ребят нет, одни малыши.

Попрощавшись с Киркой, я почти бегом бросилась к чуму, просунула голову в темное отверстие и зашептала:

— Пюрыс-ики¹. Пюрыс-ики...

Через несколько секунд я припала к теплой груди дедушки и, поглаживая его шелковистые волосы, видела, как из душноватой темноты чума ко мне приближается заспанное лицо моего брата Никулки. Он сонно улыбался мне...

Какой радостной была эта минута! Я и предполагать не могла в эту минуту, что в пууле меня подстерегает несчастье. Но об этом я расскажу позже...

II

Дедушку моего, знаменитого охотника и рыболова, знали когда-то далеко за пределами Ханты-Мансийского округа. Его фотография была однажды напечатана даже в московской газете.

Нас было трое внучат у дедушки: моя старшая сестра Марийка, средний брат Никулка и самая младшая я — Анэ. Наши родители умерли рано, и всю свою любовь дедушка перенес на нас.

Я была совсем маленькой, когда дедушка очень серьезно поссорился с Марийкой. Вот как это случилось.

Дедушка помнил десятки удивительнейших историй и часто рассказывал их Марийке зимними вечерами, когда за стенами нашей юрты в густой темноте металась и ревела пурга. Я и Никулка обычно спали, а Марийка жадно слушала дедушку. На его лице темнели глубокие морщины, а белые волосы спускались почти до самых плеч. Марийка проводила рукой по его мягким шелковистым волосам и просила:

— Пюрыс-ики, расскажи что-нибудь...

У дедушки был низкий глуховатый голос. Не выпуская изо рта трубки, он рассказал о том, что где-то далеко-далеко, за облаками, живет могучий Торум — самый главный из богов. Старшего сына Торума зовут Кан-ики. Он живет на берегу черного озера. Захочет Кан-ики, и у людей будет много болезней и горя. Захочет — и все будут здоровы.

Дочь Торума, красавица Чарос-най, живет на самом крайнем севере, в том месте, где море становится огненным. Чарос-най повелевает реками. По ее приказанию вода в реках прибывает и убывает.

А меньшой сын Торума, Вонт-ики, поселился в верховьях Оби, где эта великая река еще течет, как ручеек. От меньшего сына Торума зависит успех на

¹ Дедушка.

охоте. Вот почему, отправляясь на промысел, охотник готовил какой-нибудь дар для Вонт-ики, выносил его в лес и, кланяясь, говорил:

— Возьми, Вонт-ики, мой дар и дай мне хороший промысел!

Марийка любила слушать рассказы дедушки, но тут у них вышла размолвка. В это время Марийка уже училась в нашей поселковой школе, прочитала много книг из школьной библиотеки, от которых мир становится яснее.

И вот Марийка не удержалась и прервала рассказ дедушки:

— Пюрыс-ики! А ведь старые охотники напрасно просили Вонт-ики, чтоб охота была удачной.

Дедушка умолк и озадаченно вынул изо рта трубку.

— Почему, Марийка?

— Потому что никакого Вонт-ики нет!

Дедушка закашлял. Он кашлял долго, не глядя на Марийку и сердито взмахивая трубкой. Наконец он спросил:

— Кто это тебе сказал?

— Учительница.

— Она ничего не знает, ваша учительница! — вдруг закричал дедушка. — Она только портит детей в поселке! Она накличет на нас беду!

Марийка с негодованием взглянула на дедушку: он осмелился обидеть чудесную учительницу, любимую Анну Андреевну, знавшую все на свете! И впервые в жизни Марийка заспорила:

— Нет, дедушка, наша учительница знает очень-очень много!

Никогда раньше добрый дедушка не сердился на Марийку. Но на этот раз он разгневался не на шутку. Она ушла к подружке и проплакала полдня. А ве-

чером к ней пришли подружки, и Марийка прочитала им свои новые стихи. Всю душу излила она в этих стихах:

Бедные ханты боялись Торума —
Злого и грозного, страшного бога.
Трудно жилось нам когда-то с Торумом,
Голод жестокий и много болезней
Он посылал к нам зимою и летом.
Вдруг, будто гром, над тайгою пронесся
Голос могучий, веселый и звонкий:
«Мы к вам на помощь идем, наши братья!
Мы вам поможем зажить без тиранов,
Солнце зажжем над тайгою высоко!»
Партия Ленина шла к нам на помощь,
Солнце зажгла над тайгою высоко!

Было уже поздно, когда Марийка вышла из юрты подружки. Она сделала шаг в темноту и вздрогнула, увидев знакомую сутуловатую фигуру. Не отвечая на робкие приветствия подруг Марийки, дедушка сурово сказал:

— Иди домой... Но знай, что ты мне больше не внучка!

Марийка догадалась, что он слышал ее стихи. С того дня они жили, как чужие.

У Марийки началась своя особая жизнь. Как-то она сказала Анне Андреевне, что хочет стать учительницей. Колхоз помог ей уехать в Ханты-Мансийск. Сама Анна Андреевна собрала Марийку в дорогу.

Дедушка не вмешивался в решение внучки. В тот день, когда сестра уезжала, он прихворнул. Но я и Никулка видели, как он, не отрывая взгляда, следит из постели за Марийкой, укладывающей вещи. Когда все было собрано, мы вышли на улицу. Марийка расцеловала нас, и в эту минуту мы услышали голос дедушки:

— Марийка... дай мне то, что ты читала... тогда...

Марийка поняла, что он говорит о ее стихах. Она торопливо отыскала заветный листок и молча протянула его дедушке.

С тех пор прошло много лет. В Ханты-Мансийске Марийка окончила среднюю школу. Потом она училась в Тюмени в педагогическом институте и вскоре после Великой Отечественной войны получила диплом учительницы.

За все годы, пока Марийка училась в Ханты-Мансийске, мы ни разу не делились с ней, только переписывались. Когда я сообщила ей, что наш дедушка ослеп, не может больше охотиться и только вяжет рыбацкие сети и дает советы молодым рыбакам, Марийка сразу же приехала домой и не узнала своего поселка!

Ни одной дымной юрты! Высокие дома со светлыми тесовыми крышами стояли на высоком берегу Чуика. Солнце сверкало в стеклах широких окон школы.

На пороге школы Марийку встретила Анна Андреевна, наша добрая, постаревшая учительница.

— Какая ты стала большая и красивая, Марийка! — воскликнула Анна Андреевна.

— Где мне теперь искать наш дом? — взволнованно спросила Марийка.

— Все покажу, дорогая... Но зайдем сначала в школу. Сегодня у нас большое торжество!

Жители поселка пришли на утренник, посвященный окончанию учебного года. Дети читали стихи. К столу подошла девочка с тугими черными косичками. В руке она держала лист бумаги.

— Можно и мне продекламировать стихотворение? — спросила она.

— Конечно, — улыбнулась учительница.

Девочка отбросила за плечи косички и начала:

Бедные ханты боялись Торума —
Злого и грозного, страшного бога.
Трудно жилось нам когда-то с Торумом...

Марийка смотрела на девочку широко открытыми глазами: та читала ее стихи!

Партия Ленина шла к нам на помощь,
Солнце зажгла над тайгой высоко...

В зале раздались аплодисменты.

Марийка сорвалась с места.

— Анэ! — воскликнула она.

Ну, конечно, это была я. Мы горячо обнялись.

— Сестричка, где ты взяла эти стихи?

— Мне дал их дедушка... — отвечала я, задыхаясь от радости. — Он говорит, что это очень хорошие, правильные стихи...

Так помирились Марийка и дедушка.

Вскоре я уехала в Ханты-Мансийск к Марийке, где она работала в средней школе. Про себя я твердо решила стать, как и она, учительницей. Это было год назад...

III

Долго-долго дедушка, Никулка и я сидели возле чума на обрубке ствола. Я рассказывала им о Марийке, о Ханты-Мансийске, о том, как строится наш северный город, каким красивым становится. Дедушка слушал меня, не выпуская изо рта трубки, и тихонько бормотал:

— Да, да... Да, да...

Его неподвижные глаза были обращены на меня, но я знала, что он ничего не видит. Никулка, который обычно относился ко мне и Марийке чуть-чуть иронически, на этот раз внимательно слушал меня.

Прошедшей зимой Никулке минуло двадцать лет. На первый взгляд он выглядел крепким, широкоплечим парнем с редким пушком еще никогда не бритых усов. Но чем больше я смотрела на его лицо, тем больше что-то беспокоило меня. Почему Никулка все время отводит свой взгляд в сторону и не смотрит в мои глаза? Почему он вялый и скучный, будто рыба, выброшенная на песок? Еще год назад он был розовощеким, пышущим здоровьем юношей, а теперь я видела бледное, одутловатое лицо со странными лиловыми мешками под глазами. Наконец я не удержалась и спросила:

— Ты болен, Никулка?

Он криво усмехнулся:

— Почему ты так подумала?

— Не знаю, уж очень ты какой-то нечесаный...

Он снова усмехнулся:

— Гребешок потерял.

Дедушка вздохнул:

— Ему не гребешок надо, а хорошую палку!

— Не обижай его, пюрыс-ики, — заступилась я за брата, — я подарю ему гребешок.

— И все-таки Никулке нужна палка! — упрямо повторил дедушка.

После завтрака я убрала чум, постирала белье дедушки и Никулки — провозилась до самого обеда. Развешивая белье, я заметила, что Кирка со своими родителями живет в соседнем чуме. Соседи сидели перед чумом у котла, в котором варились дикие утки. Мне было отчетливо слышно, как отец Кирки, разламывая утку, сказал жене:

— Анэ — хорошая девочка!

Это было очень приятно услышать, и я почувствовала, что краснею.

— Анэ хорошо учится. Она ровесница Кирки, а уже перешла в восьмой класс, — ответила ему жена.

— Кирка два года сидел в пятом! — вздохнул бригадир.

— Ну и пусть! — услышала я голос Кирки. — Что девчонкам делать, как не получать пятерки? А я ползими охотился!

— Это правда, Кирка хороший охотник, — сказал отец.

Через час я случайно встретила с Киркой.

— Кирка! — окликнула я его.

— Уж очень ты задаешься! — бросил он и, не останавливаясь, пошел дальше.

Я немного растерялась. Откуда он взял, что я «задаюсь»?

А еще через час мы снова встретились на берегу реки.

— Кирка... — начала было я, но он оборвал меня:

— Чего ты привязалась ко мне, «хорошая девочка»? — Глаза у Кирки были колючие и злые. — Если ты такая хорошая, взяла бы и научила работать своего Никулку!

— Разве Никулка плохо работает? — удивилась я.

— Плохо работает? — рассмеялся Кирка. — Он просто никак не работает! Самый главный лентяй в бригаде!

Мое сердце сжалось, и я почувствовала, как мое лицо покрывается краской стыда.

— Ты врешь, Кирка! — крикнула я.

У меня закружилась голова. Кажется, это длилось всего несколько секунд. Помню, как кедр и пихты поплыли мимо моих глаз все быстрее и быстрее. Потом все сразу стало на свое место, я открыла рот, чтобы спросить о чем-то Кирку, но он уже исчез.

Со всех ног я бросилась в наш чум.

Никулка, разметавшись, лежал в постели и негромко похрапывал.

Я довольно грубо растолкала брата. Он замычал, открыл глаза и приподнялся на локтях.

— Анэ? Ты что? — спросил он, глядя на меня какими-то чужими глазами.

И в эту минуту я ясно почувствовала отвратительный запах винного перегара.

— Ты пьян, Никулка!

Он сел на постели и протер глаза.

— Ты слышишь меня, Никулка?

— Уходи, не мешай мне спать.

— Ты знаешь, что о тебе говорят в бригаде, Никулка?

— Что?

— Говорят, что ты самый главный лентяй в бригаде!

Никулка помолчал.

— Еще неизвестно, как я буду работать, когда пойдет рыба...

— Ах, Никулка, — с дрожью в голосе проговорила я, — если бы ты хорошо работал, разве посмел кто-нибудь говорить о тебе плохо?!

В это время я услышала шаги дедушки и выбежала из чума.

— Ты чем-то взволнована, Анэ? — спросил он, обнимая меня и прижимая мою голову к своей груди. — Мои глаза ничего не видят, но сердце не разучилось чувствовать.

Мы сели на обрубок ствола у нашего чума, и, чтобы что-нибудь сказать, я попросила:

— Пюрыс-ики, расскажи мне, пожалуйста, про Торума и его детей.

Дедушка усмехнулся.

— В это давно никто не верит, Анэ...

— Я знаю, пюрыс-ики. Это сказка.

— Да, сказка, — вздохнул он. — Но когда-то мы думали, что это правда.

— Волнами в реках повелевает Чарос-най? Ведь правда, я не забыла этого, пюрыс-ики?

— Да, Анэ, — вздохнул он, раскуривая трубку, с которой никогда не расставался, — когда-то мы считали, что успех на путине зависит от Чарос-най.

Я улыбнулась.

— Значит, Чарос-най за что-то обиделась на нашу бригаду, пюрыс-ики!

— Да, да, Анэ! — улыбнулся дедушка. — Вода в этом году долго не убывает, иначе рыба уже давно пошла бы...

В эту минуту я услышала в соседнем чуме презрительный смех Кирки: он слышал мой разговор с дедушкой.

Попозже, когда зашло солнце и небо покраснело от вечерней зари, Кирка вытащил из чума матерчатый полог и повесил его на холмике под деревом.

Мне очень хотелось поговорить с Киркой, и я вынесла из чума свой полог.

— Это ты хорошо придумал, Кирка, — сказала я. — В чуме очень душно, а под пологом, наверно, спится очень здорово!

Он не ответил.

Полог очень похож на детскую люльку, которая подвешивается к потолку. Разница только в том, что в нашей северной «люльке», со всех сторон защищенной от комаров легким ситцем, спят не дети, а взрослые. И подвешивается обычно полог не в доме, а где-нибудь на воздухе, под деревом.

Я долго пристраивала свой полог, путаясь в шнурах, но Кирка не помог мне. Наконец, закончив устройство постели, я окликнула его:

— Кирка!

Он притворился, будто спит.

— Кирка!

Он не вытерпел и высунул из полога голову.

— Чего тебе?

— Я хотела сказать, Кирка... Понимаешь, нас здесь только два комсомольца...

— Один, — быстро сказал он.

— Почему один?

— Потому что тот, кто слушает старое вранье про Торума, не комсомолец.

— Глупости! — сказала я. — Ты ничего не понимаешь!

— Тут нечего понимать... Учительница говорила, что Торум и его дети — это все... Ну, как это?... Я забыл, как это называется...

— Суеверие? — подсказала я.

— Да, суеверие.

— Но это же фольклор, Кирка! Ты знаешь, что такое фольклор?

— Ничего не знаю.

— Хочешь, я тебе расскажу?

— Не хочу!

Я рассердилась, а Кирка полез под полог, но долго ворочался с боку на бок и с тихим рычанием бил комаров, которые налетели под полог, пока он разговаривал со мной. Он так свирепо щелкал себя по ногам, по рукам, по лицу, что я расхохоталась. Услышав мой смех, он умолк и, наверно, притворился, что спит.

IV

Перед восходом меня разбудил кашель дедушки. Я высунула голову и увидела, что он стоит перед чумом. В безоблачном небе над Обью полыхала заря, и река была багровой, словно наполненная раскаленными углями из миллиона костров.

Дедушка стоял перед чумом в яркой ситцевой рубашке, настороженно повернув лицо к реке. В его неподвижных выцветших глазах слабо отражалась заря, которую он не видел. Справа от дедушки зашевелился и поднялся, потягиваясь, Ляты — рослый, сильный пес.

— Ляты, — тихо сказал дедушка и, почувствовав, как пес ткнулся носом в босую ногу, потрепал его по мохнатой спине.

Увидев, что он ласкает Ляты, Пыхтели — капризная и ленивая собака — тоже подобралась к дедушке. Она вертелась рядом и, слабо повизгивая, била его по ногам мягким хвостом.

— Пошла, Пыхтели, — сказал дедушка.

Собаки улеглись, и он снова стоял неподвижно, устремив к реке невидящий взор. Ветерок чуть-чуть шевелил седые волосы дедушки, и мне казалось, что его ноздри вздрагивают от приносимых ветерком запахов. Пахло сыростью, терпковато-пряными цветами белоголовника, холодной золой костра.

Но по тому, как дедушка держал седую голову, я поняла, что он чутко прислушивается. В этот тихий утренний час были слышны все шорохи, все звуки,

летающие со всех сторон. Вот в тишине тонко и надсадно звенит одинокий, отбившийся от стаи комар. Вот над головой зашуршала в ветках старая кедровая шишка и гулко шлепнулась о вытоптанную землю. Вот на берегу, в зарослях тальника, закричала и смолкла утка, а в соседнем чуме кто-то сонно забормотал...

Дедушка жадно слушал. Но я понимала, что все это было не то, что он хотел услышать, не то, что подняло его с постели. Может быть, ему что-нибудь померещилось во сне?

Я прислушалась и вдруг услышала далекие, дребезжащие, как звон разбитого колокола, крики птиц. Мне сразу стало все ясно. Я быстро надела платье и выскользнула из полога.

Дедушка улыбался, беззвучно шевелил губами, а дребезжащие звуки приближались, нарастали, заглушая все остальные. Это кричали халеи. Еще не видя их, я ясно представляла сейчас эту огромную стаю красивых белых птиц, наполнявших воздух резкими воплями и шелестом крыльев. Там, где-то за кедрами, птицы падают на воду, взлетают, кружатся, снова падают и снова взлетают, образуя над рекой живой белоснежный водоворот.

— Пюрыс-ики, халеи! — взволнованно сказала я.

Он, кажется, не услышал меня.

— Кул!¹ — громко закричал он. — Бригадир! Люди! Вставайте! Кул!

Он торопливо, нетвердой походкой слепого зашагал к берегу, вытягивая вперед руки и повторяя:

— Вставайте, вставайте! Кул!

Прошло не больше двух-трех минут, как пробудился весь пууль. Рыбаки выскакивали из чумов и, увидев над рекой халеев, взволнованно кричали хриплыми со сна голосами:

— Кул!

Выходили сонные, но радостно смеющиеся женщины, прижимая к себе детей, и так же громко повторяли:

— Кул!

Пууль наполнился шумом, говором, смехом, плачем встревоженных детей, лаем собак. Все стремились к берегу.

У воды я увидела Кирку. На его лице сияла улыбка. За ночь вода сильно убывала, песок не успел просохнуть, и на нем еще можно было разглядеть вчерашнюю линию воды. Впереди, в двухстах метрах от берега, неясно обозначилась выступившая из реки желтая песчаная коса. Она отделяла центральное течение Оби от протока, у которого рыбаки обосновали свой пууль. А над протоком носился белый ураган. Крики халеев походили теперь на скрежет металла. Поспешно подошедший бригадир что-то кричал на ухо дедушке, и тот так же отвечал ему, приложив к губам ладони.

¹ Рыба.

Я зачарованно смотрела на бешено кружащихся птиц — предвестников рыболовецкой удачи: если над водой много халеев, значит в воде идет много рыбы. Вот одна за другой птицы падают на воду и, отягощенные, взмывают со сверкающей добычей в клювах.

— Кирка! — закричал, склоняясь к сыну, бригадир. — Идем!

Они зашагали к виднеющимся в отдалении неводникам. Оживленный дедушка шел рядом с ними так легко и быстро, что мне вдруг показалось, что он прозрел.

А следом торопились все жители пууля — мужчины, женщины, дети и даже повизгивающие собаки, которым передалось всеобщее возбуждение.

Кирка помог рыбакам столкнуть один из неводников в реку, по-кошачьи прыгнул на корму и бросил на берег пята — канат от невода. Пятовщик закрепил его на пятном крюке — длинном и толстом древке.

Гребцы взмахнули веслами и лодка заскользила на середину протока. Рыбаки гребли сильно и быстро. Кирка и один из рыбаков почти в такт ударам весел метр за метром выметывали в реку невод. Большие халеи, распластав крылья, низко проносились над лодкой, и до некоторых можно было бы дотянуться рукой. Но Кирке сейчас было, конечно, не до халеев...

Устремнины бригадир круто повернул лодку по течению. Гребцы налегли на весла. На веселом лице бригадира выступил пот. «Хок, хок», — приговаривал он, погружая в реку свое весло. Гребцы торопились: чем быстрее выброшишь невод, тем больше поймаешь рыбы. Время от времени бригадир громко и протяжно покрикивал пятовщику, подвигающемуся вместе со своим крюком по берегу и регулирующему ход невода:

— Эй, на пяте, ходи, ходи-и, похаживай!..

Наконец неводник повернул к берегу, как раз к тому месту, где из воды высовывалась деревянная решетка огромного подсадка для пойманной рыбы. Навстречу лодке неслись приветственные крики. У посадка собрались уже почти все жители.

Рыбаки сбросили последние витки невода, и, прежде чем лодка с шуршанием вползла на прибрежный песок, двое рыбаков подхватили конечный канат невода и бегом подтянули его к сарайчику с лебедкой. Гулко затрещал электрический движок, и канат начал накручиваться.

Поплавки невода протянулись по реке огромным полукругом. Я видела, как вдалеке напрягается пятовщик, удерживая сносимый течением невод. Время от времени пятовщик выдергивал кол из песка, делал ловкий прыжок, приближаясь к нам, и снова глубоко загонял кол в песок.

Постепенно полукруг поплавок сужался, и вот, наконец, образовался почти замкнутый круг. Движок смолк. Рыбаки быстро выбирают невод. Проходит еще минута, и вода в кругу вдруг начинает рябиться, а затем она кипит, словно над костром, и там и тут показываются рыбы хвосты, плавники, и целые рыбы в брызгах, в блеске взлетают, извиваясь над водой.

— О-о! А-а! — шумно вздыхает толпа.

И вот поплавки невода почти у самого берега. Взошедшее солнце освещает красными лучами содрогающуюся серебряную массу.

— Центнеров десять! — громко говорит довольный бригадир, смахивая с лица пот. Он во весь рост стоит в лодке, в закатанных брюках.

— Не меньше десяти центнеров! — радостно утверждает он.

Кирка победно смотрит на меня, будто хочет сказать: «Вот я какой!» И я весело кричу ему:

— Молодец, Кирка!

А вдали от берега отчалил уже другой неводник, и новая линия поплавок протянулась по реке. В неводнике я разглядела Никулку, который быстрыми и равномерными движениями выметывал в реку невод. Как я счастлива в эту минуту!

...В тот вечер в пууле долго дымились костры, в котлах варилась рыба, и на земле повсюду сверкала чешуя. Собаки вертелись у тлемета¹, на тонких жердях которого повисли ряды приготовленной для копчения стерляди. Почти в каждом чуме появились первые бутылки душистого раку — жира, вытопленного из рыбьих внутренностей.

Весь пууль пропах рыбой. Всюду звучали веселые голоса и с лиц не сходили улыбки.

Когда пууль начал уже засыпать, я слышала, как в соседнем чуме бригадир сказал сыну:

¹ Приспособление для копчения рыбы.

— В наших посадках уже много рыбы, ее надо отправить на рыбоучасток, Кирка. Слышишь? Возьми завтра облас, плыви на рыбоучасток и скажи, чтобы поскорей прислали катер за рыбой.

Я подумала, что у меня есть хороший повод помириться с Киркой. Когда он направился к своему положу, я окликнула его:

— Кирка, возьми меня завтра на рыбоучасток.

Он остановился и подумал.

— Надо скорей плыть, а вдвоем будет тяжело, — проговорил он сурово.

— Я возьму другой облас, Кирка.

Он не ответил и пожал плечом.

...Рано утром два наших маленьких обласа отчалили от песчаного берега пууля.

Порозовевшая вода казалась неподвижной. Но стоило лишь на секунду задержать в воде весло, как стремительное течение начинало вихриться вокруг него и облас дрожал, словно в лихорадке.

Обласы быстро и неслышно скользили по реке.

— «Глядишь и не знаешь, идет или не идет его величавая ширина, и чудится, будто весь он вылит из стекла», — продекламировала я, и мой голос прозвучал над водой в тишине утра так громко и неожиданно, что Кирка вздрогнул. Я рассмеялась.

— Ты знаешь, кто это написал, Кирка? Это написал знаменитый писатель Николай Васильевич Гоголь, — весело сказала я. — Ах, Кирка, как он хорошо писал!

Обласы скользили мимо огромных кедров. От деревьев на реку легла широкая зеленоватая тень. В глубине леса было темно, и за неясными нагромождениями бурелома прятался, припадая к земле, туман. В вершинах кедров слышалось негромкое потрескивание, словно по деревьям стучали сотни маленьких молоточков. Это невидимые снизу ронжи¹ долбили клювами кедровые шишки.

Я шумно ударила по воде веслом и посмотрела вверх. Сотни крыльев про шумели в вершинах кедров, стоя темно-серых птиц со свистом взметнулась над деревьями и исчезла.

Лес кончился. Потянулись дуга с высокой, почти в рост человека, травой. Меня на минуту оглушило тревожное криканье диких уток. Время от времени из травы, подступающей к самой воде, вылетала то одна, то другая. С криком падали утки на воду перед нашими лодками и, распластав крылья, судорожно бились в волнах. Казалось, вот-вот облас заденет утку, но утка делала рывок вперед и снова шумно билась в сиянии брызг.

Так эти птицы отвлекают опасность от своих гнезд. Крики их похожи на стон. Ни один настоящий охотник не позволит себе поднять, ружье на утку-мать.

¹ Птицы из семейства вороновых.

Мы молча следили за этими самоотверженными птицами, и когда какая-нибудь из них оказывалась уж очень близко к обласу, Кирка махал на нее рукой и кричал: «Кш, кш!»

— Кирка, — сказала я, выравнивая свой облас по его обласу, — я давно хочу тебя спросить, почему ты всегда какой-то злой?

Он ответил что-то неясное.

— Я не слышу, что ты говоришь, Кирка, — усмехнулась я. — Ты не хочешь со мной разговаривать? Да, Кирка? Хорошо, я тоже с тобой не буду разговаривать.

Зеленые берега быстро скользили мимо. На солнце набежало легкое светлое облачко, которое просвечивалось, словно кисея, и солнце казалось за ним большим красным мячом. Прозрачный пар поднимался от воды. Косяк диких уток стремительно пролетел над рекой и скрылся на лугу.

На далеком противоположном берегу Оби я увидела едва различимые в утренней дымке строения и причалы рыбоучастка. Кирка круто повернул облас на стремнину. Я не отставала от него, подгоняя свой облас широкими взмахами весла.

В центре реки могучее течение начало относить мой облас. Вода вдруг ожила у борта, заплескалась, завихрилась. Кирка оглянулся и тревожно крикнул мне:

— Сильней веслом! Эй! Сильней!

Но я уже миновала стремнину и улыбнулась. Кирка увидел мою улыбку и быстро отвернулся.

V

На рыбоучастке я опустила в почтовый ящик письмо Марийке, в котором писала, что бабушка и Никулка сильно соскучились по ней и просят поскорее приехать.

Обратно в пууль мы возвращались с Киркой на катере рыбоучастка. Кирка стоял на корме, глядя, как летят по воде наши легкие лодочки, взятые катером на буксир. Мне было весело, хотелось шутить, и я неожиданно сказала Кирке на ухо:

— А твои черные ноготки, дорогой мой, давным-давно пора уже постричь...

Он не ответил, даже не посмотрел на меня и только сжал побелевшими пальцами перила.

Как только мы вернулись в пууль, Кирка исчез. Вечером я узнала, что он уехал на островок сторожить второй подсадок с рыбой.

Я села в облас и отправилась следом за Киркой. На душе у меня было очень скверно. Зачем я обидела Кирку?

Вдалеке, за кустами тальника, медленно плыли над тихой рекой огоньки: по Оби шел пароход. Потом огоньки исчезли, и до меня донесся протяжный и низкий гудок — это пароход давал знать о своем прибытии на пристань. Звук

катился над водой, как шар. Далекое эхо разногласо повторило гудок в лесу: казалось, что шар разбился о берег и осколками разлетелся по тайге.

Где-то испуганно забили крыльями и закричали утки: две из них поднялись в воздух и короткими тенями промелькнули над островком.

Я вышла из облака возле подсадка и пошла к низенькому ватташу¹, где надеялась найти Кирку. Он действительно сидел там на скошенной траве и сосредоточенно обрезал ножом ногти на руках. Он был так увлечен этим занятием, что даже не заметил, как я подошла.

— Кирка, ты очень сердишься на меня?

Кирка смутился и быстрым движением спрятал под себя нож.

— Зачем приехала? — помолчав, спросил он.

— Так просто... Ты сердишься?

— Нет... — вздохнул он.

— Я не хотела обидеть тебя, Кирка. Честное слово!

— Я не сержусь... — снова вздохнул он.

В эту минуту мы услышали плеск весел, и Кирка выскользнул из ватташа. Я посмотрела в щель, и у меня неприятно заныло сердце. К островку причалила большая лодка, и на песок из нее выпрыгнул Никулка. По-видимому, он не ожидал встретить здесь Кирку и, удивленный, остановился на берегу.

— Что тебе надо? — спросил его Кирка.

— Это мое дело, — усмехнулся Никулка. У него был сильный голос.

¹ Легкое летнее строение из веток тальника.

— Плыви обратно, Никулка!

Никулка покашлял и ничего не ответил. Он медленно подошел к Кирке, села на траву, скрестив ноги, и, достав трубку, пустил длинную струю дыма.

— Плыви обратно, — повторил Кирка, — и ложись спать.

Никулка снова усмехнулся.

— Винки нет... — Он поднял голову и постучал пальцем по горлу. — Никулка винки хочет.

— Здесь нет винки...

— Есть, — покачал головой Никулка.

— Где? — Кирка озадаченно посмотрел по сторонам.

— Вон там винка плещет хвостами. — Никулка показал на подсадок.

— Ты пьян, Никулка. Там рыба, а не винка.

— Ай, ай, Кирка, у тебя голова думает, как хвост у рыбы.

— Ты пьян, Никулка! — нахмурился Кирка.

— Ай, ай, зачем ты обижаешь Никулку? Меня и так все обижают. Говорят: Никулка лодырь!..

Кирка не ответил.

— Мне очень обидно, и я приехал сюда, — говорил Никулка. — Я подумал, возьму из посадка немного рыбы и повезу ее на пристань. Пассажиры купят у меня рыбу, а я куплю винки.

Кирка удивленно посмотрел на него.

— Ох, Никулка, это у тебя, а не у меня голова думает, как хвост у рыбы!

Никулка миролюбиво рассмеялся.

— Я возьму немного, и никто не заметит, что рыбы стало меньше.

— Нельзя...

Продолжая посмеиваться, Никулка похлопал Кирку по плечу и пошел к посадку. Не поднимаясь, Кирка пошевелил ружьем и для убедительности постучал прикладом о землю.

— Эй, Никулка, уходи прочь!

— Дурак! — вдруг рассвирепел Никулка. — Убери ружье!

Он двинулся на Кирку, подняв руку, но тут я выскочила из ватташа, и Никулка застыл с поднятой рукой и открытым ртом.

— Стой, стой! — закричала я. — Никулка, какой ты... какой ты...

Я задыхалась и больше не смогла ничего сказать. Закрыв лицо руками, я заплакала. Кирка и Никулка молчали. У меня подкашивались ноги, я села на траву и отняла, наконец, руки от мокрого лица.

— Зачем ревешь? — Никулка осторожно подошел ко мне.

— Уйди! — закричала я.

Должно быть, у меня в глазах было столько злости что Никулка попятился.

— Зачем кричишь?... — растерянно заговорил он — Не надо кричать...

— Не надо кричать? На тебя не кричать надо!.. Как бы я побила тебя, если бы была посильней! Ты, оказывается, не только лентяй и пьяница, но еще и вор!

— Плыви обратно, — повторил Кирка, — и ложись спать.
Никулка снова усмехнулся.

— Молчи! — хрипло крикнул Никулка. — Молчи, Анэ!

— Вор! Вор! — повторяла я, захлебываясь от слез. — Мне стыдно, что у меня такой брат! Мне стыдно смотреть в глаза людям! Ты мне не брат! Все в колхозе презируют тебя! Все!

Никулка внезапно повернулся и молча побежал к берегу. Я слышала, как он сопел, торопясь столкнуть лодку, потом неловко прыгнул в нее и ударил по воде веслами. Скоро лодка скрылась за излучиной реки.

А я все плакала. Кирка подошел ко мне, сел рядом и смущенно покашлял.

— Анэ, — тихонько шепнул он, — не плачь...

— Ах, Кирка, — сказала я, вытирая лицо ладонями, — если бы ты знал, как... как мне стыдно.

Он снова покашлял.

— Не плачь, Анэ!.. Я никому не скажу, что сюда приезжал Никулка...

Я улыбнулась сквозь слезы. Какое у Кирки хорошее, доброе сердце!

Я вернулась в пууль. Возле чума бригадира ярко горел костер, вокруг которого широким полукругом сидели рыбаки. Кто-то рассказывал что-то веселое, и все покатывались со смеху.

Я незаметно пробралась к своему пологу и легла. Однако дедушка все-таки услышал шаги, подошел к пологу и погладил мое лицо шершавыми пальцами.

— Ты плачешь, Анэ?

— Пюрыс-ики, а где... Никулка?

— Лежит в чуме и тоже плачет... Ничего, Анэ, это хорошо. Пусть поплачет... Это хорошо, что он плачет.

VI

На следующий день в пууль прибыла плавучая культбаза — огромная белая баржа с киноустановкой, библиотекой и веселой музыкой.

Но мне было совсем не весело. Я сидела на берегу, свесив с обрыва ноги, и грустно слушала песни, которые неслись над рекой из громкоговорителей. И тут я услышала тихий голос Кирки:

— Анэ...

Он подошел совсем неслышно.

— Сердце болит, Кирка, — сказала я.

— Ты все думаешь про Никулку?

— Почему ты знаешь мои мысли? — спросила я, вытирая глаза.

— Знаю... — тихо говорил он. — Я смотрел на тебя сегодня... и раньше смотрел... и знаю, что ты все время думаешь про него.

— Да, Кирка? Это такое горе... такое горе... — Слезы снова выступили на моих глазах.

— А ты не думай про него, Анэ... — у Кирки дрогнул голос.

— Кирка, — взволнованно проговорила я, — ты настоящий друг! Я буду помнить тебя всю жизнь... Дай мне руку, Кирка!

Он, не глядя на меня, протянул руку, и я крепко ее пожала.

Музыка внезапно смолкла, и я услышала, как на барже бригадир кому-то сказал:

— Вы прибыли в хороший день! Сегодня наша бригада выполнила план добычи рыбы!

На палубе собрались почти все жители пууля.

Я разыскала в толпе дедушку.

— Пюрыс-ики, а... где Никулка?

— В чуме... Ему очень стыдно, Анэ.

Никулка действительно был в чуме. Он даже не пошевелился, когда я вошла.

— Никулка, — тихо позвала я.

Он быстро приподнялся и сел. Мы молчали. Наконец он глухо проговорил:

— Зачем тебе нужен... вор?

— Не надо так говорить, Никулка! — вскрикнула я.

— Ты сказала, что я вор! — зашептал он. — Зачем? Я иногда пил винку...

Это плохо... Я мало работал... Это плохо... Я сам знаю... Но я никогда не был вором, Анэ! Слышишь? Я никогда не был вором!

Мне было очень жаль Никулку, однако я твердо сказала:

— Разве то, что ты хотел сделать, не воровство?

Он запнулся и вдруг закрыл лицо руками. Я подошла к Никулке и обняла его. Так без слов мы сидели долго, пока я не услышала голос Кирки:

— Анэ! Скорей! Сейчас начнется кино!

Я вышла из чума и поднялась на баржу.

Все торопились в кинозал. Но прежде чем все расселись, совсем неожиданно поднялся дедушка и заговорил:

— Мои глаза все равно ничего не видят, и я мог бы уходить... Но я не уйду, пока не услышу здесь тех слов, которые еще должен сказать мой внук Никулка. Этот радостный для всех нас день не будет радостным для меня, если я не услышу внука.

Все молчали.

— Никулка, говори, — шепнул кто-то в тишине.

В заднем ряду поднялся бледный Никулка.

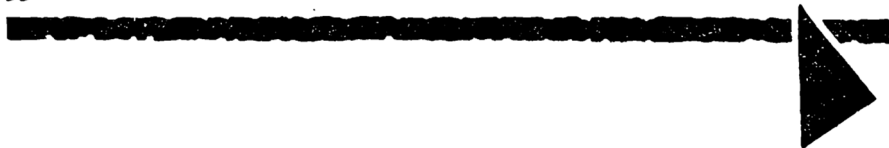
— Я буду... хорошим рыбаком, — сказал он дрожащим голосом и прибавил: — Клянусь!..

Больше он ничего не сказал.

Когда мы вышли из кино, оказалось, что над пуулем пролетела гроза. Я и Кирка взялись за руки и со смехом побежали по мокрому песку. Холодный воздух пахнул грибами.

Заходящее солнце сверкало в лужах, но в заречье над лесом клубились фиолетовые тучи. Там все еще шел дождь, длинные молнии вылетали из туч и проваливались в зелень леса. Гром недовольно урчал в фиолетовой гуще, но откуда-то сверху, из-за белых облачков, что легко плыли в поднебесье над дождевыми тучами, уже пробилась радуга. Огромным многоцветным мостом изогнулась она над тайгой, упираясь одним концом куда-то далеко-далеко, за тридевять земель.

Клад

Глава первая СОЛНЦЕ ПОЛЕСЬЯ

Весной 1941 года мама заболела воспалением легких. Поправлялась она медленно; в комнатах у нас днем и ночью пахло лекарствами, и папа сбился с ног в заботах о ней. Я помогал ему, как мог, и мне несколько раз пришлось пропустить занятия в школе, когда маме было особенно плохо.

Только в июне ей стало лучше. Папа уже выхлопотал было для нее путевку в крымский санаторий, как вдруг пришло письмо из Борисова от маминой сестры — тети Ньюши. Она писала, что маме нужно ехать не в Крым, а в Борисов на парное молоко и что там за лето мама сможет как следует окрепнуть.

Папа запротестовал, но мама, побледневшая и осунувшаяся за дни болезни, слабо улыбнулась и тихонько сказала, поглаживая папину руку:

— Ты только не волнуйся... Это будет замечательно, если я поеду в Борисов. Живет там Ньюша с мужем хорошо, домик у них такой аккуратненький, беленький, весь в яблонях... А солнышко в Борисове теплое, наше — белорусское! А Витюша меня проводит, он уже мальчик большой, самостоятельный.

— Солнышко в Крыму теплее, — возражал папа, — а там что? Известно, Полесье! Сырость, болота... Уж лучше в Москве оставаться. Ты, Таня, сама посуди.

— Но ведь там же мои родные места! Как ты не понимаешь? Я же выросла в Белоруссии! Я там от одного воздуха поправляюсь.

И мы поехали в Борисов.

Домик, в котором мы поселились, и на самом деле оказался беленьким и веселым, со скворечней на черепичной крыше. Он стоял посреди небольшого яблоневого сада, на окраине города, неподалеку от элеватора, которым заведовал дядя Леня — муж тети Ньюши.

Рядом белели другие веселые домики, и повсюду, куда ни помотришь, зеленели молодые яблони и над розовыми черепичными крышами торчали шесты со скворечнями. С утра до вечера в воздухе стоял гомон и посвист скворцов.

В первый же день приезда я надел свой новый костюм и отправился погулять по улицам Борисова.

Шел я важно, неторопливым шагом, сознавая свое превосходство над ребятами, игравшими на улице. Однако почти никто из них не обратил внима-

ния на мои тщательно выутюженные брюки, и только один малыш лет десяти визгливо крикнул мне вслед:

— Гляньте, ребята, во задастся! Подумаешь, какой! Вот подожди, тебя Сашка поколотит.

Такой прием огорчил меня. Впрочем, ненадолго. В тот же день случай свел меня с Сашей, ставшим скоро самым большим моим другом.

Это произошло после заката солнца, когда одиночество начало уже основательно меня томить. Я сидел на скамеечке подле ворот и рассеянно прислушивался, как за забором тетя Нюша звенит посудой, накрывая под яблонями стол к ужину.

От скуки я разглядывал раннюю вечернюю звезду, сложив пальцы трубочкой и приложив руку к глазу. Яркая, чуть голубоватая, с острыми дрожащими гранями, она казалась живым светлячком, неподвижно парящим в бледно-сиреновом небе.

— Телескоп-то не шибко сильный, — услышал я вдруг чей-то веселый, слегка сипловатый голос. — Далеко, брат, до Венеры.

Я отвел руку и с интересом взглянул на подошедшего паренька. Ему было лет четырнадцать. Невысокий, коренастый, с большим лбом, со сросшимися на переносице широкими черными бровями, он стоял передо мной, заложив в карманы руки, улыбаясь и щуря глаза.

По форме я сразу и безошибочно определил, что он учится в ремесленном училище, и тут же отметил, что он редко употребляет утюг и щетку. Давно не глаженные брюки пузырились на его коленях, а серые пятна на рукавах гимна-

стерки свидетельствовали, что он не задумывается, куда можно, а куда нельзя ставить локти.

— Далеко до Венеры, — повторил он, — сорок два миллиона километров!

— А откуда ты знаешь? — спросил я недоверчиво.

— Как откуда? — повел он широкими плечами. — Кто ж не знает, что до Венеры сорок два миллиона километров?

— Вот и соврал! — раздался тонкий голосок с другой стороны улицы. — Бывает сорок два, а бывает и двести пятьдесят восемь.

Из-за зеленого забора показалась русоголовая девочка. Две светлые косы с бантиками свесились на забор.

— Сорок два — это когда Венера к Земле приближается, — поучительно продолжала девочка.

По-видимому, ее поправка задела самолюбие моего нового знакомого, и он, поморщившись, проговорил:

— Много ты понимаешь!

— Побольше твоего!

— Ну ладно! Тебя не спрашивают, так ты и не суйся не в свое дело! Тоже мне астрономша! — Он повернулся к ней спиной и спросил меня: — Покурить есть?

— Вот подожди, Сашка, я скажу твоему мастеру, что ты куришь! Он тебе пропишет! — заносчиво крикнула девочка.

— Больно я тебя боюсь!

— Какой храбрец нашелся! Забоишься!

Он не нашел что ответить, и снова обратился ко мне:

— Так что ж, покурим?

— Папиросы кончились, — я солидно кашлянул, боясь, как бы он не подумал, что меня стесняет присутствие девочки. На самом деле я не курил.

— Пойдем до нас, — сказал Саша, — тут недалеко, за углом. У меня там залежался табачишко.

— Ай-я-яй! — Девочка зацокала языком. — Несчастные курилки! Вот заболеее туберкулезом!

— Не твоя забота! — прорычал Саша.

— Тетя Ньюша! — громко крикнула девочка. — Ваш племянник идет с Сашкой курить!

Саша стремительно наклонился, подхватил камень и метнул его в зеленый забор. Светлые косы подскочили и скрылись.

— Такая эта Валька противная девчонка, — говорил он мне по дороге. — Мать у нее учительница, так она тоже всех учит. Я с ней раньше в одной школе учился. Ты из Москвы?

— Из Москвы.

— А у нас сейчас горячка в ремесленном. Конец года, вздохнуть некогда. Я на слесаря учусь. А ты?

— Семилетку кончил.

— Как с отметками?

— Да ничего, — сказал я и, стараясь придать голосу равнодушный тон, прибавил: — Считаюсь отличником...

— Это хорошо, — вздохнул Саша, — а вот как у меня будет — еще неизвестно. С русским у меня, понимаешь, не идет дело.

Он сбегал домой и вынес на улицу коробку с табаком.

— Закуривай. Тебя как зовут?

— Виктор.

— А меня Сашка. Постой, ты что же табак рассыпаешь? Крутить не умеешь. Эх ты, парень! Привык московские курить. Давай-ка я тебе сделаю.

Он ловко скрутил мне папиросу и дал прикурить. Я втянул горький дым, задохнулся и закашлялся.

— Ядовитый табачишко? — спросил Саша сочувственно. — Оно, конечно, с непривычки трудно: крепкий — вырви глаз! А ты, если не привык, не мучайся, брось!

Я немедленно последовал его совету и затоптал папиросу. Потом мы посидели немного на скамейке, беседуя о всякой всячине. От табачного дыма меня подташнивало, и я то и дело сплевывал на дорогу.

— Ты рыбу ловить любишь? — спросил Саша.

— Люблю...

— Хочешь, в выходной на Березину пойдем? Вот такие окуни ловятся!

— Пойдем, — согласился я и сплюнул.

— Удочки у меня есть. Да ты что все плюешься?

— Так просто, — сказал я и снова сплюнул.

— Только встать до зорьки надо. На зорьке здорово клюет!

— Ладно, — сказал я и опять сплюнул.

Наконец я услышал, что тетя Ньюша зовет меня пить чай, попрощался с Сашей и побежал полоскать рот.

...Стол стоял под яблоней у открытого окна, из которого в сад потоком лился электрический свет. Он широким квадратом ложился на землю, отсекая у сумрака часть грядки с нежно-розовыми цветами, блестел в начищенном самоваре и терялся наверху, в темной зелени ветвей, усыпанных завязью яблок. Мошки и бабочки кружились в полосе света.

Мама сидела перед столом в кресле, бледная, но счастливая, с улыбкой на лице, и говорила тете Ньюше, которая обкладывала ее со всех сторон подушками:

— Ну, что ты, Ньюшенька, в самом деле... я уже совсем хорошо себя чувствую.

— А ты слушайся и не бунтуй! — ласково ворчала тетя Ньюша, низенькая, круглая, с такими быстрыми движениями, что за ними трудно было уследить.

— Леня, принеси-ка еще из спальни мою шаль.

Дядя Леня послушно ушел за шалью. Был он до такой степени не похож на свою жену — очень высокий, сутуловатый и медлительный, — что когда они стояли рядом, невольно делалось весело.

— Садись, Витюша, — сказала тетя Ньюша, указывая мне место и стремительно подставляя тарелку с вареными яйцами, вазочку с маслом и дымящуюся кулебяку.

— Тетя Ньюша, — взмолился я, — какой же это чай? Это целый ужин! А мы уже ужинали!

— Это еще что такое! — рассердилась тетя Ньюша. — Вы что, сговорились бунтовать? Ешь и не рассуждай!

— Ты, братец, со своим уставом в чужой монастырь не суйся, — сказал дядя Леня, набрасывая шаль на маму. Он добродушно рассмеялся: большой острый кадык задвигался на его длинной шее.

Я вздохнул и принялся за еду. И не пожалел: кулебяка просто таяла во рту.

Вокруг было удивительно тихо, тоненько пел на столе самовар, ароматный дымок от него сливался с запахом цветов и едва уловимым запахом хвои, приносимым ветерком от недалекого леса. Черный жук прогудел в воздухе и шлепнулся на белую скатерть.

— Как хорошо! — прошептала мама, и глаза ее заблестели. — Правда, Витюша?

— Угу, — промычал я, прожевывая кулебяку. — Тетя Ньюша, смотри, жук в варенье лезет!

— Экий нахал! — сказала тетя Ньюша, сбрасывая жука на стол. — На чужой каравай рот не разевай. Тебя еще здесь не хватало! Прямо как Гитлер!

Я рассмеялся. Дядя Леня качнул головой:

— Не нравится мне, что Гитлер свои войска к нашей границе стягивает.

— Как? — слабо ахнула мама. — Неужели стягивает? Я пока болела, совсем газет не читала... Да что ж ему у нас надо? Ведь сколько стран уже ограбил!

— А иной собаке бывает все мало, — сказал дядя Леня.

— Да ну тебя, Леня! — махнула на него полной рукой тетя Ньюша. — У нас же с Германией договор есть.

— А если сунется — дадим по зубам! — стукнул я кулаком по столу.

Дядя Леня басисто рассмеялся:

— Правильно, Витюша! По зубам дадим, если сунется! Это ему не Франция!

...Утром я проснулся от оглушительного скворцового гвалта. В открытое окно вливался прохладный, резко пахнущий левкоями воздух. Веселое солнце просачивалось сквозь листья, и на подоконнике покачивались розовые зайчики. За домом мычала корова, и было слышно, как тетя Ньюша стучит подойником.

Чтобы не разбудить маму, я, не одеваясь, в трусиках, вылез через окно в сад. Утренний холодок словно водой окатил меня с головы до ног, и я запрыгал возле грядки, размахивая мохнатым полотенцем. Потом, собравшись с духом, плеснул на себя из кадки несколько пригоршней дождевой воды и негромко взвыл:

— Бррр... у-ух...

Но тут я услышал, как на улице кто-то залихватно хохочет. Сквозь решетку забора я увидел белую кофточку, на которой ярко пылал шелковый пионерский галстук.

Валя стояла подле своих ворот и держала в одной руке зеленоватый походный мешок, собираясь, по-видимому, забросить его за плечи. Другой рукой она прикрывала смеющиеся глаза от солнца, глядя в мою сторону.

— Не вижу ничего смешного! — сердито крикнул я, спрятавшись за куст и растирая спину полотенцем.

Валя расхохоталась еще громче:

— Спортсмен-курилка!

— А я вовсе и не курю, — сказал я, краснея.

— Бессовестный обманщик! Я сама вчера видела.

— Ничего ты не видела...

— Нет, видела! Нет, видела, горе-спортсмен! Вот заболешь туберкулезом! Я погрозил ей кулаком.

Это было глупо, и я сейчас же пожалел об этом. Но было уже поздно. Валя презрительно пожала плечами и больше не смотрела в мою сторону.

— Мама! — звонко крикнула она, надевая походный мешок. — Я пошла!

Из ворот вышла высокая красивая женщина, такая же русоволосая и светлолицая, как Валя. Они обнялись и о чем-то заговорили вполголоса. Затем Валя легко и быстро зашагала по улице; косы бились о ее походный мешок. На углу она оглянулась, помахала матери рукой и скрылась за поворотом.

В узенькую калиточку я прошел из сада во двор. Тетя Нюша в сарафане доила в сарайчике корову, тугие струйки молока звенели в подойнике. Корова жевала губами и время от времени шумно вздыхала.

Тетя Нюша кончила доить, поднялась раскрасневшаяся, с капельками пота на лице и улыбнулась.

— Ты уже встал, Витюша? Выпей-ка молочка парного.

Я тут же во дворе выпил кружку теплого пахучего молока. Тетя Нюша внимательно наблюдала за мной и предложила вторую кружку. Я молча замотал головой и вытер ладонью губы.

Из двери высунулся дядя Леня в белой майке без рукавов, с бритвой в руке. Мыльная пена пышно покрывала его худощавое лицо и длинную шею.

— Нюша, а пускай-ка он в кино на дневной сеанс сходит. Чего ему скучать-то? Как ты думаешь, Витюша? Сегодня «Таинственный остров» идет. Хо-орошая картина!

После завтрака я отправился в город. День был спокойный и жаркий. Дворники поливали улицы из шлангов, вода трещала и шипела на булыжниках, тихо шелестела на листьях берез, когда струи воды взлетали вверх. Ребятишки прыгали по лужам, счастливо визжали и просили:

— Дяденька, обкати разочек!..

Солнце сверкало в распахнутых створках окон, под ветерком чуть-чуть шевелились занавески, и откуда-то доносились мерные и торжественные звуки рояля.

Тихий, славный город! Я, наверное, всегда буду помнить его таким солнечным, с белыми занавесками на окнах и мягкими, приглушенными расстоянием звуками рояля.

Выйдя из кино, я увидел на площади целое море белых рубашек и красных галстуков. И я сразу заметил Валью. Как только смолкла музыка, Валя вышла на тротуар и певуче-громко скомандовала:

— Сми-ирно! Ша-агом марш!

Необыкновенные приключения островитян, которые я только что смотрел в кино, сразу улетучились из моей головы. Я понял, что Валя председатель совета туристского лагеря, что она уезжает из города, и мне почему-то сделалось грустно.

Я стоял, прислонившись к дереву, и смотрел, как уходят на вокзал туристы. В последнюю минуту Валя внезапно повернула голову и узнала меня. Сначала она нахмурилась, но вдруг улыбнулась и помахала рукой. Через несколько секунд она исчезла, а я еще долго смотрел вслед ребятам.

Глава вторая СЫН ТЕЛЕГРАФИСТА

— Вечер добрый! — сказал Саша. — Ты что, рисуешь?

— Да нет, это я просто так, — смутился я и прикрыл бумагу рукой.

— Нет, ты брось прятать, — дернул он подбородком, — нехорошо талант скрывать. Дай-ка посмотреть, что у тебя там. Да ты не стесняйся... Ух, ты! Да это же у тебя пионерка нарисована! Смотри, и галстук и мешок походный... Так ты же просто художник, Витя!

Он поднял на меня свои черные восхищенные глаза.

— Что ты, Саша? Ну какой я художник?...

— Да еще какой! — Он положил на мое колено руку и заглянул мне в глаза.

— Скажи, ты рисовал в стенгазете?

— Ну, рисовал...

— Так я и знал! — Саша довольно хлопнул ладонью по моему колену. — А у меня как раз на художников дефицит. Я, понимаешь, редактор стенгазеты... Ты завтра вечером что делаешь?

— Ничего. А что?

— Пойдем к нам в училище? Поможешь мне стенгазету выпускать.

— Неудобно, Саша...

— И такое скажет — неудобно! Вот я директору расскажу про тебя, так мы тебя с оркестром встретим! Ладно?

— Ладно, — улыбнулся я.

...Мне понравилось училище Саши.

В светлом двухэтажном здании, окруженном молодыми липами и цветочными клумбами, нас встретила пожилая уборщица.

— Эй, ноги! Но-оги, ребята!

— Есть, тетя Дуся! — взял под козырек Саша.

Мы тщательно вытерли ноги и на цыпочках пошли по длинному коридору. Только что вымытый, он еще не высох и матово отсвечивал,

— Ты не смотри, что тетя Дуся кричит, — шептал мне Саша, — вообще-то она душевная.

В клубной комнате на двух составленных столах лежала длинная стенгазета. Она была почти готова. Не хватало некоторых заголовков и рисунков, да в самом центре еще не была наклеена одна заметка.

У стенгазеты шумно толпились ребята, двое из них, неуклюже обнявшись, вальсировали вокруг стола. Кто-то подпевал им и ладонями выбивал такт по сиденью стула.

— Знакомьтесь, — сказал Саша, — это тот самый художник из Москвы, что я говорил... Да что вы вертитесь, как в детском саду! Дайте человеку к газете подойти.

Мне стало неловко от всеобщего внимания и, как мне показалось, насмешливых взглядов, устремленных на безукоризненную складку моих брюк. Я поспешил занять место у стенгазеты и спрятал ноги под стол.

— Понимаешь, Витя, — говорил мне Саша, — мы объявили конкурс, кто лучше заметку напишет о том, как изменился Борисов в годы советской власти. Вот смотри, что получилось. А снимков сколько, видишь? Это он все наснимал, Гриша Науменко. У него фотоаппарат — первый класс! Он и тебя снимет, если хочешь. Гриша, снимешь?

— С полным удовольствием, — весело пискнул низкорослый, вертячий Гриша, с целым роем веснушек на носу и щеках.

Я с любопытством пробежал заметки. Они рассказывали о новых заводах и фабриках, о красивых жилых домах и асфальтированных улицах, о большом зеленом парке, о новых клубах и кинотеатрах. Сейчас я уже не помню всего этого. Помню только, что мне газета очень понравилась и я с удовольствием принялся рисовать и писать заголовки.

За окнами сгущался вечер, стекла сделались темно-фиолетовыми, а я, склонясь над газетой и высунув от старания кончик языка — есть у меня и по сей день эта дурная привычка, — рисовал и рисовал.

— Здорово у тебя, Витька, получается! — сказал Саша и, усмехнувшись, прибавил: — Спрячь язык! Потеряешь...

Скрипнула дверь. В комнату заглянул круглолицый, чисто выбритый мужчина, щуря в доброй улыбке глаза.

— Ай-яй! Что же это делается? Это же невиданное нарушение режима! — сказал он мягко.

Саша шепнул мне на ухо:

— Директор! — и сказал: — Мы уже кончаем, Георгий Савельевич... Честное слово. Сейчас ребята пойдут в общежитие, а мы с Витей домой. Только у нас еще не хватает кое-чего...

Директор быстро взглянул на меня.

— А, ты и есть москвич? Я уж про тебя слышался от нашего Саши. Значит, племянник Леонида Федоровича?

Георгий Савельевич внимательно осмотрел газету и, судя по всему, остался доволен.

— А что у вас здесь будет, ребята?

— Вот здесь как раз у нас и не хватает заметки, Георгий Савельевич, — вздохнул Саша. — Мы хотели здесь написать про комсомольцев — участников гражданской войны. Только, понимаете, не знаем, где нам найти таких в Борисове.

Георгий Савельевич задумался и вдруг посмотрел на меня.

— А знаете что? Напишите-ка о его дяде... О Леониде Федоровиче. Ведь он комсомолец с девятнадцатого года. А ты, Витя, передай ему привет от меня и скажи, что я на него в обиде: давно не заходил.

— Вот замечательно! — вскрикнул Саша, прищелкнув пальцами. — А мы-то и не знали! Сегодня же зайду к Леониду Федоровичу...

Директор кивнул и вышел.

— Хороший он человек, — почему-то вздохнул Саша. — Любят его у нас.

Я подумал, что Саша прав: в улыбке, в голосе, в движениях и даже в походке этого человека было так много простоты и задумчивости, что он как-то сразу располагал к себе.

Ребята свернули газету и начали прощаться. Но в эту минуту дверь распахнулась и на пороге неожиданно показалась длинная фигура дяди Лени.

— Очень хорошо! — сказал он, скрестив на груди руки и с усмешкой поглядывая на меня. — А мы, Витюша, решили уже, что ты или в Березине утонул, или под машину попал!

— Да ведь я совсем немножко задержался, дядя Ленья...

— Ну еще бы, с товарищами время незаметно идет. А дома-то ужин совсем остыл.

— Леонид Федорович! — торжественно сказал Саша. — Расскажите нам, пожалуйста, каким вы были комсомольцем?

Ребята снова развернули стенгазету и наперебой стали объяснять дяде Лене, какой заметки у них не хватает. Поняв, в чем дело, дядя Ленья стал серьезным. Он опустился рядом с нами на диван и, помедлив, сказал:

— Хорошо, я расскажу... только не о себе. Я расскажу вам об одном парнишке, которого звали Жоркой.

— Это что еще за Жорка? — недовольно прошептал Саша.

— А ты слушай... Жил он на железнодорожной станции, затерянной в северных лесах. Далековато отсюда. Зимой эту станцию заметало снегом, и стояла она по пояс в сугробах. Медный колокол одиноко мерз на пустом перроне. В это время где-то далеко шли бои, рабочие и крестьяне сражались за советскую власть. Было на станции известно, что в Архангельске высадились английские и американские интервенты и что вместе с русскими белогвардейцами они хотят пробраться к Москве и задушить молодую Советскую республику. Но на той станции было спокойно и тихо. Напыженные воробыи скучали на рельсах...

И вот однажды собралась на станции группа мальчиков и девочек. Было их человек десять. Самому старшему из них минуло шестнадцать лет. Расселись они в маленьком зале на холодных скамьях и, дуя на руки и постукивая ногами, выжидательно смотрели на Жорку. А Жорка, яростно потирая замерзший нос ладонью, с волнением говорил о том, что в ближайшие дни их комсомольской ячейке предстоит боевое дело и Жорка, как комсомольский секретарь, предупреждает всех об этом. Короче говоря, через станцию на север должно было проследовать несколько эшелонов с бойцами Красной Армии. Сам Жорка — он был сыном телеграфиста — заявил, что будет дежурить у телеграфного аппарата, чтобы помогать отцу поддерживать бесперебойную связь с красными частями. Другие комсомольцы — дети стрелочников, путевых обходчиков и сцепщиков, — выслушав своего секретаря, тоже обещали помогать своим родителям.

На другой день, ребята, случилось неожиданное и страшное: из леса на станцию налетела белогвардейская банда... Захлопали выстрелы, зазвенели и посыпались стекла станционных окон...

Скоро все стихло. Группу станционных рабочих и служащих бандиты вывели в лес и расстреляли. Среди них был телеграфист — отец Жорки...

Темной ночью Жорка пробрался к месту расстрела. Отец лежал на снегу, раскинув руки. Припал парнишка к его холодному лицу и долго беззвучно

*Темной ночью Жорка пробрался к месту расстрела.
Отец лежал на снегу, раскинув руки.*

плакал. А потом поднял голову и, посмотрев на станцию, прошептал что-то. Может быть, он давал самому себе какую-то клятву.

Комсомольскому секретарю был ясен замысел белогвардейцев, занявших станцию: они собирались перехватывать здесь эшелоны с советскими бойцами.

И вот Жорка пополз к станции. Долго ему пришлось лежать в сугробе, прежде чем часовой ушел в сторону. Подбежал мальчик к окну, забрался на подоконник и юркнул в станционный зал. Мимо окна, похрустывая снегом, прошагал часовой. Выждал Жорка, пока часовой скрылся, и осторожно двинулся к телеграфной комнате. Но тут под ногами захрустело стекло.

«Кто здесь?» — раздался в тишине чей-то голос.

Щелкнул затвор винтовки, где-то неподалеку блеснул огонь и грянул выстрел — такой оглушительный в пустом зале, что прошло несколько минут, прежде чем Жорка начал снова различать звуки. Он лежал на полу, настороженно прислушиваясь.

«Ты чего стреляешь?» — спросил кто-то, приоткрыв дверь.

«Вроде ходит кто-то», — ответил голос.

«Крыса, должно быть...»

Все стихло. И через некоторое время Жорка опять пополз. Потом, когда его расспрашивали об этой ночи, он никак не мог вспомнить, как долго он полз через зал; может, час, а может, больше...

Наконец просунул он голову в дверь телеграфной комнаты. На столе у аппарата колебался бледный огонек керосиновой лампы. Рядом лежала опрокинутая бутылка. У стола на ворохе соломы спал белогвардейский телеграфист. В комнате пахло спиртом и махоркой.

На цыпочках подобрался Жорка к аппарату и нажал ключ. И полетели по проводам точки да тире, сообщая о засаде, о том, какая страшная опасность подстерегает советских бойцов на лесной станции.

И вдруг за спиной Жорки раздался грозный окрик:

«Ты что это?»

И темная фигура белогвардейского телеграфиста, блеснув погонями, выросла рядом.

Не знаю, каким чудом удалось Жорке выскользнуть из его рук. Бросился он к двери.

«Стой!» — закричал бандит.

Свистнула сабля, и Жорка почувствовал ожог на голове и руке. Больше он ничего не помнил... Вот и все, ребята. На этом я и закончу рассказ про подвиг сына телеграфиста, комсомольца Жорки.

Дядя Леня умолк. Молчали и мы, захваченные рассказом.

— Он остался жив? — тихо спросил Гриша Науменко.

— Да, ребята, он остался жив, — кивнул дядя Леня. — В суматохе белогвардейцы забыли о нем. Пришел вскорости красный бронепоезд, обстрелял станцию, ну и банда, конечно, бежала. А Жорка жив и здоров до сих пор. Памяткой о прошлом остался у него только шрам на голове да на левой руке не хватает

двух пальцев. Да, ребята, это было боевое время! Один за другим через станцию шли эшелоны с красными воинами громить американцев и англичан. И принимали эти эшелоны и отправляли их дети стрелочников, путевых обходчиков и сцепщиков, расстрелянных бандитами.

— А Жорка? — настойчиво спрашивал Гриша Науменко. — Кто он? Как его фамилия?

Дядя Леня не успел ответить. В комнату снова вошел Георгий Савельевич.

— Вы еще не ушли? Это никуда не годится, ребята! — Но, увидев дядю Леню, он широко улыбнулся. — Ах, вот кто их здесь задерживает! Ну, здравствуй, Леонид. Как тебе наша стенная газета? Нравится?

Директор широким жестом указал на газету, и ребята вдруг увидели, что на его левой руке недостает двух пальцев.

— Георгий Савельевич! — завопил Саша. — Так это вы? Так это вы Жорка? Ох, ребята, какая у нас будет заметка!

Георгий Савельевич смущенно улыбнулся и, посмотрев на дядю Леню, укоризненно покачал головой...

...Дядя Леня задержался в тот вечер у Георгия Савельевича. Я возвращался домой вместе с Сашей по тихим улицам Борисова, и всю дорогу мы говорили об отважных комсомольцах, о маленькой северной станции.

На прощанье Саша сказал:

— Завтра выходной. Ты ложись сразу спать, а я тебя разбуду на зорьке. Пойдем рыбу ловить.

Я лег, но долго не мог заснуть. Где-то на улице звенела гитара и девичьи голоса стройно пели:

Так будьте здоровы, живите богато,
А мы уезжаем до дому, до хаты...

Глава третья ТРИДЦАТЬ ТРИ КОМАРА

На рассвете мы пошли на реку. Было прохладно, но от ходьбы я скоро разгорячился и расстегнул воротник рубашки.

Заря за дальним лесом пламенела все ярче и шире, и вода в Березине казалась совсем красной. На лугу там и тут, словно клочки белой ваты, лежал утренний туман. Так было тихо кругом, что я отчетливо слышал, как где-то далеко-далеко в степи щелкает кнут пастуха и неясно мычат коровы.

— Ты комсомолец? — спросил вдруг Саша.

— Нет еще, — сказал я, смутившись, — мне только в прошлом месяце четырнадцать исполнилось.

— И мне, — ухмыльнулся он, — значит, мы одноклассники. Я все хочу заявление подать, да как-то страшно, ... Какие у нас заслуги?

— Вообще страшновато, — согласился я. — Хорошо им было — Георгию Савельевичу и дяде Лене. Все-таки гражданская война, интервенты... Отличиться можно было.

— Да, подходящее время было, — вздохнул Саша и прибавил: — Ну, вот и пришли. Сейчас забросим удочки и подкрепимся малость.

Он остановился перед нешироким протоком, поставил ведро и, осторожно разложив на траве удочки, спросил меня о чем-то.

— Ага, — рассеянно ответил я, не слушая его и любясь разгорающимся утром. — Что ты сказал?

— Я говорю: ты есть хочешь или нет? — покосился он на большой сверток, который мне сунула перед уходом тетя Нюша.

— Ах, ты вон про что, — сообразил я и положил сверток на траву, — давай закусим...

Мы забросили удочки в реку, дрожащие круги побежали от поплавков по красной воде. Потом я развернул сверток, и Саша восторженно прищелкнул языком:

— Ух ты, и снарядила ж тебя тетя на рыбалку! Прямо как Папанина на Северный полюс... Эй, эй, смотри-ка, вот уже и клюет!

Он присел на корточки и выдернул из воды серебряную рыбку. Пока мы завтракали, поплавки несколько раз ныряли в воду. А когда я завернул остатки завтрака в газету, в нашем ведре билось уже с десяток окуней.

— А теперь давай покурим, — почмокал Саша губами, и глаза его блеснули. — Я сегодня для тебя московских припас.

Он полез в карман и торжественно вынул пачку «Казбека».

— Ты знаешь, Саша, — смущенно сказал я, — ты сам кури, а я не буду... Что-то у меня горло болит...

— Чудак, ты покури, может, горло-то и пройдет.

— Что ты! Еще хуже будет... Уж я знаю...

Саша повел плечами.

— Не хочешь — дело твое. А все равно чудак: ведь «Казбек» все-таки! Для тебя же купил...

Он обиделся и замолчал, свесив в воду ноги с закатанными до колен брюками. Время от времени он выпускал уголок губ струю дыма и иронически поглядывал в мою сторону. Вероятно, Саша думал, что, почуввав запах табачного дыма, я не вытерплю и попрошу у него папироску. Но этот запах, как мне казалось, только осквернял воздух, наполненный тонким и чистым ароматом луга и реки.

Взошло солнце, и вода в Березине сразу поголубела. Бесчисленными искрами блеснула на траве роса. Стайка птиц низко пролетела над лугом и скрылась в лесу.

На противоположном берегу протока босоногая девочка лет десяти, помахивая хворостинкой, гнала к воде стайку гусей. Свободной рукой она подтягивала подол платья, чтобы мокрая трава не касалась его, и что-то негромко напевала.

— Эй ты, курносыя! — крикнул Саша. — Гони своих пернатых куда-нибудь подальше, а то ты нам всю рыбу распугаешь.

Девочка внимательно посмотрела на нас, рассмеялась и удивительно звонким и тоненьким голоском продекламировала:

Жил на свете курносей,
Пас на речке он гусей.
— Эй, послушай, курносей,
Подари-ка мне гусей!
Отвечает курносей:
— Нет, не дам тебе гусей...
— Отчего же, курносей,
Ты не хочешь дать гусей?
— Оттого, что курносей
Любит кушать сам гусей!

Мы переглянулись и расхохотались. Она тоже заливисто засмеялась в тон нам, а гуси ее тревожно загоготали.

— Чепуха какая-то, но складно у нее получается, — сказал Саша. — А гусей ты все-таки, курносей, гони подальше.

Девочка весело ответила:

— А я их совсем и не на речку гоню, а вон в тот затончик. Там течения нету.

— Ладно, курносей, гони, гони!..

С каждой минутой солнце припекало все жарче, меня скоро разморило. Я долго крепился и, наконец, нерешительно предложил:

— Саша, давай поспим!..

— Ну что ж, давай. Клев теперь все равно хуже будет. А потом искупаемся — и домой. Рыбы-то у нас, смотри-ка, чуть не полведра.

Мы разлеглись на траве, и я почти моментально уснул под трели невидимого в небе жаворонка. Проснулся я от звучного щелканья бича и испуганно привскочил. Саша сидел, обхватив колени, и сонно улыбался. Вокруг нас, лениво помахивая хвостами, брели коровы — целое колхозное стадо. Высокий бородатый пастух, волоча по траве длинный кнут, покрикивал высоким, совсем молодым голосом:

— А штоб тебе тридцать три комара! Ку-уда?

Увидев нас, он остановился и усмехнулся.

— Здорово были, хлопцы. Рыбачите? — Когда он говорил громко, голос его звучал низко и басисто.

— Рыбачим, — сказал Саша, зевая. — Уж больно страшно, дедуся, ты своим кнутом стреляешь. Аж в ушах гудит!

— А это, брат, ловкость рук надо иметь. Ты что ж, ремесленник?

— Учащийся ремесленного училища, — с достоинством поправил Саша.

— А мне что в глаз, что в око. Главное, чтоб человек в жизни при деле был. Так, что ли?

— Так... — снова зевнул Саша.

— То-то и есть, что так, — старик задумчиво подвигал мохнатыми седыми бровями, поглядел вслед коровам, входящим в реку на водопой, и опустился рядом с нами на траву. — Это, значит, и обмундировку вам выдают?

— Выдают...

— Скажи на милость! И как же: за деньги или как?

— Или как, — улыбнулся Саша.

— Ишь ты, значит бесплатно, — качнул головой пастух. — Вот я до советской власти, при царе еще, тут у помещика работал. Так у него, значит, двое сынков были, гимназисты. Ну и тоже вроде тебя обмундировку носили. И пряжки тоже у них были такие блестящие. Озорные барчуки, шток им тридцать три комара! Один раз приехали летом на побывку к отцу в имение, приходят до меня на скотный двор и давай пряжками телочку гонять. А заодно и меня — хрясь пряжкой по спине!

— Уж я бы им хрястнул! — нахмурился Саша и повертел перед собой кулаком.

— А им всем хрястнули в гражданскую, — сказал дед. — Так хрястнули, что штаны они уже за границей подбирали, шток им тридцать три комара! Только мой помещик, скажу я вам, хлопцы, жох был. Прежде чем, значит, бежать, взял да и закопал в лесочке все свое богатство. Думал, что вернется скоро.

— Это в каком же лесочке? — заинтересованно спросил Саша и приподнялся.

— Вроде бы в том, — старик указал кнутовищем на гряде леса, подернутую синеватым колеблющимся маревом жаркого летнего дня.

— А что за богатство?

— Ну, известно, какое у помещика богатство — алмазы да жемчуга там разные, золото опять же. В общем, ежели на деньги перевести, так миллиона три будет. Целый клад!

Саша ударил себя по коленкам ладонями.

— Так что же ты, дедуся, молчишь столько лет! — с жаром воскликнул он.

— Да ты знаешь, на этот клад целый завод построить можно!

— А кто тебе сказал, что я молчу? Я, может, уже раз сто говорил.

— Ну и что?

— Ну и то. Не верят мне. Говорят, что помещик за границу все свои ценности увез.

— А может, и вправду увез, — сказал я. — Ты, дедуся, откуда знаешь, что он клад закопал?

— Помещичья горничная сказывала.

— А где эта горничная?

— Померла от сыпняка в гражданскую.

— Эх, дедуся, дедуся, — махнул рукой Саша и досадливо почесал пальцами свою переносицу со сросшимися бровями, — рассказываешь ты нам байки, а мы и уши развесили.

— А это как знаешь: хочешь — верь, хочешь — нет.

— Да ты хоть скажи, в каком месте клад закопан. Лес-то большой.

— Ишь ты, какой приткий! — усмехнулся дед, и в зарослях седых волос на его лице весело засверкали маленькие глаза, ясные и голубые. — Ишь ты какой, — повторил он басисто. — Кабы кто знал, в каком месте, так мы бы с тобой сейчас не обсуждали этого самого вопроса.

— Вот бы найти этот клад, — мечтательно щурясь, сказал Саша, доставая из кармана папиросы. — Правда, Витя!

— Да, здорово было бы, — согласился я.

Дед покосился на Сашины папиросы и как-то странно хмыкнул.

— Покуриваем, значит?

— Покуриваем, — Саша открыл коробку. — Пожалуйста, дед Юхим.

— А ты мне весь коробок покажи. Я что-то и не видал таких сигарок. — Он взял из рук Саши папиросы и повертел их перед глазами. — «Казбек», значит... Так, так... — Он открыл коробку, понюхал табак, затем закрыл ее и неторопливо засунул в свой карман.

— Да ты что, дед? — Саша вдруг побагровел так сильно, что даже его шея стала красной. — Ты что?..

— А я ничего, — блеснул дед Юхим своими лучистыми глазами.

— Как ничего? Отдай папиросы!

— И не подумаю.

Лицо Саши из багрового стало пепельно-серым. Подбородок его подергивался, словно он хотел заплакать.

— Отдай папиросы, дедуся...

— И не проси лучше!

— Это же грабеж среди белого дня, — жалобно сказал Саша дрожащим голосом и поднялся.

Дед Юхим постучал по земле кнутовищем.

— Вот я тебе дам грабеж! Ишь ты мне. Это есть забота о тебе. Понял? Забота о твоём здоровье, чтоб тебе тридцать три комара!

— Знаю я такую заботу, сам покурить «Казбек» захотел!

Дед Юхим поднялся так быстро, что Саша опасливо отпрянул в сторону.

— Ах ты, поганец! Да я эту отраву и в рот никогда не брал! — Он вынул коробку из кармана широких шаровар, швырнул себе под ноги и затопал по ней сапогом. — Вот тебе твой «Казбек»! Вот тебе твой «Казбек»! — приговаривал он.

Потом дед Юхим мощными узловатыми пальцами старательно сгреб в горсть остатки того, что называлось папиросами, и с размаху швырнул в реку. Саша только слабо охнул.

— Государство на него тратится, кормит, поит, одевает, как мать родная, уму-разуму учит, думает, что для общей пользы он дельным да здоровым человеком растёт, а парень отраву себе в глотку пускает! Кто тебе такое право дал? Кто, я спрашиваю? Раньше только буржуйским детям такой почет, как вам, был. Это ценить надо.

Дед Юхим круто повернулся и пошел к стаду, которое разбрелось далеко вдоль берега. Часть коров по грудь стояла в воде, наслаждаясь прохладными струями реки.

— А ну, милыя! — молодым голосом вдруг крикнул дед и громко стрельнул бичом.

Мы молча смотрели вслед стаду, удаляющемуся от реки в знойную степь.

— Тридцать три комара! — проворчал Саша и вздохнул. — Хотя бы одну папиросу оставил... А все-таки занятный дед.

— Хороший дед! — вырвалось у меня. — Слушай, а давай клад искать.

— А что ты думаешь, — помолчав, сказал он. — Я считаю, что, если по-настоящему за дело взяться, толк выйдет... А как думаешь, Витя, если мы клад найдем, придет нам правительство благодарность?

— Думаю, что придет. Ведь не шутка — три миллиона!

Мы искупались в Березине и отправились домой, доев предварительно с большим аппетитом все, чем снарядила нас тетя Нюша.

От солнца и воды лицо мое горело. Дышалось легко, шагалось бодро, и на сердце было весело. Рыба чуть-чуть плескалась в нашем ведре, которое мы несли на палке.

Саша скоро забыл о папиросах, увлеченный беседой о кладе. Всю дорогу мы строили планы нашего похода в лес. И когда пришли в город, то не сразу заметили необычайное возбуждение на улицах, группы о чем-то разговаривающих людей, тревогу на лицах.

У ворот нас встретили тетя Нюша и бледная испуганная мама.

— Витюша, наконец-то! Где вы бродили так долго?... Война... Гитлер напал на нас.

Мама обняла меня и заплакала.

...Вечером мы получили телеграмму. Папа сообщал, что уходит в армию, и просил маму и меня поскорее вернуться в Москву.

Глава четвертая ВРАГИ

В самые первые дни войны еще можно было выехать из Борисова, и мы с мамой настаивали на этом. Однако тетя Нюша убежденно твердила, что раз папа в армии, то уезжать маме, пока она не поправится, нет никакой необходимости.

Но когда сводка Совинформбюро сообщила, что наши войска ведут бои с танковыми частями противника на минском направлении, все забеспокоились. Решено было, что в Москву с нами поедет тетя Нюша, а дядя Леня, как коммунист, задержится в Борисове до тех пор, пока райком партии не даст ему указания, как поступать.

В ту же ночь фашистские самолеты налетели на Борисов и разбомбили железнодорожную станцию. Поезда ходили без расписания, и попасть в переполненные вагоны оказалось невозможно. У меня мелькнула было мысль идти пешком, но, взглянув на еле двигающуюся маму, я даже не заикнулся об этом.

Несколько ночей мы провели в погребе на чемоданах, измученные от бессонницы и тревоги. Дяди Лени не было с нами: днем и ночью он где-то пропадал, забегал домой лишь на несколько минут, чтобы на ходу перекусить, и снова исчезал. Он похудел и осунулся, небритое лицо его выглядело постаревшим, и мне казалось, что острый кадык на его шее стал еще больше. Только серые глаза дяди Лени смотрели все так же спокойно, как и прежде, и лишь изредка вспыхивали на одну-две секунды каким-то особенным, необычным блеском.

В городе почти непрерывно стреляли зенитки. Когда усталые мама и тетя Нюша дремали в погребке, склонившись друг к другу, я потихоньку поднимался вверх.

В ночном небе висели круглые, как солнца, осветительные ракеты, слышался пронзительный визг падающих бомб, и то там, то здесь взметалось зарево оглушительных взрывов, от которых колебалась земля и болело в ушах. Казалось, что все плывет вокруг в неровном подвижном свете; гигантские косые тени, перекрещиваясь, падали на улицы и дома и словно проваливались сквозь землю. Дым пожаров стелился над городом, в горле саднило, и было трудно дышать. На Березине шли тяжелые бои за переправу. Гитлеровские войска рвались через реку к Смоленску, к Москве.

Сейчас я уже не помню, было ли мне тогда страшно. Вероятно, было. Но в те дни в сердце родилось и окрепло другое чувство, которое уже не покидало меня всю войну. Я засыпал и просыпался с этим чувством. От него сти-

скивались и скрипели зубы, горячо становилось в груди, сжимались кулаки. Это была ненависть.

...Однажды утром все стихло. Мы вылезли из погреба и уложили совсем обессиленную маму в постель. Обвалившаяся штукатурка осыпала в доме все вещи и пол белой пылью. Тетя Нюша молча принялась за уборку. Я принес ей два ведра воды и обошел вокруг дома. Забор в садике повалило взрывной волной, на грядках цветов валялись разбитые оконные стекла. На противоположной стороне улицы, там, где жила Валя, дома как не бывало: на его месте зияла огромная черная воронка. С ужасом смотрел я на эту воронку, пока не услышал чьи-то быстрые шаги. По улице шел дядя Леня.

— Витюша, — проговорил он негромко, увидев меня, — пойдем в дом! Скорей!

Навстречу нам с тряпкой в руке метнулась тетя Нюша.

— Леня! Наконец-то... Ну что там делается?...

— Тише! — он поднял руки. — Наши отступили, скоро в город войдут гитлеровцы. Я ухожу из дому, Нюша... Может быть, надолго.

— Ох, господи, да что же это! — вскрикнула тетя Нюша, кривя рот, и слезы покатались по ее щекам. Она отшвырнула тряпку, схватила дядю Леню за руки, прижала голову к его груди.

— Нюша, — глухо сказал он, осторожно освобождая свои руки, — не надо, Нюша! Слышишь?

— Слышу, — шепнула она, вытирая лицо о его пиджак. Он взял ладонями ее голову и заглянул в глаза.

— Мне надо уйти, Нюша... Понимаешь? Это задание партии.

— Понимаю...

— А если что... — он помолчал, — а если что — скажете, что я мобилизован в армию.

Через десять минут дядя Леня ушел.

В тот же день в город вошли немцы. Первым нам сообщил об этом Саша. Он явился, когда уже стемнело, и тихонечко стукнул в разбитое окно.

— Не пугайтесь, это я, — шепотом сказал Саша и, ухватившись за наличник, приподнялся и просунул в темное окно голову.

— Сашенька! — быстро подошла к нему тетя Нюша. — Милый ты мой!.. Как там в городе? Пришли?

— Пришли...

Тетя Нюша и мама ахнули, хотя обе они, так же как и я, ждали этого. Наступило тягостное молчание.

Мама глухо закашляла, прижала руки к груди и заплакала. Я бросился к ней.

— Мама... мама! Не надо... мама!

Пока тетя Нюша поправляла ее подушки, мама слабо сжимала мою руку теплыми тонкими пальцами и шептала:

— Витюша, сыночек, выдержим ли мы с тобой это испытание?...

— Выдержим, мама! Обязательно выдержим...

Все надолго умолкли. Саша вздохнул в тишине:

— Витя, а ты помнишь курносея?

— Какого курносея?

— Ну, эту девочку с гусями. Мы тогда с тобой на Березину ходили.

— А, — оживился я, — помню... Жил на свете курносей, пас на речке он гусей...

— Убили ее, — тихо сказал Саша.

— Как убили? Кто?

— Фашисты.

— Зачем же ее убивать? — спросил я, чувствуя, как всего меня охватывает дрожь. — Она же совсем маленькая девочка...

— А это ты Гитлеру скажи, а не мне... — Саша поднялся на локтях и сел на подоконник. — Пошел я сегодня утром на то же место... Фронт-то прошел, ну, я, значит, и думаю: дай окуней наловлю. Смотрю, и она гусей гонит.

Тут как раз самолет из-за леса летит... Низенько так летит, и черный крест видно. Подлетел да из пулемета как жажнет! Я как был в штанах и рубашке, так под кручу и слетел. Высунулся из воды и кричу ей: «Ложись, ложись!» А она не слышала, наверно, бежать бросилась. И гуси в разные стороны разлетелись, один только на месте крыльями бьет — подбили. А самолет развернулся да по ней из пулемета.

Вот и все...

— Как же это можно? Что же это! — приподнялась мама, опираясь руками о кровать. — Детей стреляют!

Тетя Ньюша не ответила. Она молча подошла к Саше и положила руку на его плечо.

— А зачем ты сам на Березину ходил? Кто же в такое время рыбу ловит? Саша помолчал, а потом грубовато сказал:

— Есть-то надо!

— А разве дома ничего не осталось? — допытывалась она. — Где отец-то? Саша удивленно посмотрел на тетю Нюшу и ответил:

— Где же ему быть? Там же, где ваш дядя Леня.

— Дядя Леня? — заметно растерялась тетя Нюша. — В армии дядя Леня...

— А мой отец хуже вашего, что ли? С первого дня воюет!

— А мать? — спросил я.

Саша не ответил и только махнул рукой.

— У него мачеха, — тихо проговорила тетя Нюша. — Не мое это дело, только она недобрая женщина... А знаешь что, Сашенька, перебирайся ты к нам. Как ты думаешь, Витюша?

Я радостно сорвался с места.

— Саша! Перебирайся, Саша!

Я втащил его через окно в комнату. Он смущенно упирался и сопел, но, видимо, был доволен.

— Очень хорошо, — сказала мама, — мне сын так много про тебя рассказывал, Сашенька.

— И нам спокойнее будет, — прибавила тетя Нюша. — Все-таки двое мужчин в доме. А за вещами, какие там у тебя есть, ты завтра с Витюшей сходишь.

В тот вечер мы легли с Сашей спать в столовой на полу, на матрацах, которые расстелила для нас тетя Нюша.

Мы шептались до тех пор, пока из соседней комнаты мама не сказала:

— Ребята, да спите же...

Мы умолкли, но через минуту я зашептал снова:

— Саша, а ты не знаешь, что случилось с той... с Валецкой? Ну, у которой мать учительница?

— Не знаю... У нее в городе родственники есть. Может, там она.

— Давай сходим узнаем... — я приподнялся на локте.

— А что?

— Да так, все-таки... она... неплохая девочка. Правда, Саша?

— Вообще ничего, — он длинно зевнул. — С характером только.

— Спите же, ребята, — снова сказала мама.

...Утром нас разбудил шум машин на улице. Прежде чем я понял, что происходит, на крыльце загремели шаги, кто-то ударом ноги распахнул дверь, и в комнату ввалилось несколько человек в зеленых мундирах. Мы с Сашей вскочили. Кутаясь в халат, из кухни прибежала бледная тетя Нюша.

Один из гитлеровцев, по-видимому офицер, молодой и высокий, с быстро бегающими из стороны в сторону прищуренными глазами, рывком приставил к моей груди пистолет и спросил тенорком:

— Рус зольдат есть? Да, нет?

Не дожидаясь ответа, он приставил пистолет к Сашиной груди и повторил:

*Не дожидаясь ответа, он приставил пистолет к Сашиной груди и повторил:
— Рус зольдат есть? Да, нет?*

— Рус зольдат есть? Да, нет?

Тетя Ньюша бросилась к нам на помощь. Милая тетя Ньюша! Я никогда не думал, что она такая бесстрашная.

— Какой там солдат! — быстро заговорила она, заслоняя нас. — Нету здесь никаких солдат! А это дети. Как там по-вашему? Кинд... Понимаешь? Кинд?!

— Кинд, кинд, — закивал офицер, подозрительно оглядывая нас с ног до головы. Затем он показал на стены и направил пистолет на тетю Ньюшу. — Рус зольдат есть? Да, нет?

— Я тебе по-русски уже сказала, что нету здесь никаких солдат. Наин! Понимаешь? Найн...

Он понял и усмехнулся.

— Хозяйка?

— Да, хозяйка, чтоб тебя разразило!

— Хозяйка, — торжественно сказал офицер, — вот этот зольдат немецкой армии будут стоять тут на постой. Такой есть приказ.

Он просунул голову в соседнюю комнату и, увидев поднимающуюся с постели белую, как мел, маму, попятился.

— Больной?

— Да, больной, — торопливо поддакнула тетя Ньюша. — Очень сильно больная.

Офицер повернулся к солдатам, что-то скомандовал, и они так же быстро исчезли, как и появились, оставив в доме смешанный запах кожаных ремней, пота и одеколona.

Краска медленно возвращалась на лицо тети Ньюши.

— Ну, Таня, вот и мы с тобой на этих иродов посмотрели. А трусливые, видно! Вишь, как тебя испугались!

«Я видел настоящих фашистов, — подумал я, приходя в себя. — Так вот какие они!»

— Страшно? — спросил Саша.

— Нет... — соврал я и, заметив в его глазах недоверие, поспешно прибавил: — Хочешь, пойдем сейчас за твоими вещами?

— Ой, дети, уж лучше бы вы никуда не ходили сейчас, — просяще сказала мама.

— Мапочка, ты не беспокойся, все будет хорошо. Ведь мы вдвоем пойдем... Да и не боюсь я их совсем.

Теперь мне и на самом деле начало казаться, что я не боюсь фашистов. Может быть, это утро, когда я увидел направленный в мою грудь пистолет, стало для меня маленьким боевым крещением и благодаря ему я научился впоследствии спокойно смотреть в лицо опасности.

После завтрака я и Саша вышли из дому. Мама и тетя Ньюша с тревогой смотрели нам вслед из окна.

Небо хмурилось, где-то далеко, за городом, лениво урчал гром. В неподвижном душном воздухе парило, откуда-то тянуло гарью. Деревья стояли, не шелохнувшись, опустив, словно крылья, усталые запыленные листья.

Мы шли по пустынной, заваленной щебнем и мусором улице, которая теперь казалась мне почти незнакомой. Где-то звучали громкие голоса. Кто-то весело кричал что-то на чужом языке. Кто-то смеялся.

— Расположились, как дома, — зло шепнул Саша.

Дом Саши не пострадал от бомбежки. С улицы были видны тюлевые занавески и целая заросль домашних цветов на подоконниках. Во дворе на крыльце дома сидел пышный сибирский кот. Увидев нас, он выгнул спину, фыркнул и прыгнул на крышу сарайчика.

— Кис, кис! Вася, Вася! — тихонько позвал его Саша, но кот уже исчез. — Совсем одичал от войны...

Перед дверью мы постояли, прислушиваясь. В комнате неясно раздавались голоса, смех. На лице Саши мелькнуло беспокойство. Он сдвинул брови, взглянул исподлобья на меня и решительно открыл дверь.

За столом посреди комнаты, лицом к двери, сидела красивая женщина лет тридцати. Она держала в руке рюмку и жеманно улыбалась. Ее окружали гитлеровцы — человек пять, все краснолицые.

Увидев нас, она перестала улыбаться и чуть недовольно прикусила губу. Все сидящие за столом немцы одновременно повернулись к нам.

— Кто это? — по-русски спросил один из них, в черном костюме, гладко причесанный. По-видимому, лежащая на комод черная пилотка с черепом и костями принадлежала ему. Он поставил на стол рюмку и поправил на поясе кобуру пистолета. От женщины не ускользнуло это движение, и она поспешно поднялась, зашуршав оборками своего яркого шелкового платья.

— Это мой пасынок, Отто! — растерянно проговорила она, со страхом поглядывая то на нас, то на кобуру. — Я уже рассказывала... Помните, пасынок...

— Приятно познакомиться, — равнодушно сказал черный, в упор разглядывая нас мутными глазами. — А это, наверное, его товарищ? Правильно?

Мы молчали. Внезапно он остановил глаз на медной пряжке Сашиного пояса со знаком «РУ» и медленно подошел к нам.

— Как это понимать? — Он наклонился и постучал ногтем по пряжке. На меня повеяло дыханием, пропитанным винными парами.

Женщина торопливо вышла из-за стола. Она забыла поставить рюмку и теперь стояла перед нами, покачиваясь и выплескивая на пол капли вина.

— Как это понимать? — повторил черный. — Комсомолец? Пионер? Правильно?

— Это форма ремесленного училища, Отто...

— Что значит ремесленное училище?

— Такое училище... школа. Там подростки учатся, квалификацию получают.

— Зер гут! — усмехнулся черный. — Фюреру нужны квалифицированные рабочие.

Он что-то произнес по-немецки, обернув лицо к столу, и другой пожилой немец поспешно протянул нам две плитки шоколада. Мне показалось, что все эти гитлеровцы побаиваются офицера в черном.

— Возьми шоколад! — прошептала женщина. — Живо!

Саша мрачно положил плитки в карман.

— Мне нужно тебе что-то сказать, Клавдия.

— Что там еще! — поморщилась она. — Идите гуляйте.

— Нужно! — упрямо повторил Саша.

— Господа, — певуче проговорила Клавдия, — извините, я выйду на минутку.

Она сказала это слово «господа» так просто и непринужденно, как будто привыкла говорить его всю жизнь. Вероятно, я посмотрел на нее очень изумленно, потому что она вдруг шепотом окрысилась на меня:

— Чего ты глаза вытаращил?... Ну, идите же в коридор. Вот еще морока на мою голову!

Когда мы вышли в коридор, с ее лица сразу слетело напускное жеманство.

— Олух, чего ты приперся? — яростно заговорила она. Лицо ее исказилось и покрылось красными пятнами. Расплескивая вино из рюмки, которую она все еще держала в руке, Клавдия говорила: — Ты что хочешь, чтобы они мне дом спалили? Или хочешь, чтобы они тебя пристрелили? Скажи, хочешь, олух? Шлялся где-то всю ночь сегодня и шлаться!

Слова с каким-то шипящим свистом срывались с ее искривленных бешенством, густо накрашенных губ. Саша засопел — я заметил, что он всегда сопит, когда начинает злиться. Однако ответил он сдержанно:

— Я перебираюсь на другую квартиру, Клавдия.

Она сразу умолкла и, помедлив, спросила:

— Куда?

— Вот к нему, — указал он на меня.

— Куда это к нему?

— К Леониду Федоровичу.

— Ну и дурак! — сказала она уже относительно спокойно. — Леонид Федорович член партии. Ты хочешь, чтобы тебя вместе с ним на веревку вздернули?

Саша засопел еще громче. Внезапно он выпалил, краснея:

— Папа не член партии, а не стал бы с фашистами вино пить! Подожди, Клавдия, он еще вернется!

Я вздрогнул и сжался: мне почему-то показалось, что она сейчас его ударит. Но у нее задергалось лицо и растерянно отвисла накрашенная губа.

— Саша... — хрипло сказала Клавдия, поеживаясь, словно ей стало холодно. — А что делать, Саша?.. Ведь жить хочется...

— Не так жить надо!

— А как? Они... — Клавдия кивнула на дверь, — обещают мне помочь торговлю открыть... Говорят, теперь простор будет с этой, как ее... частной инициативой.

— Вот оно что, — криво усмехнулся Саша. — Ты всегда длинный рубль любила.

— Ну и что ж, что любила?

— А то ж... Стыдно мне за папу!

Она вдруг опять взорвалась и зашипела:

— Не твое это дело! Понял? Не твое! Убирайся, куда хочешь, а меня не учи, как жить. Как хочу, так и живу! Убирайся!

— Не гони, сам уйду.

— И уходи!

— Вот возьму, что надо, и уйду.

— Что это ты возьмешь, интересно? — приподняла она нарисованные брови.

— Много не возьму, не беспокойся. Белья смену мне надо, простыню да одеяло.

— А вот этого не хочешь? — Клавдия подняла свободную руку и показала ему кукиш. — Не для того наживалось все, чтобы из дому таскать.

— Не ты наживала! — выдохнул Саша. — Папино все это.

— Вот я сейчас офицера позову, — сказала она, протягивая руку к двери. — Хочешь, позову?

— Пойдем, Саша, — тронул я товарища за плечо, — обойдемся. У нас простыня с одеялом найдутся.

Несколько секунд Саша презрительно смотрел на мачеху, потом круто повернулся и вышел на крыльцо. Я поторопился за ним, споткнулся о порог и испуганно оглянулся на Клавдию. Она стояла, сжав губы, с рюмкой в руке и молча глядела нам вслед.

— Ну вот, Витя, был дом — нет дома... — вздохнул Саша.

— Ничего, Саша, не пропадем!

— Частная инициатива! — зло сказал он. — Ладно, леший с ней, с частной инициативой!

Он достал из кармана плитки шоколада, презрительно посмотрел на них и, широко размахнувшись, швырнул их через забор на огород.

— Пойдем, Витя, Валентину искать.

Но мы не успели дойти до ворот, как на двери щелкнула щеколда и во двор вышел тот самый пожилой немец, который дал нам шоколад. Увидев меня и Сашу, он улыбнулся и поманил пальцем. Мы подошли.

— Чего надо? — спросил Саша.

Немец похлопал его по плечу и о чем-то быстро заговорил. Он постучал пальцем в мою грудь, потом в грудь Саши и, наконец, в свою собственную и, вздохнув, показал рукой на запад.

— Это он говорит, что у него в Германии такие, как мы, дети есть, — догадался я.

— И сидел бы там со своими детьми, — сказал Саша, — мы его сюда не звали. Эй ты, фашист, уезжай домой!

— Фашист? — немец отрицательно покачал головой. — Найн, найн...

— А если не фашист, все равно проваливай! — Саша потыкал пальцем в его грудь и махнул на запад.

Немец заулыбался, закивал головой и подмигнул Саше. Как видно, ему было ясно, о чем идет речь. Но тут же он развел руками и снова вздохнул, давая понять, что это от него не зависит.

— Гитлер, — тихо сказал он и многозначительно поднял палец.

— А вы бы своего Гитлера вот так! — Саша сжал кулак и постучал им по своему затылку.

— Тсс!.. — испугался немец, оглядываясь на дверь. Он сделал вид, что рисует пальцем на своем лбу череп со скрещенными костями. — Тсс... Эс-эс!

— Эсэсовец, — понял Саша. — Это он, Витя, наверно, про того черного говорит. Ишь ты! Сам его боится.

— Эсэс... овец, — выговорил немец. — У-у, некорош... тсс...

Он вынул горсть конфет, тщательно разделил их пополам и рассовал в наши карманы.

— Ладно, так и быть... — усмехнулся Саша. — Возьмем, что ли, Витя?

Мы вышли за ворота. Я сказал:

— А они-то, немцы, тоже разные бывают.

— А мне дела нет, какие они бывают! — Саша зло поморщился. — Раз пришел с нами воевать — значит враг. Гляди-ка, что наделали, гады! — он кивнул на сожженную улицу и вздохнул. — Говорит, не от него это зависит. А от кого это зависит? Такие, как он, и наделали все это!

Мы шли молча, смотря на разрушенный город. Иногда нам встречались редкие прохожие. Все они торопились, опасливо поглядывая по сторонам.

На одном углу я остановился у вырванной с корнем березки. Ее белый истерзанный ствол лежал на развороченной дороге, запорошенный пылью. Еще совсем недавно я видел, как дворник поливал здесь улицу и по лужам скакали счастливые, повизгивающие ребятишки. До дрожи в теле я вдруг отчетливо вспомнил, как под тяжестью капель шелестели листья на березке и как откуда-то доносились густые и мерные звуки рояля.

Было ли все это? Или все это привиделось мне в светлом и радостном сне? Из какого дома летели звуки музыки сквозь трепещущие на окнах занавески? Может быть, из того самого, который смотрит сейчас на улицу пустыми мертвыми окнами, а на том месте, где была крыша этого дома, виден серый остов трубы?

Саша, конечно, не мог знать, почему я так долго стою около березки, и потянул меня за рукав.

— Идем, Витя!..

В тот день мы так и не разыскали Валью. Дом, в котором жили ее родственники, был занят гитлеровцами, и мы не рискнули войти в него.

Долго бродили мы по разбитому, обезображенному городу. На базарной площади Саша вдруг закричал странным, изменившимся голосом:

— Витя! Витя!..

Я посмотрел, куда указывал Саша, и все во мне застыло. Впрочем, это не то слово: меня охватил холод, несмотря на то, что на небе светило жаркое летнее солнце, а зубы мои начали мелко постукивать.

За низенькими зелеными ларьками мы увидели виселицу. На ней неподвижно висело несколько трупов. Смерть страшно изуродовала лица этих людей. И все-таки в одном из них я сразу узнал директора Сашиного училища, Георгия Савельевича.

Несколько секунд я смотрел на фанерную дощечку, которая висела на груди Георгия Савельевича, и никак не мог прочесть, что написано на ней: буквы скакали перед моими глазами. Наконец я разобрал слово «коммунист».

Я оглянулся на Сашу. Он стоял, побелевший до такой степени, что в первое мгновение мне даже показалось, что я вижу не его, а какого-то другого мальчика, отдаленно напоминающего Сашу.

Потом мы побежали прочь. И, только пробежав несколько кварталов и выбившись из сил, Саша сел под забором прямо на землю и заплакал. Я опустился рядом и обнял его.

— Витя, — задыхаясь, шептал он сквозь слезы, — это же такой человек был!.. Такой человек! Ну как же мы будем без Георгия Савельевича?

Я молчал, не в силах ответить. Саша неловко вытер ладонью слезы и, глядя куда-то мимо меня, жестко сказал:

— Жаль, нету у нас с тобой оружия... Бить их надо, проклятых!

Резким движением Саша вдруг вывернул карманы, высыпал конфеты на дорогу и начал топтать ногами.

— Вот!.. Вот!.. Вот!.. — говорил он, задыхаясь от ярости и слез.

Глава пятая ОРУЖИЕ

Жить с каждым днем становилось труднее. Купить что-либо из продуктов было невозможно.

Каким-то чудом у нас еще сохранилась корова. Именно в то время я убедился, что на свете нет ничего вкуснее парного молока с вареной картошкой.

Жили мы в постоянном страхе. Каждый день фашисты кого-нибудь расстреливали. Несколько раз тетю Нюшу вызывали в городскую комендатуру и выпытывали, где дядя Леня. Несколько раз к нам приходили с обыском.

По утрам я и Саша уводили корову пастись на выгон. Делали мы это очень осторожно, убедившись предварительно, что поблизости нет гитлеровцев: очень мы боялись, что они отберут у нас корову.

На выгоне стояли пустые складские помещения Заготзерна, под черепичными крышами которых жили ласточки и дикие голуби. Мы привязывали корову между сараями так, чтобы ее не было видно, садились в тени и вели нескончаемую беседу о том, как нам начать вредить гитлеровцам. Но сколько мы ни строили планов, выходило, что без оружия мы как без рук.

Вокруг было спокойно и тихо, в тишине где-то печально ворковала гор-linka, ласточки с легким свистом чертили воздух кругом сарая, стремительно проносясь мимо нас.

— Война, — сказал как-то Саша, — а мы с тобой корову пасем.

— А что же делать, Саша?

— Я листовку нашел. Там написано: надо создавать врагу невыносимые условия!

— Да как же ты их будешь создавать? Что мы с тобой можем?

— Другие же могут! Вот хоть бы эту листовку кто-то разбросал по городу.

Полиции до сих пор рыщут по домам, да сделать ничего не могут.

— Это, наверное, подпольные коммунисты действуют, Саша.

— Вот бы, Витя, разыскать их.

— Да, держи карман шире, пришлют тебе пригласительный билет!

На то и подпольщики, чтобы никто не знал, где они.

— А здорово действуют! — блеснул Саша глазами. — Говорят, немцы боятся за город даже нос высовывать. Как высунут — так партизаны и накроют!

Эх, достать бы нам оружие... По одному пистолетику только бы!

Как-то рано утром Саша взволнованно растолкал меня в постели и зашептал:

— Витя, я сейчас на выгон бегал... Нельзя сегодня корову вести...

Я спустил ноги с кровати.

— Ты почему без меня на выгон бегал? Почему не разбудил?

— Попробуй разбуди тебя! Спишь, как сурок.

— Чего ты орешь?

— Я не ору, а шепотом говорю... Немцы оружие в сараи привезли, забор из колючей проволоки делают.

Я слетел с постели и быстро оделся. Мы пробежали на выгон и залегли в бурьяне. Действительно, группа немецких солдат натягивала на столбы возле складских помещений Заготзерна колючую проволоку. Другая группа разгружала грузовые машины с каким-то оружием.

Часа через два солдаты уехали, оставив под деревянным грибком часового с автоматом.

— Ну, — сказал Саша, серьезно посмотрев мне прямо в глаза, — понимаешь, что надо делать?

— Понимаю! — кивнул я, хотя на самом деле ничего не понимал.

— Вон дождевая канава. По ней можно незаметно пролезть под колючей проволокой до того сарая.

— Опасно, — качнул я головой.

Саша нахмурился:

— На войне всегда опасно... Сегодня ночью и полезем.

Однако ночью гитлеровцы поставили второго часового. Из своей засады мы виделидвигающиеся во мраке фигуры солдат, блеск электрических фонариков и ясно слышали незнакомую речь.

— Надо днем, Саша, — шепнул я.

— Да, надо днем, — вздохнул он. — Ты утром выгонишь корову для отвода глаз, а я полезу...

Утром небо заволокло серыми тучами. Порывами дул холодный северный ветер, накрапывал дождь. Одиноким немецкий часовой, подняв воротник шинели, сутулился под грибком.

Наша корова, не обращая внимания на погоду, начала с хрустом щипать траву. Саша огляделся по сторонам, взволнованно глотнул воздух и скрылся в лопухах. По едва уловимому движению широких листьев мне было видно, как он ползет по канаве. Вот он уже в десяти метрах от меня, вот в двадцати, вот он уже достиг колючей проволоки...

У меня вдруг зазвенело в голове: я видел, как часовой вышел из-под грибка и, постукивая ногой о ногу, неторопливо побрел в сторону канавы.

— Ну-у, дурная! — что было сил закричал я на корову, вскакивая с места. — Ну, пошла, чего стала!

Немец остановился, глядя на меня. Это был солдат лет пятидесяти, с морщинистым лицом и синеватыми мешками под глазами. Потом я заметил, что в тылу гитлеровцы почти никогда не держали молодых солдат.

Я с силой хлестнул корову веревкой, и она, выгнув хвост и вскидывая задние ноги, потащила меня прямо к грибку.

Солдат замахал рукой и раздраженно крикнул:

— Ап (пошел)! — Он быстро вернулся под грибок и повторил: — Ап!

— Господин солдат, — весело крикнул я, — тут трава хорошая. — Я сорвал горсточку травы и показал ему издаലെка. Он покосился на траву и промолчал.

Ветер дул все сильнее, и скоро солдат совсем съезжился. Мне тоже стало холодно, и я попрыгал, чтобы согреться. Солдат подозрительно следил за моими движениями.

— Холодновато, господин солдат, — сказал я.

— Ап! — повторил он автоматически.

Сколько времени мы так наблюдали друг за другом, я не знаю. Может быть, полчаса, может быть, час. Наконец мне показалось, что вдали на огороде мелькает коренастая Сашина фигура, и я погнал корову обратно. И не ошибся: среди картофельных кустов сидел Саша. Его лицо было торжественным.

— Садись, — сказал он и, когда я опустился рядом, протянул мне небольшой черный пистолет. — Это тебе как раз по карману. У меня тоже такой.

— Вот здорово! — ликующе вскрикнул я. — А патроны?

— Сколько хочешь! — Саша повел рукой по рубашке: за пазухой у него было полно маленьких золотистых патронов, которые постукивали, словно камешки.

— Ты знаешь, что я придумал? — продолжал он. — Надо нам будет составить подпольную группу. Я думаю, можно привлечь ребят из нашего ремесленного. Например, Гришу Науменко. Я завтра к нему сбегая. А оружия хватит! Немцы все в беспорядке сложили и, наверное, толком даже не знают, сколько там чего есть.

На другой день он ушел в город и к ночи не вернулся. Мы начали порядком волноваться, потому что гитлеровцы запрещали ходить по городу после семи часов вечера. Тетя Нюша ворчала, то и дело поглядывая в окно:

— Не понимаю, что у него там за дела такие? Сидел бы себе дома, так нет же. И до чего мальчишки народ неугомонный!

— Вернется, тетя Нюша. Такой, как Саша, не пропадет! — успокаивал я, но на душе у меня было тревожно.

Спать мы не ложились до глубокой ночи. Часов в двенадцать раздался стук в дверь.

— Наконец-то! — сказала мама. — Открой, Витюша.

Я распахнул дверь и отшатнулся. На пороге стоял высокий незнакомый человек с пышной бородой и длинными усами. Он торопливо шагнул в комнату и закрыл за собой дверь.

— Кого... вам? — спросил я, отступая и переводя дыхание. Из соседней комнаты выглянула тетя Нюша.

— Не узнаете, значит? — заговорил человек удивительно знакомым голосом.

— Леня! — ахнула тетя Нюша и бросилась к нему на грудь.

— Тише, — сказал дядя Леня, проверяя, плотно ли закрыта дверь. — Я не Леня, а Николай Петрович Сидоров. Так написано у меня и в документе и в ночном пропуске.

— Ну, хорошо, хорошо! — быстро зашептала она, не замечая, что слезы скользят по щекам. — Пусть Николай Петрович, только бы жив был, мой родной, мой любимый...

— Ну, как вы живете? Похудели, похудели малость... Ну ладно, будет время — поправимся. Окна у вас хорошо закрыты?

— Хорошо, Ленечка, сама ставни закрывала.

Долго мы сидели в ту ночь за столом вокруг маленькой лампы и слушали дядю Леню. Он рассказывал о том, как по призыву партии поднимается наш народ на борьбу с захватчиками, как советские люди, не щадя жизни, сражаются за Родину и на фронте и в тылу врага.

Дядя Леня вдруг спросил меня с усмешкой:

— Ты что на меня глядишь, Витюша, будто голодный на каравай? Или борода моя понравилась?

Я смутился и не ответил. У меня созрело решение посоветоваться с дядей Леней о наших с Сашей планах, и, улучив подходящую минуту, когда мама и тетя Нюша готовили ужин, я рассказал ему о том, что мы с Сашей хотим создать свою подпольную группу и что у нас уже есть пистолеты.

Он слушал меня очень серьезно, а когда я заговорил о пистолетах, вдруг положил ладонь на мою руку и, склонившись ко мне, быстро спросил:

— Значит, говоришь, ночью там два часовых?

— Да, дядя Леня.

— Так... А колючая проволока далеко от сарая?

— Нет, метрах в двадцати.

Он помолчал и задумчиво провел ладонью по бороде.

— Вот что, Витюша, ты, дорогой, оказал мне большую услугу. Судя по всему, немцы хранят там наше советское оружие, которое собирают в окопах и на поле боя... Так, так...

Дядя Леня встал и прошелся по комнате. Большая его тень заскользила по стенам и потолку.

— Я очень прошу тебя и Сашу больше не лазить туда, — продолжал он, подходя ко мне. — Вы можете все испортить, если немцы что заметят. Да и не нужно вам оружие, Витюша. Ты видел, какие объявления висят в городе? Немцы расстреляют вас на месте, если обнаружат пистолеты.

— На войне всегда опасно, — повторил я фразу, которую мне недавно сказал Саша.

— Так-то так, но рисковать надо разумно, чтобы риск мог дать больше пользы. — Дядя Леня задумался и как-то испытующе посмотрел на меня. — А уж если вы проявили такую храбрость, я думаю, вам можно будет дать боевое поручение.

— Дядя Леня, — вскочил я. — Я даю тебе честное слово за себя и за Сашу, что...

— Верю и понимаю, что ты хочешь сказать, — перебил он, легонько нажимая пальцами на мои плечи и усаживая меня на место. — Но ты должен знать, что борьба в тылу врага — особая борьба. Конспирация требует от каждого из нас умения соблюдать строжайшую тайну. Излишняя болтливость равносильна предательству. Поэтому и людей для подпольной работы мы выбираем особенных, железных.

— Я за Сашу ручаюсь! — горячо сказал я.

— Да, Сашу я знаю, — подумав, кивнул дядя Леня. — Хороший парень. А вот других вы пока не привлекайте. Во всяком случае, посоветуйтесь с теми людьми, с которыми будете связаны.

— А когда, дядя Леня?

— Не знаю. Может быть, скоро. Когда понадобится. — Он снова задумался и вдруг наклонился и поцеловал меня, уколол усами. — Вот что запомни, Витюша: тот человек, который передаст вам привет от Василия, скажет вам, что делать.

— Какой человек, дядя Леня?

— Ну, этого я еще сам не знаю. А теперь отдай мне ваши пистолеты.

— Дядя Леня...

— Давай, давай, — настойчиво качнул он головой. Пришлось идти в сарай, где под стойлом коровы лежало наше оружие с патронами.

Утром дядя Леня ушел, а через два часа вернулся Саша.

— Пришлось у Гриши Науменко ночевать, — сказал он, — вечером немецкий патруль не пустил. Такие собаки!

Мне показалось, что Саша грустен. Мы сидели на крылечке, он молчал, глядя куда-то поверх крыши сарайчика.

— А что я тебе скажу, Саша! — начал было я, но он перебил:

— Довольно говорить, дело делать надо. В общем, Витя, Гриша Науменко целиком и полностью к нам присоединяется.

— Да ты подожди про Гришу... — и я передал Саше мой разговор с дядей Леней.

Саша смотрел на меня во все глаза.

— Вот это да! — проговорил он с восторгом. — А я-то думал, что дядя Леня в армии. А ты тоже хорош — знал, а мне не сказал!

— Больно много хочешь! Ты знаешь, что такое конспирация?

— Так я тебе друг или недруг?

— Есть, Саша, вещи поважнее дружбы. Ты не сердись...

— Ладно, ладно, я не сержусь... Будем ждать.

— Будем ждать, — кивнул я. — Эх, Саша, жалко все-таки, что у нас пистолетов нет.

— Да, пистолеты дядя Леня напрасно забрал, — наморщил он брови.

— Саша, ты что-то чудной сегодня какой-то.

Он тихо сказал:

— Знаешь, Витя, а ведь Валькина мать в гестапо работает. Переводчицей. А Валька все время с ней крутится.

— Что?! — вскрикнул я так громко, что он оглянулся и зажал мне одной рукой рот. Я оторвал его руку от лица и заговорил захлебываясь: — Ты врешь, Саша! Ты врешь, этого не может быть! — Меня начала бить лихорадка. Словно бешеный, я повторял: — Ты врешь! Ты врешь! Ты врешь...

Саша, кажется, испугался. Он обхватил меня одной рукой и прижал к себе.

— Перестань, Витя! Ты что? Перестань! Слышишь?

Я чувствовал, как моя дрожь передается ему. Довольно грубо я вырвался и сжал голову руками.

Что я тогда думал, трудно передать, потому что в моей голове была страшная сумятица. Мысленно я прощался с девочкой в красном галстуке, с русыми косами за плечами.

«Прощай, Валя, — думал я, — ты казалась мне хорошей и честной, но это был обман! На самом деле ты гадина! Нам не по дороге с тобой. Если я когда-нибудь встречу тебя, я плюну в твои змеиные глаза. Прощай, Валя! Я постараюсь больше никогда не думать о тебе...»

— Ну, ты успокоился? — услышал я голос Саши. Он достал из кармана табак и начал скручивать папиросу. — И эта гадюка мне еще курить не давала!

— Саша, — сказал я, — дай и мне закурить.

И я закурил, давясь дымом и кашлем.

Глава шестая САПОГИ НА ДРАТВЕ

На третий день после прихода дяди Лени произошло совершенно удивительное событие.

Я полез на чердак, чтобы принять от Саши ворох сена, которое мы постепенно скапливали для коровы на зиму, и, высовываясь из слухового окна, случайно бросил взгляд на улицу. У разрушенного дома стояла Валя. Я окаменел.

— На, бери же! — слышал я Сашин голос, но не двигался.

Валя, прислонясь спиной к уцелевшему столбу от забора, засунув руки в карманы вязаной кофточки, смотрела на наши ворота.

— Ты что, заснул там? — сердито крикнул Саша из-под вороха сена.

— Саша... — шепотом сказал я. — Валька!

Сено упало на землю. Саша смотрел на меня, выкатив свои черные глаза. Сухие травинки торчали у него в волосах.

— Что? Где Валька? — так же шепотом спросил он и, поморщившись, выплюнул попавшую в рот травинку.

— На улице...

Саша стремительно выбежал со двора, громыхнув калиткой. Я видел, как он подбежал к Вале и замахнулся кулаком. Она отклонилась, заслонившись локтем, и что-то быстро сказала. Несколько секунд Саша стоял с поднятым кулаком, затем разжал его, оглянулся и махнул мне. Я все еще высовывался в слуховое окно, опустив на лестницу руки. Саша снова махнул.

Медленно-медленно спустился я с чердака и вышел на улицу. Только теперь увидел я, как похудела Валя. Румянец исчез с ее щек, а под глазами были лиловые круги. «Не очень-то сладко, видно, фашистам прислуживать», — с тайным злорадством подумал я, подходя к ней и стараясь выразить на лице как можно больше презрения. И тут я заметил, что большие русые косы Вали исчезли. Вместо них из-под зеленого берета торчали завитки коротко остриженных светлых волос.

Я вопросительно посмотрел на Сашу:

— Что она пришла?

Валя чуть дернула плечом, и короткая улыбка блеснула и погасла в ее синих глазах.

— Разве я не имею права прийти к своему дому? — спокойно спросила она.

— Дома-то нет! — сказал я, сдерживая бешенство. — Небось немцы скоро вам новый построят!

Она не ответила, рассеянно разглядывая кончик своей туфли, которым что-то чертила на дороге.

— Повтори, что ты мне сказала, — глухо проговорил Саша, не спуская с нее глаз.

Она посмотрела на меня:

— Я пришла передать вам привет от Василия.

Я онемел.

— Завтра в десять утра приходите на улицу Первого мая, — продолжала она вполголоса. — Там, в маленьком домике, живет один сапожник.

— Знаю, — сказал Саша. — У него над дверью зеленая вывеска...

— Да... Вы постучите и, когда вам ответят, скажите, что пришли заказать сапоги на дратве. Запомнили?

— Сапоги на дратве... — шевельнул я губами.

— Потом вас спросят, почему вы не обратились к другому сапожнику, и вы ответите, что так вам посоветовал один старый знакомый. До свидания.

— До свидания, — в один голос сказали мы.

Валя, не оборачиваясь, быстро пошла по дороге.

— Валя! — неожиданно для себя окликнул я. Она остановилась.

— Что?

— Валя... ты прости нас... пожалуйста.

Она вдруг ясно и широко улыбнулась.

— За что?

— За то, что мы... так плохо... о тебе думали...

— А крепко вам меня побить хотелось, ребята? — задорно спросила она.

Я смущенно промолчал.

Когда она скрылась за углом, Саша мрачно сказал:

— А ведь мать-то у нее все-таки в гестапо работает.

— Саша, дорогой! — хлопнул я его ладонью по спине. — Ничегошеньки ты не понимаешь! Если работает, значит, наверно, так надо. Пусть себе работает, и это совсем не наше с тобой дело!

...В десять утра мы несколько раз прошли мимо зеленой вывески, на которой были нарисованы сапог, ботинок и женская туфля. Убедившись, что за нами никто не следит, я постучал в низенькую дверь. Через минуту негромкий старческий голос спросил:

— Кто такой?

— Нам надо сапоги заказать, — поспешно сказал я, переминаясь с ноги на ногу.

За дверью помедлили.

— А кожа у вас есть?

— Нету... — и недоумевающе взглянул на Сашу.

— Так что ж вы приходите, раз нету? — раздраженно проговорил голос. — Что, я вам из своей собственной кожи буду шить? Или вы думаете, что у меня фабрика? Тоже мне заказчики, горе одно!

За дверью все смолкло.

— Наврала Валька, — засопел Саша. — Так я и знал!

— Странно, — размышлял я вслух, медленно идя по тротуару. — Улица Первого мая, зеленая вывеска...

— Постой... — остановился Саша. — Сапоги-то на дратве! Пошли обратно, Витя.

Он решительно постучал в дверь, и мы услышали тот же голос:

— Вам я уже по-русски говорил, молодые люди, что у меня нет кожи. Или вам по-немецки говорить надо? Тогда я полиция позову. Чего вы улыбаетесь? — по-видимому, он наблюдал за нами в щелочку двери.

— Извините, гражданин, — сказал Саша, — нам надо сапоги на дратве заказать...

Наступило молчание, затем щелкнула задвижка, и мы увидели на пороге морщинистого, седого человечка в жилетке, с очками в металлической оправе на маленьком носу. Наклонив голову, он вопросительно посмотрел вверх оч-

ков сначала на Сашу, потом на меня. Глаза у него были светлые, добродушные, с хитрецей.

— На драгве? Конечно, можно подумать, — сказал он, продолжая рассматривать нас. — А скажите, молодые люди, так-таки на мне и свет клином сошелся? Так-таки один Воронков и может сапоги на драгве шить? Или больше нет сапожников в Борисове?

Я торопливо проговорил:

— Нам посоветовал один старый знакомый...

— Ну, если старый знакомый, тогда заходите.

Через крошечные сени мы прошли в низенькую квадратную комнату со светлыми зелеными стенами. Половицы тонко запели у нас под ногами. Почти половину комнаты занимала большая русская печь.

В комнате было чисто, пахло кожей. Старик сейчас же сел за столик подле окна и, поправив на носу очки, принялся за работу. Мы все еще стояли у порога с фуражками в руках.

Через несколько минут, словно вспомнив, что мы в комнате, старик разогнулся и коротко спросил:

— А сколько вам лет?

— Четырнадцать, — сказал я. — Обоим.

— Ну, обоим, положим, двадцать восемь, — почему-то вздохнул Воронков и снова углубился в работу. Но через минуту он опять посмотрел на нас поверх очков. — Значит, по четырнадцати? — повторил он вопрос. — Это хорошо.

— Скажите, пожалуйста, что нам нужно делать? — спросил Саша.

— А я почему знаю! — довольно равнодушно проговорил старик. — Мое дело — сторона, — прибавил он, заколачивая гвоздь в подошву старого ботинка.

— Да как же так? — растерялся я.

— А так же. Я политикой не занимаюсь, я не комсомолец. Мне, молодые люди, седьмой десяток идет!

— Так что ж нам, уходить? — У Саши дрогнул голос.

— Зачем уходить, подождите. Да вы чего стоите? Ступайте-ка в ту комнату. — Воронков кивнул на двустворчатую голубую дверь. — Уж вы меня простите, угостить вас нечем. Сахара нет, да и чая нет... А ты ремесленник?

— Учащийся ремесленного училища!

— Так, так, я и смотрю — форма у тебя, как у ремесленника.

Он распахнул створки двери и пропустил нас в другую, беленькую комнату. У стен стояли две одинаковые крашенные кровати, покрытые светлыми покрывалами, множество подушек — одна меньше другой — лежало поверх них под кружевными накидками. На окнах, задернутых занавесками, розовыми огоньками цвела герань, а на стенке, над небольшим столиком, хрипло и сбивчиво стучали ходики.

Мы сели у столика на заскрипевшие стулья, и старик закрыл за нами дверь. Яркоперая птичка запрыгала в клетке над окном и склонила набок голову, словно разглядывая нас.

Ждали мы недолго. Через четверть часа Воронков впустил кого-то в дом, мы слышали тихие голоса, дверь открылась, и в комнату вошли Валя и смуглолицая девочка в клетчатом платье.

— Ну, давайте знакомиться, — смущенно сказала девочка и, протянув мне руку, представилась: — Нина Воронкова.

Потом она подошла к клетке и громко спросила:

— Батя, вы кормили чижа?

— Ну, конечно, про чижа ты вспомнила, — заворчал старик в соседней комнате. — А ты бы лучше спросила, чем сам батя кормился?

Девочка взглянула на нас и, смущенно улыбнувшись, сказала отцу:

— А в ящике нет проса, батя?

— Вот и посмотри сама.

Нина быстро вышла. В соседней комнате заскрипел выдвигаемый ящик, и она принесла в вытянутой руке горсточку зерен. Пока она кормила чижа, Валя безмолвно стояла, прислонившись к стене и заложив руки за спину.

— Мы, наверно, все ровесники, — сказала вдруг она.

— Мне скоро пятнадцать, — солидно кашлянул Саша.

— Мне-то четырнадцать, — вздохнула Нина. — А Вале уже пятнадцать.

— Какая же это разница — пять-шесть месяцев! — Саша махнул рукой. — Все равно, можно сказать, одногодки.

— Вот и не все равно! — запротестовала Нина. — Валя уже комсомолка, а у меня заявление не принимали. Так вожатая и сказала: погоди еще немножко.

— А вы комсомольцы, ребята? — спросила Валя.

— Нет, — смутился Саша, — нам война помешала.

— Война не может помешать стать комсомольцем, — быстро сказала Валя, вероятно заметив его смущение. Она помолчала. — А вы знаете, что подпольная работа очень опасна?

— Знаем, — кивнул я.

— Оружия только у нас нету, — тихонько и с надеждой в голосе сказал Саша.

— Оружия нам и не надо! — покачала головой Валя. Она обняла подошедшую подругу и задумчиво прибавила: — Есть совсем другое оружие, но тоже страшное для фашистов. Вы догадываетесь, какое?

— Нет, — искренне сознался я.

Валя подошла к столу, увлекая за собой Нину.

— Фашисты распускают слухи, что наша армия разбита и что Гитлер не сегодня-завтра будет в Москве. Только Москвы ему не видать, как своих ушей! — Валя нахмурилась. — Нужно, ребята, чтобы народ знал правду! Чтобы наши люди могли время от времени читать сводку Совинформбюро...

— Мы будем распространять листовки? — перебил ее Саша, и у него заблестели глаза.

— Но это очень опасно, — продолжала Валя, садясь рядом с нами.

— Да что ты все — опасно да опасно! — обиделся Саша. — Что мы, маленькие?

— Ты не сердись, — чуть улыбнулась она. — Дело не в том, маленькие мы или большие, а в том, что нужно быть осторожными. Двух наших товарищей фашисты уже расстреляли за распространение листовок... Но дело это очень нужное! И нам, ребята, следует помнить, что это поручение партии и комсомола!

— Мы не подведем, Валя! — сказал я, чувствуя, что меня охватывает ликование. — Можно будет сегодня приступить к делу?

— Сегодня наши не смогли напечатать листовки, а завтра, я думаю, будет работа.

— А можно нам привлечь еще одного? — спросил Саша. — Есть такой Гриша Науменко... Замечательный человек! Мы с ним из одного ремесленного.

Валя вопросительно посмотрела на Нину.

— Я не знаю его, — чуть-чуть пожала Нина плечами.

Валя задумалась, тонкая морщинка обозначилась на ее переносице.

— Нина, а почему ты чижу воды не даешь? — спросила она и, снова помолчав, прибавила: — Понимаете, ребята, каждый новый человек, которого мы не знаем...

Валя проследила, как ее подруга наливает в клетку воду.

— Ты что, не веришь мне? — спросил Саша. — Ты почему молчишь?

Валя поспешно сказала:

— Ты очень быстро хочешь все решить... Ну хорошо, пусть это будет на твоей ответственности и... на моей... Пусть он приходит завтра, Саша! — И Валя приветливо улыбнулась. — Нина, ты бы угостила чем-нибудь наших гостей.

— Хотите семечек, ребята? — весело спросила Нина.

— Нина, Нина! — шутливо вскрикнула Валя. — Во-первых, не «хотите», а «хотите». А во-вторых, кто же угощает семечками?

— Хотите? — поправилась совсем смутившаяся и покрасневшая Нина. — Все я на этом слове спотыкаюсь... Вы меня поправляйте, пожалуйста, ребята, если я еще ошибусь.

Он не ответил. Наступило неловкое молчание. Яркоперая птичка пила воду, запрокидывая головку и зажмурив от наслаждения глазок. Мы начали прощаться.

— А зачем ты себе косы отрезала? — тихонько спросил я Валью на пороге.

— Некогда возиться теперь с косами, — вздохнула она и грустно улыбнулась. — До завтра, ребята.

Глава седьмая КЛЯТВА

На улице Саша достал из кармана табак и высыпал его на дорогу.

— Все, Витя!

— Больше не будешь курить?

— Не буду!

— Врешь ведь!

— Посмотришь.

Я недоверчиво покрутил головой.

Дома, на лавочке возле ворот, нас ожидал Гриша Науменко. Увидев меня и Сашу, он вскочил, маленький и юркий, и возбужденно спросил своим особенным писклявым голосом:

— Что же ты, Александр? — Гриша всех товарищей называл полными именами. — Пришел, наговорил с три короба и, здрасте, как сквозь землю провалился.

— Ишь ты какой быстрый, — улыбнулся Саша, подмигивая мне. — Может, мы тебя проверяли, какой ты есть и можешь ли тайну хранить.

Гриша не понял шутки и обиделся.

— Я не умею тайны хранить? — Глаза его забегали с Саши на меня, и он растерянно провел ладонью по веснушчатой щеке. — Это я-то не умею?!

— Кто тебя знает, может, у тебя в гестапо друзья есть.

— Дурак! — дрожащим голосом сказал Гриша.

— Да он шутит! — не выдержал я. — Ты не обращай внимания.

— За такие шутки, Александр, можно и по носу дать!

Лишь когда мы рассказали о свидании на улице Первого мая и ответили на все его вопросы, Гриша обрадовался и успокоился.

— А я, ребята, начал уже действовать.

— Как?

— Помните нашу стенгазету?

— Какую стенгазету?

— Ну, ту, что мы в ремесленном выпустили. Ты, Виктор, еще приходил картинки рисовать.

— Ну и что же?

— Ну, я ее спрятал дома, когда немцы пришли. Думаю, такая красивая она получилась, нельзя ей пропадать. А сегодня взял и повесил на базаре.

— Да зачем же?

— Уж очень там хорошо было написано, что нашему народу дала советская власть. Думаю, пускай люди читают и вспоминают, какая жизнь была до немцев!

— И тебя не заметили? — спросил я. — Как же ты умудрился повесить?

— Умудрился... Народ сразу окружил, читают и молчат. А одна женщина, смотрю, даже заплакала.

— Глупо ты сделал, — нахмурился Саша. — В заголовке написано, что это орган печати нашего ремесленного. Теперь нам хоть форму снимай. А то сразу в гестапо попадем.

— А я что, дурак, что ли? — усмехнулся Гриша. — Старый-то заголовок я вырезал, а новый приклеил.

— Какой?

— «Правила торговли на рынке».

Я приснул, а Саша присел и от удовольствия громко захохотал.

— Ой, Гришка, ну и учудил! И что же потом?

— Потом полицей подошел, давай свистеть, кричать: «Разойдись!» Только как прочитал: «Правила торговли на рынке», успокоился и пошел дальше.

Мы долго смеялись над Гришиной затеей. Со двора меня окликнула мама. Ей стало уже лучше, и она начала даже гулять по двору. Жизнь становилась все трудней, а мама поправлялась, как она говорила, «назло фашистам».

— Витюша, — зашептала она, когда я подошел к ней, все еще продолжая смеяться, — как-то странно вы себя ведете последние дни, уходите куда-то... Такое время... А вы...

— Мапочка, не сидеть же нам по целым дням во дворе!

— Не в этом дело... — Она тревожно заглянула мне в глаза. — Что ты от меня скрываешь?

— Мама...

— Скрываешь, Витюша, я это чувствую.

— Мы ведь пасем корову...

— Вот и не пасете. Сегодня она совсем голодная.

— Сейчас поведем на выгон, мамочка, — сказал я, стараясь поскорее скрыться от ее пронизательных глаз, и крикнул: — Ребята, пошли корову пасти!

По дороге на выгон Гриша сообщил нам еще одну новость: утром под дверью своего дома он нашел листовку со сводкой Советского информбюро.

— Вот те на! — Саша даже остановился от удивления. — А Валя говорила, что сегодня не смогли напечатать листовки.

— Бестолковый ты, Александр! Они не смогли, так другие смогли! Ты думаешь, только один ты такой в Борисове храбрый? Значит, еще кто-то работает. Да, я думаю, весь народ листовки клеить будет — только дай!

Гриша бережно вынул из кармана аккуратно сложенную листовку, я выхватил ее, и мы с Сашей с жадностью прочитали сводку Совинформбюро. Из сводки мы узнали о том, что на всех фронтах наши войска ведут ожесточенные бои, в ходе которых противник несет большие потери в живой силе и технике, и что фашистские самолеты напрасно рвутся к Москве: славные советские летчики не подпускают их к столице!

— Ага, достается собакам! — радостно сказал я. — Ребята, а как Гитлер-то врет! По его сводкам выходит, что от Москвы ничего уже не осталось.

На выгоне, у сараев Заготзерна, группа немцев возилась подле грузовой машины. Мы долго наблюдали за ними издалека, так и не рискнув подвести корову поближе. Гриша, наконец, понял, чем они заняты.

— Теплые вещи сгружают... Эка награбили сколько! К зиме готовятся! К нам тоже вчера приходили, даже мою ушанку забрали.

Скоро к сараю подошла вторая машина, груженная теплыми вещами.

...Утром мы рассказали об этих машинах Вале и Нине, которые ожидали нас на улице Первого мая. Валя молча слушала, задумчиво покусывая губу.

— Хорошо, ребята, я передам все нашим. А теперь... — она быстро взглянула на нас. — А теперь, ребята, вот что. Садитесь-ка за стол.

Мы уселись вокруг маленького столика. Было слышно, как в соседней комнате стучит молотком старый Воронков. Чиж неторопливо прыгал в клетке. Солнце пробивалось сквозь занавески на окне, и на полу покачивались кружевные зайчики.

— Мы советовались с Ниной, пока вас не было, и вот что придумали...

Гриша с таким напряжением смотрел на Валю, что на его лбу выступили частые и мелкие бусинки пота.

Валя тихо продолжала:

— Когда наши люди вступают в партизанский отряд, то дают клятву... И я думаю, мы тоже должны дать клятву. Согласны?

— Да, — разом выдохнули мы.

— Вот слушайте, какую клятву мы написали с Ниной,

И Валя негромко прочитала:

— *«Я перед лицом своих товарищей клянусь всеми силами помогать родной Коммунистической партии, ленинскому комсомолу, нашей армии освободить социалистическую Родину от фашистских захватчиков.*

Клянусь, не щадя своей крови и, если надо, самой жизни, мстить проклятому врагу за нашу поруганную землю, за смерть и горе наших людей; клянусь хранить в строгой тайне имена своих товарищей и все, что мне будет известно о нашей работе.

К борьбе за великое и бессмертное дело Коммунистической партии всегда готов!»

Валя кончила читать и подняла на нас глаза. Мы молчали. Вероятно, по нашим лицам она поняла, что каждый из нас принимает эту клятву не только разумом, но и сердцем.

Много лет прошло с того часа, но я до сих пор слово в слово помню эту клятву, и когда в уме повторяю ее слова, то снова остро ощущаю охватившее меня тогда чувство. И радость, и гордость, и жгучее желание немедленно сделать что-нибудь хорошее и большое для Родины, выполнить самое опасное задание, не щадя своей крови и жизни, — все было в этом чувстве.

Валя встала и первая произнесла слова клятвы. Следом за ней поднялись все мы. Когда пришла моя очередь, у меня от волнения пропал голос. Я смотрел на листок из тетрадки, на котором четким круглым почерком Вали была написана клятва, и почти беззвучно шевелил губами. Листок дрожал в моей руке.

— Громче, — шепнула Нина.

— Ничего, ничего, — поспешно сказала Валя, — пусть так...

Под конец мой голос окреп, и я четко произнес:

— К борьбе за великое и бессмертное дело Коммунистической партии всегда готов!

Снова наступило торжественное молчание.

— Ну вот, — улыбнулась Валя; она тоже была взволнована и заметно побледнела, — теперь, ребята, у нас... теперь у нас одна семья!

Она сейчас же подожгла спичкой листок с клятвой и осторожно высыпала пепел в блюдечко на столе. Потом Нина по ее знаку принесла откуда-то из другой комнаты листовки, напечатанные на папиросной бумаге.

— Это на центральной улице, — сказала Валя, передавая Грише стопку листовок, — опусти в почтовые ящики или подсунь под двери.

— Есть! — ответил он по-военному и сейчас же ушел.

— А это на базаре, — она посмотрела мне в лицо и помедлила. — Только осторожней, там много глаз. Но там много приезжих колхозников, и хорошо будет, если они повезут сводки в деревни.

— Есть, — повторил я, пряча листовки на груди под гимнастеркой, и двинулся к двери. Казалось, меня несли крылья.

— Виктор! — остановила меня Валя. Я оглянулся, и мне почудилось, что в ее серых глазах мелькнула тревога. — Только осторожней, пожалуйста.

— Хорошо.

— Ну вот... желаю успеха.

— Спасибо, — сказал я и вышел из комнаты.

Старик Воронков, склонив голову, посмотрел на меня поверх очков, вздохнул и снова принялся заколачивать гвозди.

Глава восьмая НАС МНОГО!

Получилось так, что первой, кого я увидел на базаре, была мачеха Саши. Она сидела за столиком с какими-то странными изделиями, такая же, как и прежде, пышная, накрашенная и улыбающаяся фальшивой, словно сводившей губы, улыбкой. Клавдия выжидательно поглядывала по сторонам и пронзительно приговаривала:

— Во-от сахарные петушки и зайчики! Во-от сахарные петушки и зайчики! Мадам, возьмите для своей девочки, не пожалеете, сладкие, как мед!

Желтые розовые и зеленоватые леденцы торчали на ее столике на длинных щепках. Это были бесформенные слитки из краски и сахара. Усталая женщина стояла у столика, держа за руку бледную маленькую девочку, и брезгливо разглядывала разноцветный товар Клавдии. Девочка завороченно смотрела на стол и тянула страдальческим голосом:

— Мамочка, купи зайчика! Ну купи, мамочка!

— Сколько это стоит? — спросила женщина морщась. Клавдия что-то ответила, широко улыбаясь; между накрашенных губ блеснула золотая коронка.

— Где же я наберу столько денег! — пожала покупательница плечами. — Пойдем, Таня, это какая-то гадость! — прибавила она так, что трудно было понять, к чему относится это слово «гадость» — к леденцам или к торговке.

— Мадам, вы не имеете права! — взвизгнула Клавдия приподнимаясь. — Это очень даже хороший товар! Вы не имеете права.

— Отстаньте... прошу вас, — сдержанно сказала женщина.

— Я могу уступить, мадам, — вдруг, сбавляя тон, снова улыбнулась Клавдия. — Пожалуйста, я уступаю, но зачем же такие слова говорить? — Она еще больше понизила голос. — Только, мадам, я не принимаю оккупационные марки... Если можно, лучше рублями.

Женщина презрительно посмотрела на Клавдию.

— Что же вы, живете по-немецки, а деньги берете советские?

— Что делать, мадам? У меня таких марок — хоть печь топи, а их никто не хочет брать. У колхозников за мешок марок и курицу не купишь. А что дорого, мадам, так это не моя вина, сами знаете, как сейчас сахар доставать.

Пока они разговаривали, я с бьющимся сердцем опустил в сумку женщины листовку и двинулся дальше. Клавдия неожиданно окликнула меня:

— А куда вы уходите, молодой человек? — по-видимому, она не узнавала меня. — Хотите сигареты? У меня есть хорошие немецкие сигареты.

— Дрянь, а не сигареты, — сказал за моей спиной какой-то прохожий. — Не табак, а эрзац высшего сорта. У Гитлера все эрзац.

— Не слушайте его, молодой человек, очень хорошие сигареты. А вам, гражданин хороший, может влететь за партизанскую пропаганду.

— И сама-то ты эрзац, а не человек! — махнул прохожий рукой и скрылся в толпе.

— Мадам, вы не имеете права! — взвизгнула Клавдия приподнимаясь.
— Это очень даже хороший товар! Вы не имеете права.

Я шел, наблюдая за женщиной с девочкой. Мне очень хотелось посмотреть, что будет делать женщина, когда обнаружит в своей сумке листовку, которая начиналась словами: «Смерть фашистским захватчикам!» Не теряя из виду женщину и девочку, я шел по базару, незаметно там и тут оставляя на прилавках листовки. Женщина остановилась перед небольшой горкой картофеля. Несколько картофелин она сняла с весов и положила в сумку, три-четыре секунды помедлила и вдруг вынула листовку и поднесла к глазам. Я видел, как она вздрогнула, оглянулась и, быстро сложив бумагу, засунула ее в рукав.

«Как хорошо! Как хорошо! — думал я ликуя. — Какая это замечательная женщина и какая у нее славная девочка!»

Потом я двинулся обратно по ряду. Листовки исчезли, и все вокруг было по-прежнему спокойно.

Окрыленный успехом, я вошел в самую гущу толпы и медленно поплыл за ней, зажатый со всех сторон. Сердце мое билось все чаще. Ни на кого не глядя, я совал листовки направо и налево между чьими-то спинами и животами. Это длилось полминуты, может быть, минуту. И вдруг я почувствовал, как толпа за моей спиной схлынула и вокруг меня стало просторно. Я оглянулся. Десятки людей молча и сосредоточенно склонялись к земле, подбирая листовки, и быстро их прятали.

Со всех сторон сюда торопились новые люди.

— Что случилось?

— Тише! Наши листовки!

— Где? Где? Дайте, товарищ!

— Все кончились...

— Эх, ты. Жалость!

— Дайте хоть одну, граждане!

Меня снова зажали, и я выпустил на волю еще партию листовок. Выбравшись из толпы, я увидел, как со всех концов базара продолжают сбегаться мужчины, женщины, дети. Меня почти сбил с ног низенький старый колхозник. Он тяжело дышал, седая голова его тряслась, и покрасневшие обветренные глаза слезились. Старик схватил меня за руку твердыми шершавыми пальцами и сокрушенно вздохнул.

— Опоздал! Ох, господи ты боже мой... Ноги мои не такие! Сыночек, миленький, ты, должно, успел подхватить? Подари мне, старому! Говорят, наши там пишут! А я тебе лучку, морковки дам. Подари, сыночек!

— Одна у меня есть, дедушка. Натe, возьмите, — шепнул я и передал старику листовку, которая и на самом деле у меня была последней.

Где-то неподалеку раздался свисток и следом за ним громкий и гневный голос какой-то девушки:

— Отойди! Ну! Читала, потому что глаза есть! И буду читать! У, гад фашистский!.. Ой, маменька, да что же ты мне, проклятый, руку выламываешь... Ой, ратуйте, люди добрые!

Толпа расступилась. Задышающийся полицейай, здоровый и мордастый, с тупым упорством тянул по образовавшемуся проходу девушку со сбившимся на плечи платком.

— Вот я тебя в гестапо, ба-альшевицкая твоя душа! — шипел он.

— У тебя, гадина, совсем души нет!

Девушка ухватила за белую нарукавную повязку полицейая, на которой было написано: «Служба порядка». Слова эти никак не вязались с видом полицейая, который был похож на бандита. Да и мог ли кто-нибудь другой, кроме уголовного, согласиться по доброй воле исполнять эту гнусную и презренную должность.

Девушка рванулась, повязка лопнула и упала под ноги. Это окончательно разъярило полицейая. Он широко размахнулся, чтобы ударить девушку, но она вдруг юркнула в сторону и исчезла в толпе.

— Стой! — хрипло заорал полицейай, устремляясь за ней. Но толпа уже сомкнулась, и он беспомощно метался, зажатый со всех сторон. — Разойдись! — хрипел он, размахивая над головой кулаком. — Разойдись, говорят вам!

— Да я-то что могу сделать! — громко ответил ему чей-то веселый голос. — Меня самого зажали.

— Разойдись... я жаловаться буду!

Это было глупо, и толпа дружно захохотала.

— Напиши заявление Гитлеру, нехай танк на помощь пришлет! — крикнули издалека.

Новый взрыв хохота прокатился по базару.

Через минуту толпа поредела. Полицай отряхнулся, как собака, вылезшая из воды, подобрал свою затоптанную повязку и торопливо ушел, красный и помятый.

Домой я не шагал, а летел. Все пело у меня внутри. «Нас много, нас много!» — повторял я в уме в такт шагам.

Саша уже сидел на лавочке возле ворот. По его сияющему лицу я понял, что свое задание он тоже выполнил успешно.

— Я на станции у железнодорожников был. Что за люди, Витя, — шептал Саша возбужденно. — Им бы дать сейчас оружие, они бы весь город перевернули! Честное слово!

Во дворе нас ждала неприятность. На крылечке сутулилась печальная тетя Нюша.

— Увели нашу корову, мальчики, — сказала она тихо. — Ждала я этого, а все-таки жаль... Так жаль! — По ее щеке покатились слеза.

...Вечером, когда я закрывал ставни, меня окликнула из-за забора Валя. Так и не закрыв последнюю ставню, я бросился на улицу, подхватив по дороге Сашу.

Валя стояла у калитки с невысоким широкоплечим парнем в сапогах и кепке, лет восемнадцати-двадцати. В сгустившемся сумраке я не мог разглядеть его лица.

— Петрусь, — представился он, протягивая нам руку.

Все движения его были быстрыми, но было в них в то же время что-то неуловимо мягкое и ловкое. Он крепко потрянул руку мне, потом Саше и, чуть-чуть раскачиваясь на носках, спросил:

— Кто племянник Леонида Федоровича?

— Я...

— А это Саша?

— Да.

— Привет вам от Леонида Федоровича. — Он, помолчав, добавил: — Вы знаете, где немцы трофейное оружие держат?

— Знаем.

— И как туда ползти, знаете?

— Я сам туда лазил, — сказал Саша.

— В общем придется мне этим делом заняться. Мы хотели разом все забрать, да нет подхода к городу. Придется, в общем, постепенно. Ну так что ж, пошли.

— Куда? — спросили мы с Сашей в один голос.

— Как куда? — удивился Петрусь. — За оружием!

Я растерянно посмотрел на Сашу, подумав о том, как будут волноваться мама и тетя Нюша, если мы не явимся сейчас домой. Саша угадал мои мысли:

— Ничего, Витя, скажем, что с Валею разговаривали. Ты подождешь нас, Валя?

— Я пойду с вами, ребята. Там будет много работы... А потом я, пожалуй, зайду к тете Нюше.

— Лопату захватить надо, — сказал Петрусь.

Я взял в сарае лопату, даже не спросив, зачем она нужна, и мы цепочкой двинулись огородом на выгон.

Ночь была черная и прохладная. Темнота такой плотной стеной поднималась перед глазами, что мне не было видно ни одного из моих спутников. Я слышал только их дыхание и легкий шелест травы под ногами. Землю, воздух, небо — все заволокла эта недвижная, влажная, наполненная острыми запахами тьма. Пахло сырой землей, высыхающей травой и еще чем-то особенным, чем пахнет обычно осенью в лесу и в поле. Где-то в небе слышалось тонкое курлыканье журавлей. Потом оно стихло, и на смену ему явились далекие звенящие звуки: на большой высоте шли самолеты. Я сразу определил, что это наши, советские машины, по ровному и плавному гулу моторов, в отличие от которого немецкие самолеты летят с прерывистыми, какими-то рыкающими звуками. Наши летчики вели машины на запад бомбить вражеские тылы. Словно подтверждая мою догадку, далеко за городом начали бить немецкие зенитки. Скоро они смолкли, и снова вокруг стало угнетающе тихо.

— Стоп! — шепнул идущий впереди Саша. — Дальше идти опасно, надо ползти...

Я налетел на остановившегося Петруся и почувствовал, как в мою спину ткнулась Валя. Мы начали двигаться на четвереньках. Это было очень своевременно, потому что впереди у сараев вдруг вспыхнул синеватый огонек, резко хлопнул выстрел ракетного пистолета и, прочертив в темноте кривую белую линию, в небе зажглась осветительная ракета. На несколько секунд стало совсем светло, и в колеблющемся свете я увидел степь, далекую гряду леса и совсем близко — метрах в ста — сараи с косыми, бегущими по выгону тенями.

Мы неподвижно лежали на земле. А когда стало снова темно, я почувствовал под щекой влажную траву и поймал себя на том, что мне хочется как можно глубже втиснуться в землю. Я приподнял голову и вытер мокрую щеку. После яркого света ночь показалась еще черней, и мне внезапно представилось, что мои товарищи исчезли и теперь я здесь совсем один, в густой бесконечной темноте, рядом с врагами. Противная мелкая дрожь пронизала мое тело и, усиливаясь с каждой секундой, трясла меня все больше и больше.

— Саша... Валя... — жалобно шепнул я. Мне никто не ответил, но почти сейчас же я услышал позади движение и понял, что ко мне подползает Валя. Потом впереди зашептал Саша:

— Петрусь...

— Я...

— Тут недалеко канава. По ней надо...

— Вы ждите меня, а я полезу, — прошептал Петрусь так спокойно, словно речь шла о чем-нибудь самом обычном и неопасном.

— Один полезешь? — спросил Саша, и в его шепоте послышалось разочарование. — А как же мы?

— Вас не велено брать.

— Да ведь в темноте ты не найдешь, куда там лезть, а я знаю: я там днем был! Петрусь помолчал, по-видимому, он колебался.

— Добре, полезли вдвоем, — наконец согласился он.

Мы ждали их долго. Несколько раз над сараями взлетали осветительные ракеты, озаряя ночь ярким, режущим глаза светом. Когда над выгоном становилось светло, я видел, что Валя недвижно лежит на животе, подложив под подбородок кисти рук.

— Тебе страшно? — шепнул я.

— Да, — просто ответила она. — А тебе?

— Сначала было страшно, а теперь уже нет.

Мы замолчали. С черного неба до нас долетело далекое курлыканье.

— А журавли все летят, — шевельнулась Валя, и я услышал, как она вздохнула. — Если бы не война, уже начался бы учебный год...

— Тсс, — приподнялся я на руках, услышав шуршание лопухов, — кажется, ползут...

Это действительно возвращались Петрусь с Сашей. Они добыли два легких пулемета и, положив их возле нас, сейчас же собрались ползти снова.

— Это неправильно, Петрусь, — горячо зашептал я. — Пускай Саша теперь здесь, а я полезу.

— И я, — сказала Валя. — Слышишь, Петрусь?

— Перестаньте! — ответил он. — Что это, игра, что ли? Всем туда незачем ползти. Стыдно тебе, Валя! Ты же знаешь, что сейчас делать нужно.

— В окоп? — услышал я ее голос.

— Ну да.

Петрусь и Саша уползли. Валя прошептала:

— Возьми один пулемет, Виктор. Только осторожней, чтобы он не стукнул о лопату.

Я повиновался и тревожно спросил:

— А мы не заблудимся?

— Ну вот еще! Я здесь тысячу раз в мяч и в салочки играла.

Я слышал, как она тяжело вздохнула, поднимая другой пулемет, и подумал, что по всем правилам мне нужно было нести оба пулемета, а ей дать лопату. Но я ничего не сказал ей, понимая, что Валя ни за что не согласится на это.

Мы все дальше удалялись от сарая, поднялись и зашагали под горку, и, когда в темноте неясно блеснула река, Валя остановилась.

— Здесь...

В старом, уже начавшем зарастать травой окопе мы выкопали яму и положили туда пулеметы. Через некоторое время пришли Петрусь и Саша с какими-то ящиками.

— Патроны, — сказал Саша, тяжело дыша. — Здорово мы обставили немцев!

Скоро все было засыпано землей, и Петрусь, предупредив, что придет на другой день к вечеру, скрылся в темноте. Я спрятал в траве лопату, и мы вдвоем отправились домой.

Шел третий час, когда я робко постучал в дверь. Мама и тетя Нюша, разумеется, не спали. Я ждал, что они накинутся на нас с упреками и расспросами, но, к моему удивлению, обе молчали. Они не удивились даже позднему появлению Вали.

Только когда мы сели за стол и тетя Нюша принесла кастрюлю с дымящейся картошкой, я понял по их безмолвным вопрошающим взглядам, как они взволнованы.

— Можно мне у вас сегодня переночевать, тетя Нюша? — нерешительно спросила Валя.

— Конечно, детка. И сегодня и завтра — когда хочешь. Только вот...

— Что, тетя Нюша?

— Только вот не по себе нам, Витюша, с твоей мамой, что мы с ней ничего не делаем... — у тети Нюши дрогнул голос. — Мы весь вечер про это только и говорим! Все борются с проклятыми — и стар и мал. А мы, домашние хозяйки, даже за ворота не выходим. Перед вами, ребятами, стыдно.

— Да ведь мы, тетя Нюша... — начал я.

— Молчи, Витюша! — перебила она и махнула рукой. — Разве мы ничего не понимаем? Все видим и все понимаем! Ладно уж, ешьте скорей и ложитесь спать.

Глава девятая ДНИ И НОЧИ

На третий или четвертый день Валя с горечью сообщила, что Петрусь убит во время перестрелки с немецким патрулем. За эти несколько дней мы сильно привязались к нему, несмотря на то, что он был скуп на слова и ничем, кроме дела, не интересовался.

Смерть Петруся очень расстроила меня и Сашу, но горевать было некогда. Валя сказала, что нам поручено продолжать начатое дело, и мы с жаром принялись выполнять задание.

Долгое время в ту осень мы жили тревожной, лихорадочной жизнью, недосыпая, забывая о еде.

Мы вытащили из сарая десятки винтовок, автоматов и пулеметов, много гранат и ящиков с патронами, много килограммов тола.

Добытое оружие мы закапывали в старом окопе и каждый раз убеждались, что все закопанное всякий раз исчезало. Это наполняло нас радостью и гордостью и придавало новые силы: значит, мы стараемся не зря!

Довольно часто мы лазили в сарай и днем — прятали оружие в бурьяне, а с наступлением темноты перетаскивали его в окоп.

Иногда, лежа в канаве, я слышал неподалеку шаги и чужой говор. Сердце у меня билось тяжело и медленно, вперемежку с его ударами в висках стучала кровь. Я не раз думал о том, как поступлю, если немецкие часовые обнаружат меня в канаве. Одного из них, а может быть, и второго мне удастся застрелить из пистолета, который я, так же как Саша и Валя, держал при себе, когда лазил

в сарай. Но на выстрелы прибегут другие немцы и раньше, чем мы успеем добежать до реки, нас, наверное, окружают. Мы ляжем и будем отстреливаться, пока хватит патронов, а потом — смерть. Ну что ж, пусть смерть! Но с помощью добытого нами оружия партизаны уничтожат немало фашистских захватчиков и отомстят за нас, за нашу родную землю.

...Как-то утром к нам пришел Гриша Науменко. Мы давно не выходили в город и лишь по рассказам Вали знали, что Гриша и Нина Воронкова продолжают распространять в городе листовки и что Гриша каждый день придумывает что-нибудь новое. То он наклеит листовку на дверь городской управы, то напишет масляной краской на заборе гестапо: «Смерть фашистским захватчикам!» — и гестаповцы потом полдня соскабливают эту надпись. Такими же лозунгами Гриша недавно украсил забор на центральной улице. Валя со смехом рассказывала нам, что немцы думают, будто в городе действует большая подпольная организация, и строят всяческие планы, чтобы изловить подпольщиков.

Гриша просунул в дверь голову, лукаво прищулив глаза с белесыми, но очень густыми ресницами.

— Здравствуйте, братцы, — сказал он.

— О, гроза гестаповцев! Здорово! — весело приветствовал его Саша. — Входи, входи!

Гриша переступил порог посмеиваясь:

— Ишь ты! Они только с постели поднимаются. А Валя говорит, важным делом заняты.

— Как живешь, Гриша?

— Живу, ребята, если по-честному признаться, — никуда не годится.

— Что так?

— Жрать нечего!

— Ой, ой! — сказала входящая в комнату тетя Нюша и поморщила нос. — Что это за лексикон, мальчишки?

Гриша смутился:

— Это я оговорился, простите меня, пожалуйста.

— Ну и хорошо, — улыбнулась тетя Нюша. — А теперь, коли тебе хочется... есть, я предложу сейчас всем позавтракать вареной картошкой.

— С полным моим удовольствием! — выпалил Гриша, но, спохватившись, покраснел и прибавил: — Только, может, у вас самих мало?

— Чего, картошки? Нет, пока еще есть. Но не обессудь: у нас на завтрак картошка, на обед картошка и на ужин картошка.

— Так это же замечательно — три раза в день! — причмокнул Гриша языком. — А я уже давно на один раз перешел.

Тетя Нюша поставила на стол горячую картошку и налила в блюдечко подсолнечное масло.

— Да у вас и жиры есть! — воскликнул Гриша своим тоненьким голоском. — Как в ресторане, чтобы мне провалиться на этом месте!

Он ел жадно, звучно жевал, раздув одну щеку, и вместе со скулами на его лице двигались не только веснушки, но и белесые брови и даже уши. Макая картофелину в масло и густо посыпая ее солью, Гриша восторженно покачивал головой и приговаривал:

— Никогда не ел ничего вкуснее! Это, братцы, пирожное, а не картошка!

Покончив с завтраком, Гриша откинулся на спинку стула и блаженно закатил глаза. Потом вдруг поднялся, выскользнул в коридор и сейчас же вернулся с небольшим мешком, наполовину чем-то наполненным.

— Что это? — удивленно спросил Саша.

— Это гусь!

— Что-о?

— Я говорю — гусь... — Гришины глаза лукаво искрились. — Или ты забыл, Александр, какие до войны были гуси? Такие белые, с крыльями, по воде плавали и кричали: га-га-га!

Он открыл мешок. Там была махорка.

— Зачем ты принес... это? — мрачно спросил Саша. — Я не курю.

— И я не курю. Я же говорю, что это гусь!

— Чудно как-то шутить ты начал, Гриша.

— А я не шучу. Это ты соображать начал медленно, Александр.

— Да скажи ты толком, в чем дело?

— А в том, что я на базаре с одним старичком колхозником договорился. «Если ты, — говорил он мне, — доставишь нам в деревню табачку или даже, на худой конец, сигарет немецких, то мы тебе, как ни трудно, а мучки соберем, да и гуся дадим в придачу. Совсем, — говорит, — у нас курева нету». Понятно?

Саша восхищенно взглянул на меня.

— Ловко! Смотри, Витя, какая гора махорки! Я думаю, за такую гору и два гуся дадут.

— Может, и два, — согласился Гриша. — Ну, так как, братцы, пошли в деревню?

— А далеко?

— Далековато... Километров двадцать. Не раньше как завтра вернемся.

Саша задумался.

— Обоим нам нельзя: мы Валю ожидаем. Вот что, Витя, ты оставайся, а я пойду с ним. А где же ты махорку достал?

— Батины запасы, — вздохнул Гриша, — еще довоенные. Ничего, небось не осерчает, когда с войны вернется.

Саша и Гриша быстро собрались и ушли. Я проскучал целый день, поджидая Валю. Но она не пришла.

Весь день мама и тетя Нюша возились со старым ватным одеялом, из которого они кроили мне стеганую курточку и теплые брюки. Каким-то чудом у них вышло и то и другое, и мама, довольная и порозовевшая, долго примеряла на мне это новое одеяние. Я машинально поворачивался перед зеркалом

и с удивлением рассматривал неуклюжего подростка с длинными руками и целой гривой каштановых волос, чуть выющихся на висках и затылке.

— Вполне хорошо, — говорила тетя Ньюша. — А валенки он будет носить мои, а шапку — Лёнину. Тебе нравится, Витюша?

— Угу, — промычал я, разглядывая свое похудевшее лицо с едва различимым пушком над верхней губой, и неожиданно подумал почему-то о том, какой я, должно быть, некрасивый по сравнению с Валею. «Урод, — думал я. — Курносый! Скулы торчат, уши торчат! Ух, какой урод! Да еще голос такой противный!»

В последнее время у меня начал ломаться голос. Я разговаривал то баритоном, то вдруг петушиным дискантом, и это очень веселило Сашу. Валя делала вид, что не замечает этого, хотя мне иногда казалось, что она скрывает улыбку.

— Тебе не жмет под мышками? — спросила мама.

— Угу — сказал я.

— Что «угу»?

— Не жмет...

— Ну-ка, подними руку.

Я поднял руку.

— А теперь согнишь.

Я согнулся.

— Мне кажется, Ньюша, здесь надо немного отпустить.

— Ничего не надо немного отпускать! — сказал я раздраженно и снял стеганку. — Лучше бы ты, мама, немного подстригла мне волосы. Ты же знаешь, что в городе не работает ни одна парикмахерская.

Мама ласково рассмеялась. Она теперь редко смеялась, и меня всегда радовала ее улыбка, которая очень красила, словно освещала, ее лицо. Мне стало стыдно за грубость, я обнял маму, прижался к ее щеке и шепнул:

— Не сердись, мамусенька.

— Я не сержусь, Витюша. — Она провела рукой по моим волосам и, как будто угадав мои мысли, прибавила: — Сейчас ты станешь красивым, дай-ка ножницы.

Как я надеялся на ножницы! Но, взглянув после стрижки в зеркало, убедился, что мои уши стали торчать еще больше, чем раньше.

Совсем расстроенный, я лег в тот вечер в постель. «Ну и пусть я не красавец, — думал я. — Что же тут плохого? Не всем же быть красавцами! Чтобы бороться с врагами, не нужно быть красавцем!»

...Валя пришла на рассвете. На ней был синий лыжный костюм, немного вылинявший, но я невольно отметил, что он ей очень идет.

— Холодно на улице, — сказала Валя.

Мне показалось, что она чем-то возбуждена и скрывает свое волнение.

— А где Саша?

Я рассказал о затее Гриши с махоркой. Она нервно потрянула головой.

— Не вовремя они это затеяли.

— Что случилось, Валя?

— Час назад стало известно, что гитлеровцы сегодня собираются вывозить со склада теплые вещи и... я предложила уничтожить их...

— Как?

— Сжечь склад.

— Когда?

— Немедленно... У меня есть термит и все, что нужно. Нас только просили не рисковать, но я сказала, что никакого риска нет.

Я надел свою новую стеганую курточку, и мы вышли на крыльцо. Утро только что начало разгораться. На юго-востоке рдела холодная зоря; покрытые легким инеем крыши и ветки деревьев неясно розовели. Вокруг стояла тишина, и только одинокий воробей, разбуженный холодом, поеживаясь, чирикал на заборе. Почему-то я очень отчетливо, на всю жизнь запомнил этот розовый рассвет и нахохлившегося воробья на заборе.

— Валя, — сказал я, — а твоя мама знает, что... ты задумала?

— Мама? — она посмотрела на меня потеплевшими глазами. — Если бы ты знал, какая у меня мама! Это ведь моя мама, Виктор, и узнала, что немцы хотят вывозить вещи!..

Земля на огороде замерзла, черные кочки были твердыми, как металл, и казалось, загудят, если по ним ударить каблуком. Прохладный воздух ласкал лицо, и было такое ощущение свежести, словно только что вынырнул из воды.

Через полчаса мы были на выгоне и залегли в кустах. Часовые у склада в серо-зеленых шинелях с поднятыми воротниками сходились у сарая и снова расходились в разные стороны. Им было холодно, и они постукивали ногами.

То ли от ясного утра, то ли от близости смены у часовых, судя по всему, настроение было приподнятое, и они затеяли какой-то шумный спор. В тишине утра было слышно, как они переговариваются и хохочут. Видно, чтобы разогреться, они начали толкать друг друга плечами. Мы воспользовались этим и перебрались в канаву. От промерзшей земли поднимался острый холод, заиндевшая трава была жесткой и ломкой, и мне почудилось, что возле уха тонко звенит какая-то веточка, задетая плечом.

Часовые поохатывали у сарая. Скоро они разошлись, и один из них присел под грибком и достал губную гармонику. Кажется, он играл довольно хорошо. Бойкие звуки незнакомой мелодии звучали негромко, но четко.

Другой часовой достал из кармана небольшую книжку и, прислонившись к стене, начал листать ее.

Мы проползли под проволокой и вылезли из канавы за углом сарая. Теперь нам предстояло пробежать вдоль его стены, чтобы добраться до второго сарая, с теплыми вещами.

В первом сарае, где немцы хранили трофейное оружие, мы бывали много раз, и проникнуть туда не стоило большого труда: двустворчатые ворота этого сарая не достигали земли, и человек мог свободно пролезть под ними. Но ког-

да мы пасли корову, я запомнил, что во втором сарае ворота были крепкими и тяжелыми и плотно закрывали весь вход.

Я с беспокойством взглянул на Валю.

— Скорей! — шепнула она и, сгибаясь, побежала вдоль стены.

Через полминуты мы очутились в узком проходе между двумя сараями и прислушались. Я ничего не услышал, кроме стука своего сердца: казалось, что уши мне заложило ватой.

Валя молча указала мне на каменную стену с небольшим застекленным окном под крышей и знаками дала понять, чтобы я ее подсадил.

Но тут «вата» из моих ушей исчезла, я опять услышал гармонику и совсем рядом, за углом, шаги немецкого часового.

Все остальное произошло в течение десяти-пятнадцати секунд. Я хотел выхватить из кармана взведенный пистолет, но, осененный мыслью, что звук выстрела может все погубить, подхватил с земли булыжник и прижался к стене сарая у водосточной трубы.

Фашистский часовой завернул за угол и прошел мимо меня, читая на ходу книжку и постукивая ногой о ногу. И почти сейчас же он увидел Валю и попытался. Он был испуган не меньше нашего и поэтому не крикнул, а как-то хрипло выдохнул:

— Хальт... Хенде хох...

Книжка полетела из его рук на землю, но, прежде чем он вскинул автомат, я ударил его булыжником по затылку.

Оглушенный гитлеровец покачнулся, приседая и размахивая рукой, и мешком свалился на землю. Было тихо. За сараем по-прежнему звучала гармоника.

Трясущимися руками я подсадил Валю. Она стала мне на плечи, торопливо вынула из кармана бутылочку с клеем, намазала стекло и приложила к нему бумажный лист. Затем она резким движением бесшумно выдавила стекло, и оно вместе с бумагой, чуть слышно звякнув, свалилось внутрь сарая.

Доставая из кармана спички и термитный шарик, Валя покачнулась и чуть было не свалилась. Она с трудом удержала равновесие, чиркнула шариком по коробке и бросила его в сарай. Пламя рванулось и глухо загудело за окном.

Пробегая мимо сарая с оружием, мы на секунду задержались у ворот, и Валя метнула под ворота второй термитный шарик. А еще через несколько секунд мы были уже в канаве и ползли по мерзлой земле.

Часовой все еще играл на гармонике. Но мы не успели добраться до кустов, как он поднял стрельбу. Откуда-то к складу, охваченному огнем, бежали солдаты. Почти немедленно они бросились обратно, потому что над ближним сараем взметнулась крыша и глухой взрыв качнул землю: это начали рваться боеприпасы.

Выгон заволокло дымом, и это нас спасло.

Только у самого дома мы опомнились и немного пришли в себя. Меня тошнило. Валя вывернула карман и высыпала осколки разбитой бутылочки от клея. Ее лыжный костюм был липкий и грязный.

*Трясущимися руками я посадил Валю. Она стала мне на плечи,
затем она резким движением бесшумно выдавила стекло,
и оно, чуть слышно звякнув, свалилось внутрь сарая.*

— У тебя кровь, — сказал я, показывая на ее руку.

— Стеклом порезала, — едва шепнула она. Губы и одна щека у нее подергивались.

Я осторожно перевязал ее руку носовым платком.

— Пойдем, Валя, нам надо почиститься.

Она вдруг заплакала.

— Что такое? — спросил я. — Тебе больно?

— Нет, ничего... Это просто так... От страха... — Она слабо улыбнулась сквозь слезы, посмотрела на выгон, над которым широко полыхало зарево пожара, и прибавила: — Как хорошо, Витя! Как хорошо!

Глава десятая СКЛАДА БОЛЬШЕ НЕТ

Саша вернулся среди дня с мешком на спине и, что меня поразило, в форменной шинели. Коренастый и широкоплечий, он стал в ней словно стройнее и выше.

— Интересно, в какой это деревне тебе шинель подарили? — сказал я не без зависти. — Ты бы прихватил и на мою долю вторую шинелишку.

— Ты понимаешь, Витя, какие дела! — Он, усмехаясь, снял с плеча мешок и повертелся перед зеркалом. — Я ведь шинель только полчаса назад надел, а всю дорогу мерз, как собака.

— Кто ж тебе ее дал?

— Клавдия!

— А ты не врешь, Саша? Она ведь жадная...

— Вот честное слово! Я сам себе еще не верю... Проходим мы с Гришей мимо моего дома, я и думаю: дай зайду, может, уговорю Клавдию отдать шинель. Все ж, как ни говори, а она моя собственная и выдали мне ее в ремесленном училище. Гриша пошел в город, а я домой. Захожу, а Клавдия как увидела меня, так и давай охать: «Ох, ох, бедный мальчик! Ты совсем замерз и посинел, почему ты до сих пор ходишь без шинели?» Я стою и только глазами моргаю.

— Метаморфоза, — засмеялся я.

— Чего?

— Превращение такое. Нам учитель русского языка рассказывал, что древние греки сказки сочиняли про то, как звери в людей превращаются, и всякие там другие небылицы.

— Во-во! Про греков я не знаю, но вообще-то чистая метаморфоза. Короче говоря, Витя, она снова в человека превратилась. И ты знаешь почему? Ты помнишь эсэсовца Отто?

— Отто?

— Ну да... Приходит она один раз с базара, смотрит, ни Отто этого нет, ни ее каракулевой шубы! И вообще гардероб как есть пустой! — рассмеялся Саша. — Крепенько он ее проучил. Как только он и мою шинель не увез? Клавдия бегала жаловаться в управу и в гестапо, а над ней только смеются. Частная инициатива и предприимчивость — никаких разговоров!

Саша вынул из мешка гуся и кулек со ржаной мукой. Мы торжественно отнесли все это на кухню тете Нюше.

— А вы бы посмотрели, какой у Гриши гусяще! В ту деревню фашисты боятся заезжать: партизаны близко. Так что там кое-что из продуктов еще осталось. Эх, а как там партизаны, Витя, действуют! Даже завидно! Сколько фашистов побили! Не то что мы тут сидим...

Потом Саша взял меня за рукав и повел обратно в комнату.

— Витя, а мы с Гришей это... всю дорогу мечтали, как бы фашиста какого-нибудь встретить. Да не пришлось.

— А разве ты брал с собой пистолет?

— Обязательно!

— Разве ты забыл, что Валя разрешила нам брать пистолеты только тогда, когда мы лазаем за оружием?

— Ты понимаешь, Витя...

— Я ничего не хочу понимать. Я только знаю, что ты нарушил дисциплину. Саша помялся.

— Ну, знаешь, так далеко идти с пустыми руками не очень-то приятно! Хорошо тебе здесь было отсиживаться...

Я улыбнулся.

— А если бы немцы начали вас обыскивать? Тогда что?

— Ну... ладно, Витя. Я сейчас пойду спрячу пистолет в сарай, только ты не говори ничего Вале. Вы что, без меня оружие таскали?

— Нет.

— А сегодня будем?

— Нет.

— Почему?

— Потому, что никакого склада больше нет.

Он вытаращил на меня глаза. Тут я не выдержал и рассказал о том, что произошло на рассвете. Саша слушал затаив дыхание.

— Эх, меня не дождались! — наконец выдохнул он.

...На следующий день мы отправились на улицу Первого мая. Дверь нам открыл старик Воронков с молотком в руках.

— А, молодые люди, — добродушно приветствовал он нас. — Что же вы опаздываете? Барышни вас давно ожидают.

Мы переступили порог маленькой комнаты. Валя и Нина сидели за столом, и мне показалось, что Валя, наклонившись к постели, что-то быстро спрятала под подушку.

— Товарищ командир, Пашков и Климкович прибыли по вашему приказанию, — с улыбкой отрапортовал Саша и, взглянув на меня, прибавил: — Приглашаем вас сегодня к нам в гости есть жареного гуся!

Меня мучило любопытство: что Валя спрятала? И вдруг я увидел, что из-под подушки торчат две маленькие ножки в голубых туфельках.

— Валя! — удивленно вскрикнул я, осененный догадкой. — Вы играли в куклы?!

Девочки растерялись и покраснели, и я пожалел, что высказал вслух свою догадку: мне вовсе не хотелось расстраивать Валю и Нину. Потом они посмотрели друг на друга и смущенно улыбнулись.

— Во все не играли, — сказала, наконец, Валя и неловко вытянула куклу из-под подушки, — просто нам было скучно... Вот мы ишили ей новое платье... — Она спохватилась, как бы не заподозрили, что эта кукла принадлежит ей, и торопливо прибавила: — Вообще эта кукла ничья... То есть это очень старая кукла Нины, но она уже четыре года с ней не играет... Правда, Нина? Просто нам было скучно...

Ну хватит! — Валя снова спрятала куклу под подушку. — Ребята, знаете, о чем я хотела поговорить? О седьмом ноября!

Седьмое ноября! В моей памяти ярко вспыхнули огни этого светлого праздника, блеск иллюминации на улице Горького, лучи прожекторов, красные стяги, реющие по Москве. И кругом музыка, песни, и на всех улицах бесконечные людские потоки, которые, как реки в море, вливаются на Красную площадь. Как давно и как недавно я все это видел!

И вот теперь скоро снова наступит этот большой праздник. Но я не увижу ни иллюминации, ни демонстрантов, не услышу ни музыки, ни песен в разбитом и измученном городе, захваченном грабителями и убийцами.

Я посмотрел на товарищей и по их лицам понял, что они думают сейчас примерно то же, что и я.

— Надо, чтобы все советские люди почувствовали, что наступил праздник, — задумчиво проговорила Валя. — Я советовалась кое с кем, и мне сказали, что было бы хорошо, если бы мы написали как можно больше поздравительных писем.

— Можно мне? — сказала Нина.

— Да, — кивнула Валя.

— Я тоже советовалась с Гришей про седьмое ноября. У него, по-моему, интересный план... — говорила Нина, немного задыхаясь от волнения. — Гриша хочет наделать побольше красных флажков...

— Хочет, — тихонько поправила ее Валя.

— Гриша хочет наделать побольше красных флажков! — глотнув воздуха, повторила Нина. — И потом эти флажки повесить так, чтобы их было трудно снять. И еще написать на заборах лозунги...

— А почему не идет Гриша? — перебила ее Валя.

— Наверное, заболел, — вздохнул Саша. — Мы с ним здорово простыли, он еще в дороге кашлять начал.

— Нет, он обязательно придет, — сказала Нина. — Давайте подождем немного, пусть он сам расскажет... А то я выступать не умею.

— Что ж, можно подождать, — согласилась Валя. — А пока давайте прочитаем. Хотите, ребята? Мы с Ниной читаем одну очень интересную книгу — «Тимур и его команда».

Мы охотно приняли это предложение, хотя и я и Саша, конечно, читали уже раньше эту повесть Гайдара.

Валя читала хорошо. Мне было приятно слышать ее мягкий грудной голос:

Я третью ночь не сплю. Мне чудится все то же
Движенье тайное в угрюмой тишине.
Винтовка руку жжет. Тревога сердце гложет,
Как двадцать лет назад ночами на войне.
Но если и сейчас я встречу с тобою,
Наемных армий вражеский солдат,
То я, седой старик, готовый встану к бою,
Спокоен и суров, как двадцать лет назад.

— «Готовый встану к бою, спокоен и суров», — повторила Валя, поднимая от книги глаза. Внезапно она умолкла и прислушалась. — Кажется, стучат...

Кто-то действительно стучал в наружную дверь негромко и торопливо. Нина вскочила, но старик Воронков уже щелкал в сенях задвижкой.

В комнату быстро вошла, почти вбежала девушка. Я никогда не видел ее до этого, но, вероятно, потому, что она была такая же смуглая лицом, как Нина, и было в ней еще что-то очень напоминающее Нину, я сразу решил, что это ее сестра. Так оно и было. Как я потом узнал, до войны Катя — так звали эту девушку — училась в Минском университете. Война сделала из нее подпольщицу. О ней говорили, что она «живет на острие кинжала». Катя работала в городской управе, снабжала партизан документами и пропусками и выполняла много других очень важных поручений подпольного райкома партии. Каким-то образом ей удавалось иногда даже размножать на пишущей машинке управы сводку Советского информбюро. У немцев она была на хорошем счету.

Сейчас все выдавало волнение этой девушки — и порывистые движения, и тревожный, вопросительный взгляд, которым она окинула меня и Сашу. Валя уловила этот ее взгляд и коротко сказала:

— Это Саша и Виктор... Что случилось, Катя?

Девушка подошла к столу, стараясь быть сдержанной, и тихо проговорила:

— Хорошо, что вы здесь... Валя, у вас дома только что был обыск, найден радиоприемник и сводка Информбюро...

— Мама?! — изменившимся голосом вскрикнула Валя. Она вскочила, схватилась за железную спинку кровати и так сжала ее, что побелели пальцы.

— Не волнуйся, твоей мамы уже нет в городе. Ее не успели схватить... Но это не все... В управе стало известно, что Леонид Федорович в партизанском отряде. Еще нет приказа об аресте его жены и родных, но он вскоре будет. Поэтому нужно сейчас же, как можно скорее, переправить ее вместе с сестрой к партизанам.

— Вместе с моей мамой? — растерянно спросил я.

— Да, да, как можно скорее! И ты уходи вместе с ними. Валя, ты знаешь дорогу? Возле сторожки лесника вас будет ждать подвода из отряда. Наверно, туда скоро доберется и твоя мама, Валя. Скорей, ребята. Вот вам пропуска для взрослых.

Валя спрятала пропуска. Мы оделись и вышли из комнаты, забыв даже попрощаться с Сашей и Ниной.

В сенях Катя шепнула Вале:

— Сообщи, что на днях из Румынии прибывает карательная экспедиция — пять тысяч солдат. И еще скажи, чтобы поторопились прислать мину. Там знают, для чего...

Обняв и расцеловав нас, Катя прибавила:

— Большая вам благодарность, ребята, от партии и комсомола за операцию на складе!

Глава одиннадцатая КЛАД

К утру мы добрались до избышки лесника. Собственно, самой избышки не было: на том месте, где она когда-то стояла, виднелись обгоревшие бревенчатые стены. В маленьком дворике с разрушенным жердяным забором кое-где виднелись сухие, прибитые дождями кусты картофеля. Судя по тому, что весь дворик был изрыт, и по тому, что там и тут серела зола костров и валялись жженные картофельные очистки, многие путники останавливались здесь на привал, чтобы подкрепиться печеной картошкой.

Высокие сосны и ели близко подступали к пожарищу, кругом было пусто и тихо, пахло хвоей и отсыревшим горелым деревом.

Я посмотрел на маму. Она стояла, покачиваясь и тяжело дыша. С каждым вздохом ее худенькие плечи приподнимались, словно вздрагивали.

Она с большим трудом проделала весь этот путь, и теперь, как видно, силы оставляли ее. Я помог ей сесть на траву; она прислонилась к стволу дерева и закрыла глаза.

— Валя, что же это? — тихо и подавленно спросила тетя Нюша. — Никого нет...

Валя молча всматривалась в чашу. И вдруг бросилась вперед:

— Мама!

Из-за деревьев показалась женщина в светлом вязаном платке. За ней шел высокий сутулый мужчина.

— Леня! — вскрикнула тетя Нюша.

— Сюда, сюда! — взволнованным басом говорил дядя Леня. — Витюша, да веди же маму... Здравствуй, Нюшенька, здравствуй, любимая! Вот благодать-то у нас в отряде будет. Ты же такая кулинарка! А у нас как раз повара не хватает...

За кустами, на маленькой полянке, стояла подвода с распряженной лошадью. Рядом виднелась фигура большого седобородого человека, опирающегося на винтовку.

— Дядя Леня, — воскликнул я, — а где же твоя борода?

— А ну ее к лешему, Витюша! Надоела. Не привык я к ней, так волосы в рот и лезут. Рассердился один раз да и сбрил, — говорил он, обнимая одной рукой тетю Нюшу, а другой просиявшую, улыбающуюся маму. — Идемте, дорогие

мои. Садитесь на телегу, отдохайте... Анна Павловна, хватит вам с дочкой целоваться. Вы же вчера виделись...

Я оглянулся. Следом за нами шли в обнимку Валя и ее мама.

— Эта ночь, Леонид Федорович, была для меня больше года, — сказала Анна Павловна, не спуская с дочери увлажненных глаз. Валя держала в руке зеленый беретик, а платок с головы Анны Павловны сполз на плечи, и теперь было ясно, как походили друг на друга эти русоволосые и светлолицые мать и дочь. Даже одевались они одинаково: на дочери было такое же, как на матери, зеленое пальто, которое Валя надела поверх лыжного костюма и из которого, как мне показалось, чуточку выросла.

— Я, кажется, плачу, — говорила Анна Павловна, пытаюсь улыбнуться. — Не обращайтесь, пожалуйста, на меня внимания... Вы не представляете, как было трудно, Леонид Федорович. Особенно в последнее время, когда немцы начали подозревать... Я так за нее волновалась... — она быстро взглянула на Валью. — Ну, кажется, этот кошмар кончился!

Дядя Леня вздохнул.

— Ох, не кончился, Анна Павловна! Много еще драться будем.

— Пусть много, Леонид Федорович, но зато будем среди своих. Кажется, и умереть не так страшно, когда кругом свои.

— И когда же это все кончится, Леня? — у тети Ньюши, совсем как у маленькой, задрожали губы. — Сколько еще терпеть надо?

— Придется еще потерпеть, Ньюшенька.

— И какого черта эти, как их называют, союзники топчутся! Чего они не дерутся?

— На них надежда плохая, Ньюша.

Анна Павловна кивнула головой:

— Да, да! Мне даже один гестаповец как-то говорил, что русские напрасно надеются на американцев и англичан. Это ошибка истории, что американцы и англичане считаются союзниками русских, говорил он. А по логике вещей они, мол, союзники Гитлера, потому что в равной степени ненавидят коммунизм.

— А может, они уже помогают Гитлеру? — с беспокойством спросила мама, которую дядя Леня усаживал на телегу.

— Так если не воюют, разве это не значит, что помогают? — ответил он. — Ребятки, а вы тоже садитесь. Небось устали.

— Я ужасно устала, — виновато улыбнулась Валя. — А ты, Витя?

— Нет, я ничего, — сказал я, хотя на самом деле у меня ныло все тело.

— Так это Витя? — внезапно спросила Анна Павловна и впервые очень внимательно посмотрела на меня. В ее усталых голубых глазах затеплилась улыбка, и на виски от глаз протянулись паутинки морщинок. Она неожиданно сделала шаг ко мне, привлекла к себе и поцеловала в лоб.

Я очень смутился и тихонько пробормотал:

— Анна Павловна, что вы...

— Мне Валя так много говорила о тебе, Виктор... Хороший у вас племянник, Леонид Федорович!

Я видел, как от ее похвалы порозовела моя мама. Дядя Леня ласково сощурился, взглянув на меня; затем он перевел глаза на Валю.

— Ну, если так, иди тогда и ты ко мне, девочка! — он прижал к своей груди голову Вали и провел ладонью по ее светлым волосам. — Спасибо тебе, Валя, и тебе, Витюша, за все, что вы сделали! Большое спасибо! Крепко вы помогли партизанам. Хорошие у нас ребята, Анна Павловна. Просто расчудесные ребята!

— Ты слышишь, Нюша? — мама тронула тетю за локоть.

Валя надела беретик и, вспомнив что-то, стала вдруг серьезной.

— Леонид Федорович, Катя просила сообщить, что на днях из Румынии прибывает карательная экспедиция.

— Большая?

— Пять тысяч.

— Ну, это не страшно. Я думаю, мы их пощиплем! Еще что?

— Еще Катя говорила про мину.

— А мина здесь. На телеге лежит! — сказал седобородый человек с винтовкой.

— Здесь-то здесь, да как ее переправить? — Дядя Леня задумался. — Ничего не выйдет... А жаль! Немцы завезли горючее на нефтебазу, хорошо бы ее на воздух пустить! Эх ты, как получилось! Я думал, Катя с вами провожатого пришлет, а вы, оказывается, сами добрались... Жаль, очень жаль!

— Леонид Федорович, — сказал седобородый, — а как насчет нашего плана? В деревне немцев нет, и сейчас бы самое время вытянуть этого гада, чтоб ему тридцать три комара!

Я внимательно взглянул на говорившего и радостно вскрикнул:

— Дедушка Юхим! Здравствуйте, дедушка Юхим!

И я сразу вспомнил июньское утро на Березине, разомлевших коров, стоящих по брюхо в воде, и громкий, стреляющий кнут старого пастуха.

Дед смотрел на меня удивленно.

— Не узнаете? Да как же так, дедушка Юхим? Помните, мы рыбу ловили? — торопливо бормотал я. — Помните, вы тогда коробку «Казбека» поломали?

— Ох ты, дела какие! — вспомнил, наконец, старик, и его маленькие глаза, едва различимые в седых зарослях бровей, приветливо залучились. — Скажи на милость, где встретиться довелось! А где дружок?

— В городе, дедуся! — сказал я и с гордостью прибавил: — Подпольщик!

— Вон как! Я тогда сразу определил, что вы хлопцы дельные... Ну, мы еще в лагере поговорим... Так как насчет нашего плана, Леонид Федорович?

Дядя Леня беспокойно взглянул на нас.

— Вы подождите нас здесь, дорогие... Я думаю, мы скоро вернемся: мы тут с Юхимом Опанасовичем одну маленькую операцию задумали...

...Они вернулись часа через три. Мы дремали на телеге, склонившись друг к другу. Когда меня растолкала Валя, я не сразу понял, где нахожусь, увидев над головой остроконечные сосны и серое холодное небо.

Дядя Леня и дедушка Юхим были очень оживлены. Они рассказывали нам о своей «маленькой» операции.

Неподалеку находилась деревня, где жил дед Юхим, во главе которой гитлеровцы поставили предателя-старосту. Партизаны давно собирались свести с ним счеты, и теперь для этого представился подходящий случай.

...Выйдя к дороге, ведущей в деревню, дядя Леня и дедушка Юхим разобрали на мостике доски и залегли в кустах. Им не пришлось долго ждать: вскоре со стороны города показался мотоцикл с двумя вражескими солдатами. На мостике мотоцикл остановился, и солдаты, поругиваясь, принялись укладывать сдвинутые доски. Две короткие очереди из автомата сбили гитлеровцев с мостика.

Дядя Леня переоделся в немецкий мундир, сел на мотоцикл и добрался до деревни. На ломаном русском языке он грозно объявил старосте, что городской комендант немедленно требует его к себе со списком всех «особо неблагонадежных». Перепуганный староста быстро собрался, сел в коляску мотоцикла, и дядя Леня одним духом доставил его к месту засады. Увидев старого пастуха, предатель все понял и упал на колени.

Дедушка Юхим вначале было принялся его стыдить, но, увидев список «особо неблагонадежных» и найдя в нем и свое имя, пришел в неопишемую ярость. Прежде чем дядя Леня успел двинуться, старик выпустил в предателя очередь из автомата...

Пока дед Юхим запрягал лошадь, Валя о чем-то шепотом разговаривала в отдалении со своей мамой.

— Поехали, друзья, — предложил дядя Леня, — садитесь!

— Леонид Федорович, — вдруг сказала Анна Павловна. — Валя вернется в Борисов... Дайте ей мину.

Все сразу умолкли. В тишине было только слышно, как фыркает и звенит удилами лошадь.

— Это очень правильно, дядя Леня, — горячо зашептал я. — Вместе с Валею пойду и я... Нам это будет легче... Честное слово! Немцы у нас даже пропуска не спрашивают.

— Витюша! — вскрикнула мама, и ее лицо болезненно сморщилось. Она хотела еще что-то сказать и, словно ища у кого-то поддержки, повела по сторонам глазами. Но, увидев серьезное и спокойное лицо Анны Павловны, мама только судорожно вздохнула и опустила голову. На ее колени закапали слезы.

— Хорошо, ребята, — сказал, наконец, дядя Леня. — Вы передадите Кате мину и вернетесь сюда... Мы вас будем встречать здесь каждый день. Послезавтра, наверно, вы уже вернетесь сюда. Успеете?

— Успеем! — кивнула Валя и бросила на меня короткий благодарный взгляд.

Я снял свою ватную курточку, и, пока дядя Леня пристраивал у меня на поясе мину — это была небольшая магнитная мина в матерчатом мешочке, — старый пастух, ласково щурясь, говорил мне:

— Может, покурить хочешь?

— Чего-о? Покурить? — пораженно спросил я. — Дедуся, да ведь...

— Это ты про «Казбек» вспомнил? — подмигнул он. — Что было, то было... Посерчал я тогда, конечно... А хлопец ты, я вижу, подходящий... У меня немецкие сигареты есть, не так чтобы сильно хорошие, но курить можно.

— А я не курю совсем.

— Так ты дружку передай пачку.

— И он бросил!

— Скажи на милость! Вот ведь как бывает... А я, понимаешь, начал. Раньше сроду не курил, а теперь начал. Должно, от войны: злости на сердце много.

— Дедуся, а помните, вы нам про клад говорили?

— А как же, помню.

— Хорошо бы найти его сейчас — да в Москву! Сколько бы танков да самолетов вышло!

— А я нашел, — серьезно сказал пастух.

— Ну-у?! — радостно вскрикнул я. — Правда, дедуся? Где же это?

— Да здесь, — неопределенно повел он кругом рукой.

— И много золота?

— Много, хлопец! — он улыбнулся лучисто и ясно. — Много — двести миллионов!

— Чего двести миллионов?

— Двести миллионов человек!

Я ничего не понял.

— Сколько народу, значит, в нашем государстве насчитывается? Соображаешь? — он снисходительно нажал мой нос своим большим и твердым пальцем. — Ну? Ага, улыбаешься? Вот то-то и есть, что двести миллионов. А какой у нас народ, я, хлопец, по-настоящему понял, когда в партизанский отряд пришел. Золото, а не народ! Тот клад, про который я рассказывал, может, только одна сказка. Может, его и не было совсем, того клада. А тут, хлопец, жизнь! Вот так-то...

На всю жизнь запомнил я эти бесхитростные, но мудрые слова старого белорусского пастуха.

Глава двенадцатая «КЛИЧ ПИОНЕРА — ВСЕГДА БУДЬ ГОТОВ!»

Мы немного проводили подводу и повернули назад. От нервного возбуждения я совсем не чувствовал усталости. Казалось, что я только что поднялся с постели после долгого и крепкого сна. Может быть, это происходило оттого, что сквозь рубашку я ясно чувствовал на теле холодок медленно согревающейся мины.

У сторовшей лесной избушки Валя остановилась.

— Витя, тебе хочется есть?

— Не очень...

— А мне прямо заскулить хочется от голода. Давай испечем немного картошки. — Она виновато улыбнулась. — Мы задержимся ненадолго — на четверть часа, не больше.

Мы накопили с десятка подмороженных картофелин и развели костер. Сучья весело затрещали, синий дымок неторопливой струйкой потек кверху. Валя сидела перед костром, обхватив коленки руками, и шурилась на огонь.

— Как хорошо, — вздохнула она. — Так мирно и... уютно возле костра... Странно, совсем недавно я вот так же сидела возле костра в лагере, а кажется, что это было много-много лет назад... Как сон! — Она подбросила в огонь пучок хвороста и опять вздохнула. — Досадно, что в лагере мы пробыли в этом году только несколько дней. Помнишь, как я уезжала? Ты стоял на площади и почему-то смотрел на меня ужасно сердито...

— Валя... — начал я нерешительно, но она перебила меня:

— Нет, нет, пожалуйста, не оправдывайся! Ты и Саша тогда просто ненавидели меня.

— Да нет же! — вырвалось у меня. — Я всегда... относился к тебе очень хорошо...

— Но знаешь, Витя... ты только не сердись... я тогда ведь тоже вас недолюбливала. А когда Катя сказала, что я должна передать вам привет от Василия, то я так удивилась, что и сказать трудно. — Валя помолчала, посмотрела мне в глаза и улыбнулась. — Я никак не думала, что вы такие хорошие ребята.

Она задумалась и замолчала. Костер негромко потрескивал, сырые хворостины шипели и, словно змеи, извивались в огне.

— Как хорошо было в лагере! — снова заговорила Валя. — Мы сидели один раз вечером возле такого же костра и пели песню про картошку...

Она кашлянула и негромко запела:

Дым костра, углей сиянье-янье-янье-янье,
Серый пепел и зола-ла-ла...
Дразнит наше обонянье-янье-янье-янье
Дух картошки у костра-ра-ра!

Она внезапно откинула назад голову и засмеялась залиvisto и заразительно.

— Это было ужасно смешно!.. Понимаешь, сидели мы и пели эту песню... И вдруг к нам подходит какая-то женщина и таким мрачным голосом приказывает: «Дети, эту песню петь не надо!» — «Почему?» — говорю я. — «Потому, что эта песня не отражает сегодняшнего дня!» — «Как так не отражает?» — говорю я. — «Это очень хорошая, старая лагерная песня». А она отвечает: «У вас сегодня на завтрак была жареная свинина, вы пили какао и ели булку с маслом, так почему же вы славите картошку?» — «Ну и что ж, что свинина, что же, что какао, — говорю я, — все равно песня эта хорошая: в походе ничего вкуснее печеной картошки не может быть!» Так я ее и не уговорила. — Валя покачала головой и отсела от костра чуть подальше. — Как припекать возле огня начало! А я люблю старые пионерские песни. Вот еще есть: «Взвейтесь кострами»...

И она запела:

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы пионеры,
Дети рабочих...

Голос Вали звенел и уносился вдаль.

— Витя, — оборвала вдруг Валя песню, — а ты почему не подпеваешь?

— Валя, — сказал я жалобно, — ты же знаешь, какой у меня голос!

Она чуть усмехнулась и продолжала:

Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера —
Всегда будь готов!

— Правда, Витя, это очень хорошо сказано: «Близится эра светлых годов»?.. Вот кончится война, и наступит светлая эра! Как ты думаешь, доживем мы до коммунизма?

— Обязательно! — сказал я.

Над просекой вдруг разорвались серые тучи, и невидимое солнце хлестнуло по лесу косыми могучими лучами. Сразу стало видно далеко-далеко. Вот на полянке стоит одинокая березка, последний желтый лист слабо дрожит на ней, собираясь сорваться. А другой лист парит в воздухе, лениво и плавно покачиваясь с боку на бок. Вот из оврага крадется прозрачный легкий туман. Кажется, он запутался в кустарнике и уже не в силах ползти дальше. А вот там, в самом конце просеки, видна осиновая рощица, совсем оголенная и неподвижная. Она пронизывается солнцем насквозь, будто греется и нежится в его нечаянных лучах. Заяц неслышно выскочил на просеку, поднялся на задние лапы, осмотрелся, скакнул раз-другой и исчез...

— Валя, смотри, какое солнце, — сказал я. — Кто-то мне говорил, что это к морозу.

Она не ответила. Я взглянул на нее и запнулся. Валя спала у костра, откинувшись на траву и подложив под голову руку. Костер догорел, угольки тускнели и гасли. Я разгрел золу и достал испеченные картофелины. Валя пошевелилась, всхлипнула и открыла глаза.

— Кажется, я задремала, — засмеялась она. — Надеюсь, ты не воспользовался случаем и не съел всю?

Обжигаясь и дуя на пальцы, мы чистили картошку и быстро ели ее. Подмороженная картошка была сладковатой, но это, разумеется, не портило нам аппетита.

Небо снова заволокло тучами, и в воздухе похолодало.

— Пойдем, — поднялась Валя.

— Пойдем!

— Снег! — вдруг сказала Валя.

Редкие снежинки — одна, другая, третья — порхнули мимо нас. Потом снежинки начали падать все гуще и гуще. Вечером, когда мы добрались до города, все побелело кругом, и нас совсем замело. Измученные и голодные, мы еле двигались в сумраке по пороше.

Два солдата остановили нас у входа в город и осветили фонариком. Вероятно, наш вид развеселил их, потому что они рассмеялись. Один из них хлопнул меня по спине, махнул рукой и сказал:

— Ап...

Мы шли по белому, украсившемуся снегом городу, покачиваясь от усталости.

На улице Первого мая мы в безмолвии остановились, пораженные ужасом: дом старого сапожника сгорел. Из-под снега торчали черные, обуглившиеся стены...

— Пойдем к Грише Науменко, — сказал я, когда ко мне вернулся дар речи. — Это ближе всего...

Валя молча кивнула. Не сказав друг другу ни слова, мы добрались до дома Гриши. Дверь нам открыл Саша.

— Вы?! — только вскрикнул он.

Помню, я был таким усталым, что даже не удивился, увидев его здесь.

Гриша лежал в постели, закрытый по самый подбородок одеялом: он был, видимо, болен, и Саша ухаживал за ним. Я, шатаясь, подошел к столу и сел. «Спать, спать...» — думал я и вдруг, как сквозь туман, услышал, как Валя тихо спросила:

— Где Воронковы?

— Потом, потом расскажем, — сказал Саша. — Ложитесь спать. На вас смотреть страшно!

— Спа-ать... — с трудом выговорил я непослушным деревянным языком.

Саша уложил меня на диване, и мою голову словно какой-то тяжестью придавило к подушке.

Когда я проснулся, было светло. Заснеженное дерево за окном ослепительно искрилось на солнце. Саша сидел возле постели Гриши и о чем-то шептался с ним. Увидев, что я поднял голову, они повернули ко мне лица.

— Где мои валенки? — спросил я, спуская с дивана ноги.

— Сохнут на печке, — сказал Гриша. — Саша, принеси ему...

Саша ушел в соседнюю комнату, и я слышал, как он там говорил:

— Бабуся, все встали, можно завтракать.

От слова «завтракать» у меня засосало в желудке.

Я надел теплые, почти горячие валенки. Приятная теплота потекла от ног по всему телу.

Вошла Валя, вытираясь на ходу полотенцем.

— Ты проснулся, Витя? — спросила она и попыталась улыбнуться. Но улыбка на ее бледном лице получилась какой-то невеселой, необычной. У нее задергался подбородок, она села к столу, закрыла глаза ладонями и заплакала.

— Валя! Что такое? Почему ты плачешь? — вскочил я.

— Случилось большое несчастье, Витя...

Я посмотрел на мальчиков. Саша хмуро сказал:

— Арестовали всех... И Воронкова, и Нину, и Катю...

Теперь мне стало понятно, почему сожжен дом сапожника — милого, хорошего и ворчливого старика. Соседи рассказали Саше, что, когда к Воронковым явились гестаповцы, он проломил одному из них череп сапожным молотком. «Я политикой не занимаюсь...» — вспомнил я слова Воронкова и подумал о том, какая это была замечательная семья — отец и две дочери. Семья честных и смелых советских людей. У меня до боли сжалось сердце и перехватило дыхание.

Валя вытерла глаза.

— Я не знаю, как нам поступить, ребята, — негромко заговорила она. — Я не знаю, кому передать мину... В городе действуют, конечно, и коммунисты и комсомольцы, но я была связана только с Катей и мамой.

— А тут и думать нечего! — ответил Саша. — Сами нефтебазу подорвем!

— Тише!.. — поднял я палец, увидев бабушку Гриши, вносящую завтрак.

Гриша успокоил меня:

— Она, Витя, ничего не слышит. Старенькая. А вообще бабушка у меня хорошая, можете не беспокоиться.

После завтрака Саша ушел на разведку. Валя и я сидели подле окна, печально поглядывая на улицу. В воздухе медленно кружились снежинки.

Вскоре вернулся Саша и сообщил, что ему удалось точно выяснить, как лучше пробраться на нефтебазу. Когда стемнело, мы вышли из дому. Гриша смотрел на нас в окно, вытянувшись на постели, и помахивал рукой...

...Чего-то мы не рассчитали. В лесочке, неподалеку от которого гитлеровцы основали свою нефтебазу, нам следовало выждать подольше, пока не наступит полная темнота. А Саше, который пополз от лесочка к нефтебазе, надо было надеть на себя что-нибудь светлое. Об этом я подумал лишь тогда, когда увидел, что он очень заметен на снегу. Но Саше удалось добраться до огромной цистерны, и в ее тени мы на минуту потеряли его из виду. Мне почудилось, что я слышу, как щелкнула на магнитной мине чека, выдернутая Сашей, и я подумал, что теперь мина, наверно, уже присосалась к железной цистерне и что сейчас Саша поползет обратно. И действительно, через несколько секунд мы увидели его на снегу. Он полз к нам, торопливо загребая снег руками, чуть выгнув спину.

— Присосалась! — горячо шепнула Валя.

*... Мы много часов брели по лесу, падая и снова поднимаясь.
Когда рассвело, у нас уже не было сил двигаться.*

Мы стояли за деревом, не сводя с Саши глаз. Когда он был уже совсем близко от нас, раздался испуганный крик часового:

— Хальт!

Саша вскочил и побежал. И сейчас же загремели выстрелы. Он упал с разбегу в сугроб в нескольких метрах от нас и больше не шевелился.

— Саша! — громко крикнула Валя, так громко, что ее, должно быть, услышали часовые. Мы бросились к Саше, попытались приподнять его и оттащить за деревья.

В ту же минуту оглушительный взрыв страшной силы потряс все кругом, земля заходила под ногами, и резкая боль пронзила мою руку.

— Саша... Саша... — как стон, повторяла Валя.

Его тело было тяжелым и непослушным. На снегу, на том месте, где он лежал, я вдруг увидел большое темное пятно.

С каждой секундой оно расплывалось все больше и больше. «Кровь!» — с ужасом подумал я и понял, что мой друг убит. Но я все еще шептал, задыхаясь:

— Саша, дорогой!.. Саша!.. Вставай, Саша!..

— Бежим! — хрипло сказала Валя. — Саша убит...

...Мы много часов брели по лесу, падая и снова поднимаясь. Когда рассвело, у нас уже не было сил двигаться. Мы сидели в сугробе, окруженные тихими, торжественными елями. Тяжелый снег лежал на их мохнатых ветках. «Только бы не заснуть», — думал я и шептал:

— Валя, не спи... Валя, не спи...

Она открыла глаза.

— Я больше не могу, Витя. Брось меня... Иди один... Тут уже где-то близко сторожка. Иди один...

Я вскочил. Я хотел взвалить ее к себе на плечи и идти, идти... Но, вскрикнув от боли, упал в снег. Раненая рука дала себя знать.

Наступила тишина. Стало вдруг удивительно тепло и приятно лежать без движения и слушать, как где-то далеко-далеко стучит дятел. Неподалеку от нас за кустом села сорока, повертела черным клювом и, увидев нас, вспорхнула и тревожно застрекотала.

Остальное я помню как во сне. Чьи-то голоса... Скрип полозьев. Теплая землянка и склоненное надо мной лицо мамы...

А потом я помню ночные костры. Самолет садится на снежную площадку. И вот мы летим через линию фронта в Москву... В родную Москву!

СОДЕРЖАНИЕ

МОНТИГОМО - ЯСТРЕБИНЫЙ КОГОТЬ	7
СЕВЕРНОЕ ЛЕТО	133
КЛАД	156

Виталий Губарев

МОНТИГОМО — ЯСТРЕБИНЫЙ КОГОТЬ

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Том 300

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 не требуется знак информационной продукции, так как данное издание классического произведения имеет значительную историческую, художественную и культурную ценность для общества

Верстка и работа с иллюстрациями
Д. Петерфельд

Дизайн обложки,
подготовка к печати
А. Яскевича

Гарнитура Гарамонд Премьер Про
12 кегль

Сдано в печать 14.10.2024
Объем 14,5 печ. листа
Тираж 2000 экз.
Заказ № 6686/24

Бумага
Сыктывкарская книжная кремовая офсетная 60 г/м²

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.szko.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А,
www.pareto-print.ru

Виталий Георгиевич Губарев (1912–1981) — советский детский писатель, журналист и драматург. Будущий литератор родился в Ростове-на-Дону в семье учителя и дочери священника. Детство мальчик провел на хуторе, где его бабушка руководила школой; там он окончил девять классов. Богатое воображение и тяга к творчеству помогли ему написать свои первые пьесы ещё в школьные годы. В четырнадцатилетнем возрасте Губарев дебютировал на литературном поприще: его первый рассказ был опубликован в журнале «Горн» в 1926 году. Некоторое время спустя юноша вступил в Российскую ассоциацию пролетарских писателей. Долго Губарев работал редактором в журналах и газетах, совмещая журналистику с преподавательской деятельностью в Институте детского коммунистического движения. В 1933 году в газете «Колхозные ребята» была опубликована его статья о Павле Мо-

розове, впоследствии переработанная в повесть, а затем — в пьесу. Сюжет о Морозове в изложении Губарева вызвал общественный резонанс и принес писателю широкую известность. Великую Отечественную войну Губарев прошел в качестве фронтового корреспондента. В послевоенный период писатель много путешествовал по стране, стремясь найти оригинальный материал и лучше понять интересы своего читателя. Результатом кропотливой работы стала сказочная повесть «Королевство кривых зеркал». Она снискала огромную популярность, была переведена на иностранные языки и сначала была адаптирована для театральной сцены, а затем и для кинематографа. За ней последовало еще несколько сказок для детей и повестей для подростков. Сочинения Губарева высоко ценились в СССР, переиздавались в популярных книжных сериях и пользовались успехом как у детей, так и у взрослых. В данное издание вошли его повести «Монтигомо — ястребиный коготь», «Северное лето» и «Клад». В них писатель затрагивает темы взросления, выбора жизненного пути и становления характера. Эти произведения впервые вышли в свет в 1965 году в издательстве «Молодая гвардия» и с тех пор полюбились многим поколениям юных читателей.

Иллюстрации к текстам выполнил советский мастер книжной графики Игорь Леонидович Ушаков (1926–1989). Художник учился в Московском полиграфическом институте, а затем работал иллюстратором в газетах и журналах. Его работы также можно было встретить на всесоюзных художественных выставках и в советских изданиях произведений мировых авторов. Самобытные иллюстрации Ушакова не утратили своей ценности и в наши дни. Графичность рисунков объединяет три повести сборника, а изображенные портреты действующих лиц превосходно отражают характеры героев Губарева.

